

P. o. russ.

153

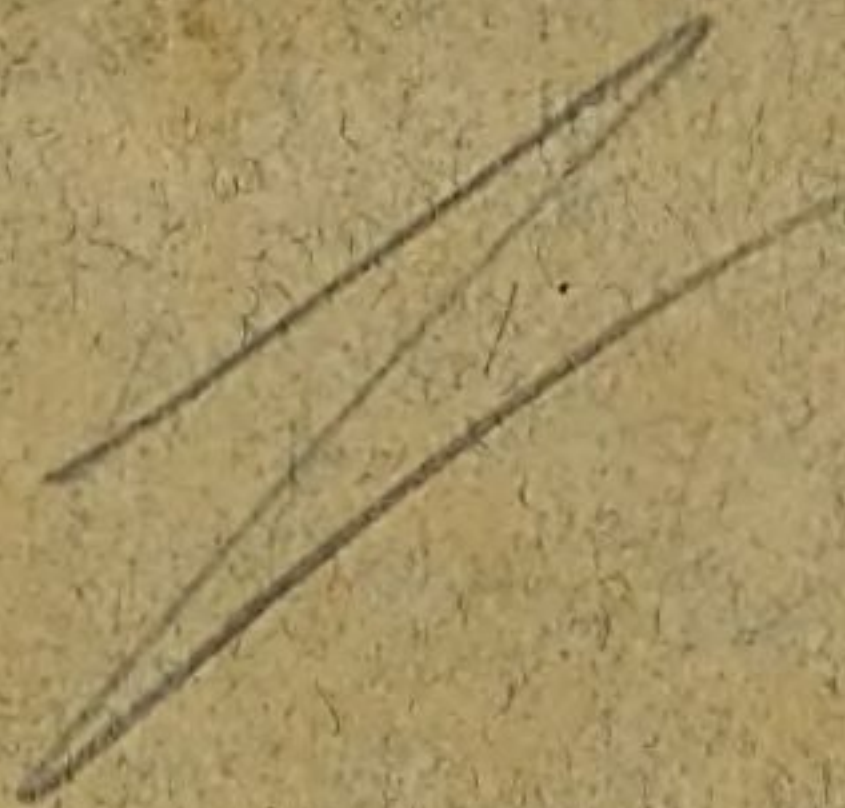
7

P.O. russ. 153 z

484

348
Ф. НЕФЕДОВЪ.

СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I Спасена. — II. На берегу моря. —
III. Перевозчикъ Ванюшка. — IV. На
Новый годъ. — V. Сгинула дѣвка. —
VI. Обошелъ. — VII. Чудная ночь.

МОСКВА.

Типогр. Выс. утв. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
1895.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Ff/87/50368

С п а с е н а.

Давно стояла ночь надъ большимъ фабричнымъ селомъ. Не слышать больше пронзительныхъ свистковъ, замолкъ грохотъ и шумъ различныхъ механизмовъ, окончились вездѣ работы и на время забыты тяжелый трудъ, горе и всѣ невзгоды жизни. Тихо и безмолвно въ селѣ, все успокоилось и спитъ крѣпкимъ сномъ, пока первый ударъ колокола не разбудить это царство труда и печали.

Завтра праздникъ Рождества Христова!

Блѣдная зимняя ночь, ни одной звѣздочки въ небѣ. Темны ветхія лачуги и убогія избенки; только въ большихъ каменныхъ домахъ мерцаетъ свѣтъ: тамъ, передъ иконами, теплятся многочисленныя лампадки. Нигдѣ — ни звука, покой и сонъ...

За селомъ безъ конца разстилается бѣлое поле, точно также погруженное въ глубокій сонъ и молчаніе. Темный свинцовый сводъ неба надъ нимъ нависъ. Кругомъ мертво, нигдѣ ни признака живой души.

— Что мнѣ дѣлать? — раздался вдругъ человѣческій вопль, нарушившій мертвую тишину. — Неужели еще жить?... Нѣтъ, опостылѣлъ мнѣ бѣлый вольный свѣтъ...

Среди бѣлыхъ, пушистыхъ снѣговъ, надъ кручею рѣки, стояла молодая дѣвушка, одѣтая въ бѣличью шубку и повязанная теплымъ шерстянымъ платкомъ. Блѣдное лицо ея, съ большими черными глазами, исполнено было невыразимой тоски и страданій.

— Измучилась я, — жаловалась дѣвушка, — все сердце во мнѣ изныло, душа истомилась... Загубила я себя!

Она поглядѣла внизъ, гдѣ чернѣла полынья рѣки, и ужасомъ охватило ее при видѣ грознаго лица смерти. Вздогнула дѣвушка и инстинктивно отступила назадъ.

— Страшно... Нѣтъ! силъ не хватитъ... Господи! Недолго, однако, продолжалось колебаніе.

— Чего я боюсь? одна минута... только...

Осмотрѣлась, увидѣла тропинку и поспѣшно побѣжала по ней къ рѣкѣ. Опять разверзлась передъ ней зіяющая глубь, готовая въ одинъ мигъ принять и утопить всѣ страданія человѣческой души...

— Смерть, — лепетали пересохшія губы. — Какъ близко... А что за гробомъ? — вспомнила она. — Да нѣтъ! вѣчныя муки не такъ страшны, какъ мученія здѣсь, въ этой жизни... Прощай, бабушка! прощай, сестра!

Она стояла теперь почти у самой полыньи. Еще два-три шага, — и рѣка скрыла бы эту молодую,

рано и безжалостно разбитую жизнь; но глаза дѣвушки поднялись къ небу, и ей показалось, что на востокѣ что-то какъ будто забѣлѣлось... Откуда-то разомъ нахлынули воспоминанія и овладѣли душою несчастной: лицо старушки, доброе, ласковое и милое лицо, во всей своей тихой и печальной прелести возстало передъ внучкою. Лицо это смотрѣло съ такой всепрощающей любовью и ласкою, что дѣвушка подняла руки, какъ бы желая привлечь къ себѣ этотъ дорогой образъ... За лицомъ бабушки мелькнуло другое лицо, молодое и веселое: это — сестра. Вотъ и старый домикъ, выглянувшій изъ-за садика... Какъ хорошо тамъ, весело и шумно! Собрались рѣзвые подружки, говорятъ, хохочутъ. Видить, облѣпили ее дѣвушки, приступаютъ къ ней, зовутъ играть. Всѣ шумной толпой бѣгутъ въ садъ... Весна, деревья одѣлись свѣжей, густой листвою, все цвѣтетъ и радуется. Началась игра въ горѣлки; крикъ, смѣхъ и бѣготня... Бабушка съ сестрой глядятъ изъ окна. Старушка машетъ рукой и зоветъ:

— Паша! али не слышишь? — раздается ея голосъ. — Поди чай пить, дожидаемся!

— Самоваръ готовъ, зови всѣхъ въ горницу! — кричитъ изъ другого окна сестра.

— Милыя мои, — шепчетъ Паша. — Вы любите меня...

Между тѣмъ свѣтъ на востокѣ усиливался, разливался шире и постепенно позолачивался. Дѣвушка стояла неподвижно, вся отдавшись воспоминаніямъ о прошломъ, счастливомъ и прекрасномъ

прошломъ... Но вотъ по лицу ея скользнула какая-то тѣнь, на лбу легла глубокая морщина, и губы ея дрогнули...

— Обмануль! Насмѣялся, — выговорила она. — Я—грѣшница, нѣтъ мнѣ прощенія... Лучше смерть, чѣмъ стыдъ и позоръ!.

И она быстро подалась впередъ, — подалась и перекрестилась.

Въ это самое время раздался первый ударъ большого колокола, раздался среди всеобщей тишины и торжественнымъ гуломъ пронесся по окрестности; за нимъ послѣдовалъ другой, третій и вслѣдъ за ними понесся благовѣстъ со всѣхъ колоколенъ фабричнаго села... Дѣвушка стояла пораженная этимъ торжественнымъ звономъ; она вспомнила, — наступленіе какого великаго праздника возвѣщаетъ этотъ звонъ. Глаза ея невольно опять поднялись на озаренный востокъ, и она увидѣла въ лучезарномъ сіяніи пречистую Дѣву-Мать съ божественнымъ Младенцемъ на рукахъ. Молодая дѣвушка смотрѣла на это чудное видѣніе, не сводя глазъ, и ей слышались съ высоты ликующаго неба радостныя слова: „Христось родился. Нѣтъ больше грѣшныхъ. Онъ Своею кровію искупить грѣхи міра. Ты спасена!“ Видѣніе пропало, и золотой край мѣсяца выплылъ...

Затихъ колокольный звонъ. Въ церквахъ идетъ утренняя; „Христось рождается, славите“, поютъ на клиросахъ, ярко горятъ передъ иконами восковыя

свѣчи, несется кверху кадильный дымъ, и тысячи вѣрующихъ, съ радостными лицами, горячо молятся родившемуся Спасителю, приносящему съ собою въ міръ любовь и прощеніе.

Въ старомъ домикѣ, пріютившемся между голыми деревьями въ саду, посреди небольшой, но чистой и уютной комнатки стоитъ худенькая старушка, съ сухимъ лицомъ, и благоговѣйно шепчетъ молитвы; передъ образами, въ посеребренныхъ окладахъ и ризахъ теплятся лампадки, и горятъ тоненькія восковыя свѣчки, разливая вокругъ мягкій и кроткій свѣтъ. Старшая внучка моельщицы—въ церкви, а младшая... она пропала, около полугода покинула домъ, и Богъ знаетъ гдѣ теперь... Бабушка усердно молится за нее. Слабый стукъ раздался съ крылечка, но старушка не слышала. Немного погодя стукъ повторился.

„Кто это? — подумала бабушка. — Должно-быть мнѣ почудилось“.

Но опять слабый стукъ, прервавшій молитву... Старушка достала лучину, зажгла отъ свѣчки, и пошла въ сѣни.

— Кто тамъ?—спросила она.

Чей-то знакомый, робкій голосъ отвѣчалъ:

— Бабенька, пусти!

Лучина въ рукахъ старушки задрожала; она торпливо отодвинула засовъ и отворила дверь. Не сразу узнала она стоявшую передъ ней дѣвушку.

— Владычица небесная!—вскрикнула старушка, всмотрѣвшись въ лицо своей вернувшейся внучки.— Паша! родная ты моя!

— Бабенька!

Раскрыла свои худыя руки старушка, и Паша упала къ ней на высохшую, но бьющуюся любовью грудь и зарыдала.

— Что ты, дитятко? Господь съ тобой! — успокоивала внучку бабушка. — О чемъ ты?

— Я... я виновата, — лепетала она: — прости меня. Онѣ вошли въ комнату.

— Полно, дитятко, — говорила старушка, крестя внучку и цѣлуя ее въ голову. — Ты не виновата. Сегодня Христось родился, и всѣ грѣхи прощены...

Правда, любовь и прощеніе грядутъ на землю.

На берегу моря.

Солнце опустилось на самый горизонтъ. Покидая землю, оно пріостановилось, какъ будто бы, на минуту, точно о чемъ задумалось. Посмотрѣло оно еще разъ на морской берегъ, съ разбросанными по его холмамъ домиками, посмотрѣло на громады каменныхъ горъ, съ отсвѣчивающими на синемъ фонѣ бѣлоснѣжными вершинами, посмотрѣло на все и, пославъ землѣ и людямъ прощальную свѣтлую улыбку, быстро стало погружаться въ морскую гладь; сверкнувъ золотымъ обрѣзомъ, оно потонуло въ спокойной лазури безбрежнаго моря. И, какъ только оно скрылось, по всему берегу пронесся могучій вздохъ опечаленной земли; отъ ея вздоха похолодѣлъ воздухъ; больные, посиживавшіе на терраскахъ домиковъ и скамеечкахъ подъ деревьями, спѣшили поскорѣе укрыться въ свои помѣщенія; темно-зеленые, вѣчно-задумчивые кипарисы еще больше потемнѣли и задумались; одни иммортели да зеленые лавры съ миртами тихо чему-то улыбались и радовались. Золотистая, нѣжно - пурпурная зорька

вспыхнула на краю неба, вспыхнула — и, поблѣднѣвъ, тотчасъ же потухла. Кругомъ разомъ все стемнѣло и затихло; день быстро смѣнился ночью, и съ моря опять потянуло тепломъ.

I.

Ночь была, даже по югу, необычайно теплая и величаво-молчаливая. На берегу и въ горахъ, одѣтыхъ въ сумракъ и погруженныхъ въ чуткій сонъ или дремоту, — ни одного звука, ни голоса; такая же тишина стояла и на морѣ, на этомъ рѣдко когда смолкающемъ, постоянно шумящемъ и сердитомъ Черномъ морѣ, — даже легкаго прибоя не слышно, развѣ только иногда донесется до слуха мелодичный плескъ ласкающейся къ берегу шаловливой волны. Не такъ было вверху, на темносинемъ сводѣ неба: усѣянный милліонами звѣздъ, онъ сверкалъ разноцвѣтными огнями и какъ будто весь сотрясался. Спокойное, безпредѣльно-широкое море, отражая на своей поверхности опрокинувшееся въ него небо, заботливо и бережно держало его въ своихъ объятіяхъ, боясь малѣйшимъ своимъ движеніемъ потревожить хотя одну звѣздочку. Въ окнахъ домиковъ и гостиницы пансіона мелькали привѣтливые огоньки; порою, отъ свѣта лампъ, виднѣлось за стеклами дѣтское личико, обрисовывалась тѣнь кудрявой головки, показывалось блѣдное худое лицо. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ, стоящемъ на холмѣ, почти надъ самой водою, съ выходящею на море терраскою, въ уютной свѣтлой комнаткѣ, сидѣла за самоваромъ, въ мягкомъ креслѣ,

дѣвушка, склонивъ свѣтлорусую красивую голову надъ бѣлою фарфоровою чашкой; она долго не измѣняла своего положенія, позабывъ о давно налитомъ чаѣ, позабывъ и о томъ, что изъ-за двери другой комнаты слѣдили за ней чьи-то глаза.

— Барышня! да будетъ вамъ,—послышался изъ двери негромкій голосъ, и выглянуло женское лицо.— Кушайте чай... Чего вы затуманились?

Дѣвушка подняла голову. Если бы не матовая блѣдность лица, не усталое болѣзненное выраженіе голубыхъ глазъ и худоба, ее можно было бы назвать красавицею,—такъ правильны, тонки и благородны были черты этого хорошаго и симпатичнаго лица.

— Я все думаю, Маша,—отвѣтила она тихо на голосъ своей горничной.— Доктора никогда не скажутъ правды...

Дѣвушка закашляла, розоватыя пятна показались на лицѣ. Она взволновалась.

— Вотъ опять!..—проговорила она.— Давно этого не было... Неужели же...

Она не кончила и снова печально опустила голову.

— Успокойте себя, Наталья Митревна,—заговорила горничная.— Богъ милостивъ, опаснаго, можетъ, ничего нѣту, а это такъ, милая барышня... Ей Богу! Много тревоги наиспринимались, такъ вотъ это самое и того...

По круглому краснощекому лицу говорившей, по сѣрымъ большимъ глазамъ, по говору и дород-

ности всей фигуры, не трудно было съ перваго же раза догадаться, что это — простая русская женщина, какъ-то случайно перенесенная съ холоднаго сѣвера на теплый югъ. И, дѣйствительно, „Маша“, то-есть Марья Никитична, вмѣстѣ съ барышней, пріѣхала въ Крымъ изъ одной нашей сѣверо-восточной губерніи.

Свѣтъ отъ лампы, сквозь бѣлый шаръ, падаетъ на прелестные волосы дѣвушки, тонкія ея плечи и широкія, свободно лежавшія на груди складки лифа чернаго платья.

— Перестаньте же, моя красавица! — снова начала уговаривать Маша. — Право, не изъ-чего кручиниться. Взгляните-ка лучше на свою толстую дуру, покажите мнѣ свои веселенькіе глазки!

Барышня взглянула, и слабая улыбка освѣтила ея грустное лицо.

— Ну, вотъ и ничего, личико опять у васъ миленькое! — обрадовалась толстушка. — Погодь малость, мы къ веснѣ какъ расцвѣтемъ — любо-дорого на насъ будетъ смотрѣть!

— Да вотъ, Маша, этотъ противный кашель, — заговорила нѣсколько успокоившаяся дѣвушка. — Боюсь я его...

— Охота вамъ объ этомъ кашлѣ думать! — подхватила горничная. — Плюньте вы на него, онъ, негодный, и отвяжется, Наталья Митревна.

Барышня повеселѣла.

— Садись, моя Маша, давай вмѣстѣ чай пить, — сказала Наталья Дмитріевна, — а одной мнѣ не хо-

чется... Знаешь, какой завтра праздник? Ты посидишь со мной, расскажешь что-нибудь... Я очень люблю, когда ты сидишь противъ меня, пьешь со мной чай и рассказываешь...

— А это я съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ,—отвѣтила живо толстуха.—Я и раньше бы къ вамъ присусѣдилась, да никакъ не удосужилась: пока самоварчикъ на столъ поставила, на куюню сбѣгала, съ поваромъ погрызлась.

— Изъ-за чего ты съ нимъ?

— А маслица давѣ утромъ свѣженькаго не подалъ, сливки прогорклыя прислалъ.

— Оставь, Маша. Объ этомъ надо хозяину сказать, а поваръ тутъ не при чемъ.

— А я развѣ, милая барышня, и тому спуску дамъ?—побѣдоносно заявила вѣрная служанка.—Какъ же! того, лису-то, я еще предъ обѣдомъ, какъ за кушаньемъ для васъ бѣгала, такъ-то ли отчитала, что слова единого супротивъ меня не нашелъ сказать, только плюнулъ. Грабятъ разбойники, рады, что мы однѣ на чужую сторону захали, живемъ здѣсь безотвѣтными,—какъ сиротинушки горемычныя. Такъ этакимъ мошенникамъ да потакать, подставлять имъ беззащитную шею? Я скорѣе въ окіанѣ этомъ Черномъ морѣ потоплюсь, чѣмъ, сирота я круглая, дамъ въ обиду свою крошку-барышню!

— Ахъ ты, Маша, дорогая моя Маша!—съ глубокимъ чувствомъ произнесла барышня, встала и

обняла беззащитную сироту.—Одна ты меня утѣшишь, одна ты защитишь свою несчастную, больную Наташу...

II.

Два года живетъ на южномъ берегу Наталья Дмитриевна Поливанова. Третій годъ злой недугъ подтачиваетъ, какъ червь нѣжное растеньице, силы молодой дѣвушки; красота ея медленно увядаетъ, блекнутъ щеки, упадаетъ замѣтно грудь, и томится больная вдали отъ всего, что ей такъ дорого, мило и свято. Дочь отставного генерала, георгіевскаго кавалера, она получила образованіе въ одномъ изъ лучшихъ столичныхъ институтовъ. Девятнадцати лѣтъ, стыдливая и вся смущенная, она, по желанію отца, — мать у нея умерла двумя годами раньше, — вступила въ высшій провинціальный свѣтъ и съ перваго же своего появленія обратила на себя общее вниманіе: молодая красавица, граціозная, изящная, дочь богатаго отца, имѣвшаго большія связи въ столицѣ и пользовавшагося большимъ уваженіемъ со стороны мѣстнаго общества! Толпа поклонниковъ окружила Наташу Поливанову; ея руки добивались молодые люди лучшихъ и богатыхъ фамилій. Но ни одинъ изъ нихъ не могъ расположить къ себѣ сердце дѣвушки; выборъ ея палъ на человѣка скромнаго происхожденія, редактора мѣстной газеты, пріобрѣтшей симпатіи учащейся молодежи и большинства образованной провинціальной публики.

Она познакомилась съ нимъ въ собраніи; ей было извѣстно, что онъ женатъ и болѣе шести лѣтъ живетъ въ „разъѣздѣ“ съ женою. Дѣвушка поняла, что Прохоровъ—человѣкъ высокой души, съ любящимъ сердцемъ, стоящій неизмѣримо выше всѣхъ ее окружающихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко несчастный. Она полюбила его всею силою первой и чистой любви, полюбила беззавѣтно. И онъ ей отвѣтилъ точно такимъ же чувствомъ, которое могущественно овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка и возноситъ его къ небу. Но ихъ счастье, очарованіе любви было непродолжительно. Для полнаго счастья Прохорову нужно было развестись съ женой; но онъ не хотѣлъ позорить имя женщины, хотя и глубоко оскорбившей его чувство; Наташа тоже была противъ этого и, вся любовь и самоотверженіе, охотно отдалась бы своему Андрею и пошла бы за нимъ на край свѣта. Но Прохоровъ, какъ ни восторженно, какъ ни горячо любилъ дѣвушку, побоялся этой жертвы. Онъ слишкомъ хорошо понималъ людей, зналъ ихъ взгляды и отъ всей души презиралъ ихъ лицемѣріе. Не за себя лично онъ боялся,—въ немъ хватило бы гордости и пренебреженія къ пошлымъ людскимъ толкамъ; онъ зналъ, что предразсудки среды дадутъ себя почувствовать Наташѣ, и не рѣшался ставить ее въ тяжелое положеніе. Старикъ-отецъ, которому дочь прямо сказала, что любить Прохорова, сгоряча пригрозилъ, что лишитъ ее наслѣдства, но потомъ остылъ и, какъ человѣкъ добрый, самъ предложилъ помочь устройству брака, пустивъ въ ходъ свои петербург-

скія связи. Прохоровъ и Наталья отказались, объяснивъ старику мотивы отказа. Генералъ пришелъ въ волненіе, слезы выступили на его глазахъ и покатались по морщинистымъ щекамъ, омочивъ его сѣдые усы.

— Такъ какъ же... ты, Наташа?..

— Я буду его любить.

— Да знаю, что любить! Но, вѣдь, такъ нельзя же всю жизнь. Ты молода, сердце другой любви потребуетъ...

— А другой любви, пока Андрей не свободенъ, я не буду знать, милый папа.

— Правда, Наташа?

— Я никогда передъ тобой и передъ другими не лгала, папочка.

Генералъ раскрылъ широко руки, прижалъ голову дочери къ своему сердцу и сказалъ:

— Ахъ, Наташа, Наташа!.. За чьи только грѣхи Богъ тебѣ испытаніе такое послалъ!

Около двухъ лѣтъ Наталья любила Прохорова; отношенія ихъ не измѣнялись, остались все тѣми же. Старикъ - отецъ вскорѣ умеръ, благословивъ свою несчастную дочь. Еще при жизни отца о Наташѣ въ городѣ ходили разные слухи и сплетни, но какъ-то сдержанно; теперь же, когда стараго генерала больше не стало, мѣстное общество, въ лицѣ своихъ крупныхъ представителей лицемѣрія и распущенности, не замедлило во всеуслышаніе заявить

свое мнѣніе объ отношеніяхъ Натальи къ Прохорову.

Не легко ей жилось; она лишилась своего дорогого, горячо любимого отца, долго не могла примириться съ мыслью о его смерти, а любовь ея, святая, непорочная любовь, была оскорблена... Вся поэзія любви, всѣ ея радости и счастье исчезли. Годъ еще прошелъ среди ужасной пытки, организмъ дѣвушки не выдержалъ, надломился, она начала кашлять, и врачи посоветовали ей скорѣе оставить свой городъ и ѣхать въ Крымъ: они нашли у нея пораженіе верхушекъ легкихъ. Горничная Маша, служившая въ домѣ Поливановыхъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, не могла разстаться со своею „крохоткою“, какъ она называла Наташу, ни за что въ свѣтѣ не хотѣла отпустить ее съ другою горничной и поѣхала съ ней сама въ Крымъ.

III.

Здоровье Наташи въ Крыму, около Ялты, благодаря отсутствію всякихъ тревогъ и морскому климату, начало понемногу поправляться; она какъ-то отдохнула душой и въ первый разъ легко, свободно вздохнула. Переписка между нею и Прохоровымъ шла самая энергичная: писали другъ другу почти ежедневно. Она звала его къ себѣ, она не могла такъ долго его не видѣть. Черезъ три мѣсяца онъ пріѣхалъ, остановился въ Ялтѣ, ежедневно посѣщалъ Наташу и черезъ двѣ недѣли уѣхалъ. Ему

нельзя было дольше пробыть: веденіе газеты требовало личнаго присутствія. Частыя посѣщенія Прохорова возбудили въ пансіонѣ толки, дамы и здѣсь заговорили, а случайно попавшіе туда, отъ нечего дѣлать, знакомые Наташи даже почли своею обязанностію сообщить — конечно по секрету — дамамъ пансіона, что „смиреница“ барышня находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ пріѣзжимъ господиномъ. Положеніе дѣвушки сдѣлалось и здѣсь невыносимымъ: она переселилась въ другой, болѣе отдаленный отъ Ялты, пансіонъ, гдѣ и живетъ второй годъ. Для впечатлительной натуры Наташи не прошли безслѣдно и крымскія сплетни; болѣзнь обострилась, и ей стало опять хуже. Она снова звала къ себѣ Прохорова, но тотъ не ѣхалъ, ссылаясь на ея письма, что второй пріѣздъ его можетъ доставить ей лишь новыя огорченія. Наташа объяснила это по-своему: она начинала думать, что онъ охладѣлъ къ ней, меньше въ разлукѣ ее любить, и мучилась, терзалась... Это ухудшило состояніе ея здоровья. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ Прохоровъ сообщилъ Наташѣ о женѣ, что человѣкъ, съ которымъ она жила, запутался въ какую-то исторію и что обоимъ имъ предстоитъ непріятность. Затѣмъ, въ самомъ послѣднемъ уже письмѣ, онъ извѣщалъ, что жена его заболѣла, что онъ ѣдетъ въ тотъ городъ, гдѣ она жила, навѣститъ ее и, если можно, помочь ей. Наташа почему-то испугалась этого письма; она знала, что Андрей не вернется болѣе къ своей женѣ, что всякое чувство къ ней было ею же

убито, что у нея есть дѣти отъ другого; но, тѣмъ не менѣе, это письмо доставило ей столько нравственныхъ страданій, мукъ душевныхъ, что у нея снова открылся кашель.

Марья Никитична, зная про несчастную любовь своей барышни, съ свойственнымъ простой натурѣ инстинктомъ, всякій разъ умѣла разгадать душевное состояніе Наташи, зорко за ней слѣдила и во-время поспѣвала со словомъ утѣшенія. Такъ случилось и въ этотъ разъ, въ ночь наканунѣ Рождества Христова. Обѣ онѣ сидѣли теперь за чаемъ. Маша рассказывала своей барышнѣ о своей деревенской и городской жизни, не разъ вызывала улыбку на лицѣ Наташи и была чрезвычайно собою довольна.

— А Иванка-то, барышня, бо-ольно меня притко любилъ, и я за него, безпутнаго, — не накажи меня вдругорядь преподобный батюшка Нилъ! — безпремѣнно бы замужъ вышла, да по скорости въ солдаты его забрили... Ахъ, милая барышня, погляжу я да какъ подумаю: нѣтъ-то на свѣтѣ горше, несчастнѣе нашего дѣвичьяго положенія. Ей Богу, право, говорю вамъ правду-истину. И не столько я въ томъ виню мужиковъ, — они что, народъ подневольный! — сколько нашу сестру, бабъ озорницъ: онѣ корень всему нашему дѣвичьему бездолю. Ты не знаешь, сколько я черезъ нихъ, пакостницъ, за моего Иванку претерпѣла!

— Ну, Господь съ ними, — проговорила Наташа. — Расскажи-ка мнѣ, Маша, какъ прежде, давно-давно,

когда я маленькой дѣвочкой еще была, у насъ въ домѣ встрѣчали Рождество, какъ папа и мама веселились, что они говорили, кто изъ гостей къ намъ тогда прїѣзжалъ, какъ время проводили. Вѣдь ты все помнишь?

— Еще бы не помнить! Слава Богу, четвертый десятокъ на свѣтѣ живу, въ домѣ вашихъ папеньки съ маменькой двадцать годочковъ выжила... Папенька-то тогда еще полковникомъ состоялъ, — въ енаралы-то онъ ужъ послѣ былъ пожалованъ. Такой солидный, бравый былъ изъ себя мужчина! А васъ вотъ еще какой крохоткой я зазнала — на одной ладони, бывало, подниму и ношу по залѣ, въ куклы съ вами играла: сама еще молода въ тѣ поры была, любила пошалить... Няньки, мамки за вами ухаживали, а вы больше все ко мнѣ льнули. Какъ онѣ, бывало, на меня злятся! Дай Богъ имъ царство небесное! теперь онѣ обѣ, чай, ужъ померши будутъ.

— Такъ рассказывай же, Маша, какъ мы встрѣчали этотъ праздникъ.

— А вотъ сичасъ, моя милая барышня, — вытираясь рукавомъ бѣлой рубашки, отвѣчала Марья Никитична; — я тебѣ буду обсказывать все по порядку.

— Ну, и хорошо, рассказывай по порядку.

И Марья Никитична, перемывая чайную посуду, рассказывала барышнѣ о прошлой жизни ея отца съ матерью, гостяхъ, какіе въ домѣ бывали, играхъ и забавахъ, гаданьи и ряженіи дѣвушекъ съ пар-

нями на святкахъ, при чемъ самыя подробныя свѣдѣнія сообщались о маленькой барышнѣ, какою она была тогда веселой и проказницей, а доброю, съ „ангельской“ душенькою. Наташа слушаетъ, не перебивая рассказчицы, и переносится умомъ и сердцемъ въ далекое прошлое. Часовъ до девяти болтала словоохотливая Марья Никитична; наконецъ она вспомнила, что ей пора и на покой, встала, заглянула за штору въ окно и ахнула.

— Матушка-барышня, что на дворѣ-то дѣлается! Звѣзды, большущія-большущія, такъ на небушкѣ и полыхаютъ, полыхаютъ!

Дѣвушка тоже подошла къ окну и заглянула.

— Какая ночь, Маша! Если бы я не боялась простудиться, вышла бы на терраску и сѣла тамъ, смотрѣла бы на море, на звѣзды. Скоро долженъ и мѣсяцъ взойти.

— А вы, чай, къ окошечку? посидите?

— Да.

— Что жъ, полюбуйтесь, коли охота есть. Вотъ вамъ и креслице, шторку приподниму. Теперь оправлю постельку, молочко поставлю, да сама и спать! Ужъ больно мнѣ, милая барышня, здѣсь спится сладко. Право, ей Богу! Должно отъ сна-то крѣпкаго да жизни привольной и разноситъ меня всеё.

Барышня велѣла переставить лампу за ширмочку, гдѣ притаилась ея кроватка, а сама опустилась въ кресло у письменнаго стола, прямо передъ окномъ

на море. Все сдѣлала вѣрная Маша: приготовила и прибрала; потомъ немного постояла молча, поглядѣла на свою барышню, втихомолку раза два вздохнула и, наконецъ, промолвила:

— Спокойной ночи вамъ, барышня. Въ радости дай Богъ дождаться великаго Христова праздника,— и, подумавъ, прибавила:—хотѣлось бы къ заутрени сходить, да, вишь ты, пять верстъ надо до храма Божьяго итти. Живешь здѣсь словно въ Нѣметчинѣ: что праздникъ, что будень — все едино, никакой отлички нѣтъ. Ужъ подлинно сказать — нехрещеная сторона! Нѣшто вотъ одинъ здѣшній климантъ... Ну, спокойной ночи, моя красавица.

— Спасибо. Да ты подойди, поцѣлуй меня и перекрести, Маша.

— Ахъ, вы, моя ненаглядная! — воскликнула живая толстушка, брасаясь къ дѣвушкѣ и покрывая ея руки поцѣлуями.

Простившись окончательно, Марья Никитична направилась въ сосѣдную комнату, но отъ двери обернулась.

— Наталья Митревна!

— Ты еще не ушла? — спросила барышня.

— Слышь-ка, что я молвлю... Вы насчетъ Андрея-то Степаныча не больно сумнитесь. Онъ человѣкъ настоящій, не облыжный, крѣпко васъ любитъ. Вы ужъ мнѣ повѣрьте, милая барышня, на вѣтеръ слова я не кину... Ну, прощайте же!

— Иди, Маша, иди съ Богомъ!

— Ладно, живой рукой уберусь... А объ Андреѣ Степанычѣ-то не сумнитесь. Говорю вамъ: надежный онъ человѣкъ.

IV.

Часто, почти каждый вечеръ, когда на терраску рискованно было выходить, Наталья Дмитриевна сидѣла въ полутемной комнатѣ передъ большимъ окномъ и любовалась очаровательною, нѣжно-плѣнительною южною ночью. Но теперь на дѣвушку глядѣла другая, рождественская ночь, попрежнему все такая же очаровательная, но вся сверкающая, блестящая и величественная ночь. Два звѣздныхъ неба были передъ дѣвушкой: одно поднималось отъ горизонта къ зениту, а другое опускалось куда-то въ морскія глубины.

„Гдѣ моя звѣздочка?—подумала Наташа, отыскивая въ этомъ безпредѣльномъ звѣздномъ пространствѣ свою звѣздочку, на которую ей когда-то, еще въ дѣтствѣ, показывала мать.—Нѣтъ моей звѣздочки, пропала она... Пропала и жизнь, а съ нею и счастье...”

Дѣвушкою овладѣла грусть, она вспомнила рассказы Маши, и вереницею понеслись воспоминанія... Видитъ она старинный барскій домъ, довольныя лица отца съ матерью; видитъ себя среди рѣзвыхъ подругъ беззаботною, счастливою дѣвочкой. Двери

въ залъ почему-то плотно закрыты. Нарядныя подружки, разодѣтые мальчики — всѣ дружною толпой осадили дверь, ждутъ — когда же, наконецъ, ихъ пустятъ. И чего отъ нихъ скрываютъ? Но вотъ широко распахнулись двери, по бокамъ веселыя лица отца и матери; свѣтъ ослѣпилъ дѣтскіе глаза, и они отъ удивленія замерли на мѣстѣ. Мигъ — и всѣ съ громкими, веселыми криками бросились къ высокой елкѣ, богато разукрашенной, блестящей красивыми вещами и горѣвшей сотнями разныхъ огней. Какая шумная радость вокругъ! Сколько маленькихъ сердецъ билось отъ полноты счастья! Какой восторгъ въ свѣтлыхъ глазкахъ! И послѣ каждый годъ устраивали въ ихъ домѣ елку, но то, что Наташа испытала въ первый разъ, никогда уже больше не повторялось...

„Это было только разъ, подѣ Рождество, и никогда уже не повторялось“, думала Наташа, а глаза ея смотрѣли на небо, отыскивая тамъ одну звѣздочку.

Новый рой воспоминаній пронесся передъ нею. И опять, какъ при воспоминаніи объ елкѣ, властно въ душѣ вставали только первыя впечатлѣнія, только они будили чувства пережитого свѣтлаго, радостнаго.

„И это, и многое прошло и не повторится никогда... Что же прочнаго, не проходящаго въ жизни? Ничего нѣтъ! Да и сама жизнь также пройдетъ, не повторится... А любовь...“

Ей живо представилась первая встрѣча съ Андреемъ. Его лицо, улыбка, голосъ, каждое слово — все,

до мельчайшихъ подробностей, встало ясно передъ глазами, зазвучало въ ушахъ и отозвалось въ сердцѣ. Но и послѣдовавшія за первою встрѣчею впечатлѣнія такъ же ясны и живы. А первое слово признанія?... Нѣтъ, это вотъ никогда не пройдетъ, она живетъ имъ, оно вѣчно будетъ жить въ груди, переживетъ ее и никогда не умретъ.

— Какъ я тебя люблю, Андрей! — прошептала дѣвушка, и блѣдное лицо ея, выдѣлявшееся въ полусумракѣ, заалѣлось, исполнилось юной красоты, молодая жизнь заблестала въ голубыхъ глазахъ и заиграла въ счастливой улыбкѣ...

„Да, я живу этой любовью и вѣрю, что онъ меня любить“, говорило это оживленное, прекрасное лицо. И вдругъ... кашель, румянецъ сбѣжалъ съ лица, и холодный потъ выступилъ на бѣломъ лбу.

— Господи! — она схватилась за грудь.

Въ это время что-то вспыхнуло вдали моря, распростерлось надъ горизонтомъ и разлилось по небу. Слезы брызнули изъ глазъ больной, заструились по увядшимъ щекамъ.

„Бѣдная моя любовь!“ съ горечью въ сердцѣ думала она. „Жизнь уходитъ... Зачѣмъ же такъ безжалостна судьба? За что смята, испорчена моя жизнь? Развѣ я сдѣлала что преступное? Я любила и люблю. Неужели я не имѣю права любить, не могу смѣло и прямо всѣмъ сказать: вотъ избранникъ моего сердца! О, какъ же вы злы, бездушны, жестоки, люди!..“

„Любовь для неба и земли—святыня,
И только для людей—порокъ она...“

вспомнилось ей извѣстное стихотвореніе.

А даль все больше свѣтлѣетъ... Вотъ что-то красное вдругъ полыхнуло, словно гдѣ пожаръ, и медленно сталъ выкатываться изъ-за моря огромный багровый шаръ; красновато-огнистая рябь сверкнула, задрожала... Еще минута, двѣ—и полный мѣсяцъ выплылъ, заглянулъ въ море, раскололся надвое и золотымъ кольцомъ отразился на его поверхности, которая съ каждой секундой все болѣе свѣтлѣла и широко раздвигалась во всѣ стороны. Больная не сводила своихъ глазъ съ мѣсяца, съ моря. Вотъ она видитъ, какъ золотое кольцо превратилось въ такой же золотой вѣнецъ, а отъ него внизъ, одна за другой, посыпались, переливаясь, золотыя ступени; еще минута—и передъ нею встала исполнинская лѣстница, съ неба и до моря. И дѣвушкѣ показалось, что по этой золотой лѣстницѣ, въ бѣлыхъ одѣянiяхъ и съ бѣлоснѣжными крыльями, начали сходить съ неба свѣтлые ангелы; они спустились и пѣли небесными голосами неземную пѣснь. И эта пѣснь говорила, что идетъ Спаситель, что Онъ несетъ людямъ утѣшеніе и любовь, что правда воцарится между людьми, зло исчезнетъ, и одно добро только будетъ жить по всей землѣ. Больная сидѣла, исполненная вся благоговѣйнаго восторга, съ сладкимъ замираніемъ сердца, и думала:

„Правду и любовь несетъ Спаситель, люди будутъ добры, справедливы. Да, Онъ самъ — любовь! И то,

что Онъ сказалъ, непременно сбудется: „небо и земля прейдутъ: но слова Мои не прейдутъ“.

И она снова закашлялась.

„А я умру, не увижу, какъ люди будутъ счастливы, какъ между ними воцарится правда и любовь...“

Ангелы между тѣмъ все спускались по золотой лѣстницѣ и пѣли святую пѣснь, небеса разверзались и сіяли, море все свѣтлѣло и радовалось. Мѣсяцъ поднялся высоко; золотая лѣстница превратилась въ дрожащій золотой столпъ, ангелы, взмахнувъ крыльями, понеслись по морю къ берегу, чтобы возвѣстить людямъ о рожденіи Бога-Сына. Наташа склонила на столъ свою молодую голову и заплакала.

Изъ дверей выглядывала Марья Никитична, вытирая платочкомъ свои глаза, но не смѣла подойти къ своей любимицѣ, боясь нарушить эту святую скорбь взволнованной души.

Невдалекѣ, по дорогѣ къ пансіону, слышались тоненькіе звуки колокольчиковъ, съ какими обыкновенно ѣздятъ крымскіе ямщики или курьеры; звонъ ихъ приближался, становился явственнѣе; затѣмъ колокольчики раздались уже совсѣмъ близко, около гостиницы, и разомъ замолкли.

Марья Никитична, прислушавшись, осторожно, безшумно скрылась. А Наташа не отнимала головы отъ стола и плакала, неутѣшно плакала. Чувство своего одиночества, горькое сознаніе надломленной

жизни и страхъ за эту жизнь, опасеніе близкой смерти потрясли дѣвушку, а эта великая ночь, съ хорами поющихъ ангеловъ, свѣтлый мѣсяцъ и яркія звѣзды говорили о новой жизни, вѣчной правдѣ и любви. Дѣвушка быстро поднялась, всплеснула руками и громко воскликнула:

— Неужели смерть? Но, вѣдь, я еще не жила, я только полюбила, и люди безжалостно смяли, растоптали мою непорочную любовь, блаженства которой я не испытала... и я должна за это умереть?... О, спаси меня, спаси Ты, родившійся въ эту святую ночь, Ты, принесшій на землю любовь и миръ!

Изъ курзала, гдѣ въ ночь подъ Рождество была устроена для дѣтей елка, доносились до слуха дѣвушки звуки рояля: то были какіе-то необыкновенно веселые, рѣзвые и порхающіе звуки. Они говорили о чистыхъ радостяхъ младенческихъ душъ и ихъ счастіи, будили надежды въ сердцахъ на какую-то новую, совсѣмъ невѣдомую людямъ, жизнь, исполненную правды и любви. Больная заломила руки, вскинула къ небу свою прелестную, съ густыми локонами, голову и, облитая вся сіяніемъ мѣсяца, съ какою-то болѣзненностью, страстнымъ порывомъ измученной души взмолилась:

— Я жить, жить хочу!

Дѣвушка смотрѣла на звѣздное небо, на высоко поднявшійся мѣсяцъ, на распростершееся безгранично море: они ей какъ будто говорили, что она будетъ жить.

Въ дверь заглянуло снова знакомое лицо.

— Вы не спите, барышня?

Наташа обернулась.

— Развѣ ты не ложились, Маша?—удивилась Наташа.

— Проснулась. Съ праздникомъ васъ захотѣла поздравить: Христосъ родился, радость намъ принесъ.

И, проговоривъ эти слова, Марья Никитична шмыгнула за ширмы, взяла лампу и переставила на преддиванный столъ.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Маша, что съ тобой?!.. У тебя лицо...

А лицо это улыбалось, глаза радостно, сквозь слезы, смотрѣли на барышню и безъ словъ о чемъ-то говорили.

— Да что, что такое?—взволновалась Наташа и повела глазами.

— Не ждала, не чаяла, — заговорила толстушка и не кончила...

Въ дверяхъ показалась высокая фигура мужчины. Онъ быстро шагнулъ и простеръ впередъ руки. Наташа на мигъ точно замерла; потомъ щеки ея вспыхнули, она подалась всѣмъ стройнымъ станомъ и съ глазами, полными радостныхъ слезъ, кинулась навстрѣчу.

— Андрей!

— Родная! — выговорилъ нежданный гость, прижимая къ груди эту дорогую ему дѣвушку и по-

крывая ея волосы горячими поцѣлуями. — Здравствуй, моя дорогая! Здравствуй, невеста моя безцѣнная!

Наташа отняла лицо, взглянула и въ одно мгновеніе, по взору неожиданнаго гостя, все поняла и заплакала.

.....

— Помолись за *нее!* — сказалъ онъ черезъ минуту Наташѣ.

Перевозчикъ Ванюшка.

Вечерѣло...

Еще западъ румянился въ потухающемъ свѣтѣ зари, а ужъ надъ снѣжною равниною блеснула, робко такъ блеснула и зажглась одна звѣздочка.

Долго по всей широкой Руси православные ждутъ появленія вѣстницы небесъ, цѣлый день соблюдая нерушимо постъ; но только увидятъ, что возшла звѣздочка, деревенскіе люди благоговѣйно перекрестятся и промолвятъ: „Слава Богу! дождались мы звѣзды Христовой“. Хозяйки торопливо соберутъ ужинать, домашніе всѣ помолятся иконамъ и усядутся за накрытые столы, принимаясь за тюрю и „взварецъ“.

Между тѣмъ показался золотой серпъ молодого мѣсяца, посмотрѣлъ онъ на звѣздочку, стыдливую красавицу, отчего та поблѣднѣла, и началъ свѣтить міру. Незамѣтно, но тѣмъ не менѣе поспѣшно, опускаясь къ землѣ, будто нарочно съ тою цѣлью, чтобы ей было свѣтлѣе, мѣсяцъ далъ время кому-то раз-

сыпать по небу безчисленное множество звѣздъ, и не успѣли еще въ деревняхъ отужинать, завалился куда-то—не то за наметанные высоко сугробы, не то за чернѣющійся вдали лѣсъ. Какъ только мѣсяцъ спрятался, необъятный темносиній сводъ, распростершійся надъ безмолвною снѣговою равниною, весь разомъ вспыхнулъ: ярко заблестали крупныя звѣзды, переливаясь разными огнями, высыпали всѣ до одной, и затеплились малыя; а по небу, съ юга на сѣверъ, вскинулась серебристая безконечная рѣка, въ бездонныхъ, какимъ-то особымъ юнымъ свѣтомъ мерцающихъ глубинахъ которой кружились безъ числа хороводы алмазовъ и брильянтовъ-малютокъ... Сказываютъ, что это въ селеніяхъ райскихъ, передъ лицомъ самого Бога, души невинныхъ младенцевъ и сиротъ шумными толпами играютъ и веселятся по случаю рожденія Іисуса Христа...

Время близко къ полуночи. По дорогѣ изъ деревни Липовки къ селу Вознесенью показалась кучка ребятокъ, человѣкъ изъ десяти; впереди бодро выступали трое пареньковъ-подростковъ, а за ними мелкими, частыми шажками поспѣшали малыши, лѣтъ отъ восьми до одиннадцати. Всѣ они были одѣты въ новыя, крытыя чернымъ сукномъ и казинетомъ длинныя шубы со сборами назади, въ черныхъ валеныхъ сапожкахъ и въ пеньковыхъ, похожихъ на плюшевыя, высокихъ шапкахъ. Исключеніе составлялъ одинъ десятилѣтній мальчуганъ, на которомъ казинетовый тулупецъ едва прикрывалъ колѣнки, ноги были обуты въ поно-

шенные сѣрые валенцы, а голову покрывала вытертая овчинная шапчонка. Кучка подвигалась впередъ съ оживленнымъ говоромъ; но, приблизясь къ лѣсу, разомъ стихла и молча продолжала свой путь между двумя стѣнами высокихъ сосенъ и елей, прихотливо разукрашенныхъ пушистымъ снѣгомъ и исполненныхъ какою-то таинственностью. Уже съ версту лѣсомъ прошли ребятки, тѣсняясь другъ къ другу и не пророня ни одного слова. Мальчуганъ въ короткомъ тулупцѣ осмѣлился, однако, нарушить тишину лѣсного царства:

— Гляньте-ка, братцы, какъ звѣзды-то вверху пышутъ!

Малыши вздрогнули, боязливо озираясь, и еще плотнѣе скучились, а большаки подняли кверху головы.

— Да, шибко что-то онѣ горять, — проговорилъ негромко одинъ и замолкъ.

— Что дѣлають, что дѣлають! — не унимался малышъ въ короткомъ тулупцѣ. — А махонькія-то — ровно въ прятки играютъ!

— А ты помолчи, Ванюшка, — постращаль старшій изъ подростковъ: — ночью въ лѣсу не больно гоже разговаривать-то... Вотъ сейчасъ на поляну выйдемъ, — тамъ говори, сколько хочешь.

— Да нѣшь лѣсъ-отъ страшенъ? — усомнился Ванюшка. — Вреда никакого, чай, онъ человѣку не сдѣлаеть. Я бы и одинъ въ лѣсу не забоялся, — добавилъ увѣренно мальчуганъ.

— Ванька, нишкни! — дрожащимъ отъ страха голосомъ прикрикнулъ на смѣльчака сверстникъ Кузьминъ, котораго товарищи считали за самаго храбраго и отчаяннаго парнишку.

Ребятки наддали и быстрѣе зашагали дальше.

Черезъ нѣсколько минутъ лѣсъ разступился, и передъ глазами пѣшеходовъ открылась неоглядная бѣлая ширь полей. Въ кучкѣ громко заговорили передніе, а среди малышей слышался смѣхъ: теперь уже никто и ничего больше не опасался. Но всѣхъ довольнѣе былъ Ванюшка. Къ празднику бабушка сшила ему тулупецъ; два года собиралась она порадовать внука обновкой, по грошамъ сколачивала деньжонки и, наконецъ, сгоношила цѣлыхъ пять рублей, на которые купила овчинокъ, казину и сдѣлала внуку шубу. Нужды нѣтъ, что тулупецъ коротенецъ вышелъ, снизу поддуваетъ мальчугану, и валенцы съ шапкой поношенные, главное — онъ въ новой шубѣ, и ему не стыдно будетъ за утренею стоять съ товарищами въ церкви и слушать пѣвчихъ, которыхъ учитель набралъ въ своей школѣ. У него въ карманѣ копѣйка, на которую онъ купитъ восковую свѣчку и поставитъ передъ образомъ праздника Рождества Христова. На утро разговѣтся, пойдетъ гулять, на деревнѣ вездѣ увидитъ народъ. Весело будетъ!

— Однако, братцы, за носъ стало пощипывать, — сказалъ тотъ самый паренецъ, который предостерегалъ Ванюшку не разговаривать въ лѣсу. — Должно, къ утру крѣпко закалить.

— Нѣтъ, Ѳедоръ, это съ лѣса такъ, — подхватилъ Ванюшка: — тамъ шли, тепло было, потому въ лѣсу завсегда теплѣе, чѣмъ въ открытомъ мѣстѣ.

Большакъ ни слова не промолвилъ: соглашался ли онъ съ мальчуганомъ, или, сознавая передъ нимъ свое превосходство, какъ старшій, пропустилъ мимо ушей замѣчаніе Ванюшки, — но зато мальчуганъ, котораго называли Прошаткою Кузьминымъ, не утерпѣлъ и громко отозвался:

— Ужъ ты, перевозчикъ, у насъ все знаешь!

Ванюшкѣ насмѣшка товарища не понравилась.

— А ты вотъ и про это не знаешь, даромъ что у своей избы первый храбрецъ и задирало изъ всей деревни.

Кузьминъ не нашелся что отвѣтить перевозчику, а другіе ребятки его же самого на смѣхъ подняли.

— Что, Прошатка, съѣлъ? Впередъ не выскакивай!

— Ладно. Я, коли такъ, не дамъ Ванькѣ гармоньи играть.

— Да какъ ты еще не дашь? Ты не хозяинъ гармошкѣ: деньги на нее всѣ вложили, — гармошка мірская.

— А отецъ ему больше денегъ на гармонію далъ.

Споръ разгорался. Одни за сына Кузьмина стояли, а другіе оспаривали право мальчугана распоряжаться мірскою гармошкою.

Передніе большаки не вмѣшивались: они вели серьезный разговоръ о нынѣшнемъ тяжеломъ годѣ, трудности прожить до новаго хлѣба, а заработки на сторонѣ упали, на фабрикахъ работу сокращаютъ и т. п. Они такъ углубились въ разговоръ, а малыши увлеклись споромъ, что и не замѣтили, какъ догнали ихъ сани и ѣхали теперь за ними шагомъ. На передкѣ, въ нагольномъ тулупѣ, помещался мужикъ и правилъ лошадкою, а въ обшевахъ сидѣлъ кто-то, похожій на барина, въ медвѣжьей шубѣ и черной мерлушечьей шапкѣ. Какъ сѣдоку, такъ и кучеру отлично былъ слышенъ ребячій споръ. Прошатка, разгорячась, выпалилъ въ кого-то нехорошимъ словомъ.

— Вотъ это дѣло, — сказалъ Ванюшка. — И не стыдно тебѣ, Кузьминъ, браниться? Какой завтра день? Вспомни-ка!

— А ты нишкни! — вскинулся тотъ. — Я безъ тебя знаю...

— Нѣтъ, братъ, видно не знаешь. Ну-тка, скажи, куда мы теперь идемъ?

Прошатка запальчиво крикнулъ:

— Замолчи!.. Воръ!

На нѣсколько секундъ всѣ стихли, — такъ озадачило ихъ послѣднее слово.

— Ахъ, Прохоръ! — съ болѣзненной тоскою въ голосѣ вымолвилъ погода Ванюшка и ни слова болѣе уже не добавилъ.

— Вотъ тебѣ и Прохоръ! — передразнилъ Кузьминъ. — Что, прикусилъ языкъ-то?

Не сразу Ванюшка собрался съ духомъ отвѣ-
тить:

— Я не воръ... Мнѣ картинокъ захотѣлось...
Маль я тогда еще былъ, ничего не смыслилъ.

— Не смыслилъ ты!.. А въ лавку къ дядѣ Никитѣ
залѣзть смыслу достало?

— Да развѣ я за худымъ чѣмъ? — съ тою же
мукою въ голосѣ оправдывался Ванюшка. — Вѣдь
я ничего бы не взялъ.

— Все равно, перевозчикъ, а въ лавку ты за-
лѣзъ, — вмѣшался Петяйка. — Мы помнимъ.

Тутъ позади раздался звучный голосъ:

— Миръ дорогою, добрые люди!

Ребятки посторонились.

— Учителевъ баринъ! — шопотомъ перемолви-
лись.

— Къ утрени, что ли, пробираетесь? — спросилъ
изъ саней въ медвѣжьей шубѣ.

— Къ заутрени идемъ, желаемъ и обѣдню от-
стоять, — отозвались подростки. — А ты, баринъ,
куда ѣдешь?

— Я тоже въ церковь... Не подвезти ли кого?

— Спасибо. Не больно, чай, ужъ много до села
осталось... Надобно для Бога потрудиться... Дой-
демъ потихоньку.

Баринъ обратился къ перевозчику:

— Ваня! Ты не хочешь ли? Довезу.

Мальчикъ хотѣлъ броситься къ санямъ, но въ
нерѣшительности остановился.

— Нѣтъ... Спасибо. Я ужъ не стану отъ товарищей отбиваться.

— Ну, какъ хочешь... А послѣ утрени ты въ церкви подойди: мнѣ надо съ тобою поговорить.

Мужикъ хлестнулъ возжами, лошадка побѣжала рысцою, и пошевни очутились впереди. Ребятенки ихъ далеко проводили глазами.

— Да что онъ рано больно поѣхалъ?—недоумѣвала кучка.—Нѣшто не къ попову ли сыну напередъ заѣдетъ?

Баринъ, проѣхавшій мимо, гостилъ въ полутора-верстѣ отъ Липовки, въ большой деревнѣ, гдѣ была школа. Онъ пріѣхалъ весною изъ Петербурга, нанялъ въ квартирѣ учителя комнату, прожилъ лѣто и зазимовалъ. Ребятки видѣли его часто съ ружьемъ; отдыхая въ ихъ деревнѣ, онъ перезнакомился съ мужиками, и его всѣ звали „учителевымъ баринъ“.

— А что, вѣдь, учителевъ баринъ, пожалуй, слышалъ, какъ ты, Прошатка, бранился,—сказалъ Петяйка.

— Такъ что, — отвѣчалъ тотъ, — наплевать мнѣ на него!

Еще за часъ до начала утрени богомольцы пришли въ село. У низенькой каменной ограды вездѣ стояли пошевни и дровни, въ нихъ сидѣли мужики, дѣвки и бабы; внутри ограды и на ступенькахъ паперти толпились ребятки, пришедшіе изъ разныхъ деревень. Липовскіе потолкались между ними, встрѣтились съ знакомыми, обмѣнялись другъ съ другомъ

деревенскими новостями и, какъ только дверь на паперти отперли, всѣ хлынули въ церковь; нѣкоторые остановились у „казенки“, чтобы взять свѣчки. Купивъ копѣечную тоненькую свѣчку, Ванюшка самъ зажегъ ее, прилѣпилъ на большой подсвѣчникъ и всталъ передъ иконою праздника.

Началась служба. При полномъ освѣщеніи, церковь биткомъ набита деревенскимъ людомъ; впереди, между обоими клиросами, выстроились рядами ребятки и паренъки, одѣтые хотя и неодинаково, но по-праздничному, всѣ съ гладко причесанными волосами, свѣжими, румяными лицами и блестящими глазами. По церкви разносится синеватый дымъ ладана; священникъ и діаконъ служатъ въ новыхъ свѣтлыхъ ризахъ, хоръ пѣвчихъ, подъ управленіемъ регента-учителя, громко и торжественно поетъ: „Христось рождается, славите!“ Боковыя двери пріотворены, но въ церкви жара и духота. Ванюшка не спускаетъ глазъ съ иконы; глядитъ онъ на Дѣву Марію, Младенца-Христа, лежащаго въ ясляхъ, и пастуховъ, преклоняющихъ колѣна предъ Сыномъ Бога, на котораго палъ широкій лучъ стоящей на небѣ звѣзды. Лицо мальчика грустно, свѣтлорусые волосенки на вискахъ прилипли, въ голубыхъ глазахъ дрожатъ и сверкаютъ слезы; по временамъ онъ глубоко о чемъ-то вздыхаетъ. Но вотъ, точно онъ вспомнилъ что, поспѣшно сталъ креститься и кланяться въ землю; долго и не переставая молится, какъ будто, въ этой необычайно горячей молитвѣ, онъ хотѣлъ излить все горе своего дѣтскаго сердца, позабыть страшную

обиду, отъ которой жжетъ ему лицо и бросаетъ всего въ испарину... Давно ли еще онъ былъ такъ счастливъ, его радовалъ новый тулупецъ, и впереди улыбался ему праздникъ. Онъ ужъ почти и позабылъ про тотъ „грѣхъ“, — вѣдь это „несчастье“ такъ давно съ нимъ случилось, когда и семи годовъ ему не минуло, да никто и ни разу не попрекнулъ его, а вотъ сегодня... Прохоръ вдругъ обозвалъ его... воромъ!.. Теперь ужъ свѣдалъ и учителей баринъ, а къ нему, перевозчику, вѣдь онъ былъ всегда добѣръ, говорилъ, что надо грамотѣ учиться, и самъ хотѣлъ куда-то его пристроить... Ванюшка робко повелъ глазами въ сторону клироса. Вонъ онъ съ кѣмъ-то, словно тоже съ какимъ бариномъ, стоитъ, бородку черненькую пощипываетъ, да изрѣдка съ любопытствомъ, словно о чемъ раздумывая, посматриваетъ на мужиковъ, а тѣ плечо о плечо стоятъ, потъ съ лицъ у нихъ градомъ льетъ, и они усердно молятся. Поглядываетъ баринъ и на ребятишекъ, видитъ и его, Ванюшку... А ему и глазъ на барина не поднять — стыдно!.. Что онъ теперь о Ванюшкѣ думаетъ?.. О чемъ онъ хотѣлъ съ нимъ поговорить? Вѣрно объ *этомъ*... „Нѣтъ, лучше убѣжать изъ церкви... Вонъ и парнишки отъ меня отворачиваются...“

Продолжительна рождественская утренья, особенно когда священники не торопятся и поютъ пѣвчіе. Трудно бываетъ выстоять всю службу до конца; не разъ кто помоложе выйдетъ на паперть освѣжиться и посидѣть, а ребятенки то и дѣло въ боковыя двери шмыгаютъ. Еще половина утрени не отошла,

а Ванюшки въ церкви уже не было; не видѣли его и товарищи на паперти; но никто не подумалъ, чтобы мальчуганъ куда-нибудь и одинъ ушелъ. Про ссору на дорогѣ они и не вспомнили.

Окончилась утренняя, изъ церкви народъ повалилъ на волю, чтобы отдохнуть и дождаться обѣдни, которую батюшка обѣщался, великаго праздника ради и въ виду немощи людской, отслужить до свѣта, вскорѣ послѣ утрени. Липовскіе ребята хватились Ванюшки, стали разыскивать его въ толпѣ и по оградѣ, но нигдѣ не отыскивался мальчуганъ. Порѣшили, что вѣрно онъ съ учителевымъ бариномъ уѣхалъ,—вѣдь тому надо мимо Липовки ѣхать.

Не мало ребятки были изумлены, когда воротились въ церковь за обѣдню и увидѣли у клироса на прежнемъ мѣстѣ стоявшаго барина.

— Должно-быть, съ кѣмъ изъ мужиковъ домой уѣхалъ,—догадались они, и скоро товарищи о перевозчикѣ позабыли.

Еще ярче горять и блещутъ звѣзды, часъ отъ часа свѣтлѣе лазурь неба, и млечный путь разливается въ дивномъ сіяніи. Какая-то, чувствуется, небесная радость неслышно проносится по снѣжной равнинѣ, наполняетъ собою лѣса, деревни и села и чистый, съ бодрящимъ морозцемъ, предутренній воздухъ.

Въ лѣсу, гдѣ пролегаетъ дорога изъ Липовки въ приходское село, есть сверточекъ, по которому мужики ѣздятъ за дровами, и тамъ, на широкомъ

ниѣ, прислонясь къ толстому бѣлому стволу березы, чернѣется фигурка маленькаго человѣчка. Это—Ванюшка. Онъ не въ силахъ былъ одолѣть своего горя и печальныхъ мыслей, неотступно преслѣдовавшихъ его за божественною службой, и вышелъ изъ церкви, побрелъ, самъ не сознавая, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Свѣжестю зимней ночи пахнуло ему въ лицо, но онъ не почувствовалъ и шелъ съ понурой головою. Сколько времени онъ брелъ—не помнить, ноги его начали уставать; онъ приподнялъ голову и взглянулъ на величественное звѣздное небо. Мальчуганъ пріостановился, оглядѣлся по сторонамъ и перекрестился... Передъ нимъ чернѣлъ знакомый лѣсъ, а позади, изъ снѣговъ, вставала и поднималась высоко не видѣнная имъ раньше церковь: она, показалось Ванюшкѣ, стояла на небѣ и со всѣхъ сторонъ была убрана звѣздами. Онъ вспомнилъ, что не отстоялъ всей утрени, зарыдалъ, упалъ на колѣни и принялся горячо молиться... Чудесно свѣтилась „небесная“ церковь, вливая въ его сердце любовь и покой, а звѣзды глядѣли ему прямо въ глаза...

Снова плетется Ванюшка по дорогѣ къ своей деревнѣ; ноги его оступаются, онъ ежеминутно готовъ упасть и ищетъ глазами мѣстечка, гдѣ бы можно было присѣсть. Тихо въ лѣсу, тепло и несколько не страшно; сквозь верхушки сосенъ и толстые сучья березы на мальчугана заглядываютъ опять все тѣ же свѣтлыя звѣзды.

„Посижу, отдохну маленечко, да послѣ и пойду“, думаетъ Ванюшка. Онъ прислонился къ березѣ, и

передъ нимъ, неожиданно для него самого, встала и быстро промелькнула вся его недолгая сиротливая жизнь.

Отца своего онъ не помнитъ; матери невмочь было поднять тягло: она сдала землю въ міръ и сама ушла на фабрику, гдѣ вскорѣ и зачахла. Изъ всей родни у него осталась одна бабушка да еще троюродный дядя, которому „общество“ отдало безвозмездно держать перевозъ черезъ рѣку. Ванюшка сталъ жить съ бабушкой; ему тогда было всего шесть лѣтъ. Въ деревнѣ одинъ крестьянинъ поторговывалъ, имѣлъ лавочку съ разною всячиною. Проходя мимо лавочки, Ванюшка постоянно заглядывался на стеклянную банку, стоявшую на низенькомъ прилавкѣ: изнутри она кругомъ была выложена разными маленькими картинками, — Ванюшка послѣ узналъ, что это конфеты. Часто и подолгу любовался онъ „картинками“, ему хотѣлось имѣть хотя одну изъ нихъ, но попросить у дяди Никиты онъ не посмѣлъ. Разъ, проходя мимо лавчонки, мальчикъ остановился, чтобы полюбоваться на свои картинки; за прилавкомъ никто не сидѣлъ, — и неудержимое желаніе овладѣло имъ взять картинку; переступилъ порогъ, протянулъ ручонку къ банкѣ и досталъ одну, какъ вдругъ чья-то жесткая лапа схватила его за волосы, приподняла кверху, и загремѣлъ голосъ:

— Ты это что дѣлаешь?... а?

Онъ замеръ отъ страха. Дядя Никита потрясъ и опустилъ.

— Сирота ты, а за какія дѣла принимаешься,— проговорилъ онъ. — Пойдемъ-ка, я сведу тебя къ старухѣ.

Ванюшка ничего не понималъ, только плакалъ и на всѣ вразумленія отвѣчалъ одними и тѣми же словами:

— Мнѣ не конфетки, а картинки любы...

Деревня дня три только и говорила, что о поступкѣ Ванюшки; товарищи какъ-то особенно на него посматривали, точно на звѣрька какого; бабушка утѣшала его, но наказала, чтобы впередъ онъ безъ спроса никогда и ничего чужого не бралъ, что это предъ Богомъ грѣхъ и передъ добрыми людьми стыдъ. Въ деревнѣ перестали о немъ говорить, товарищи попрежнему съ нимъ играли и бѣгали. Скоро дядя приставилъ Ванюшку къ дѣлу: взялъ на перевозъ въ помощники и положилъ жалованья по полтиннику въ мѣсяцъ.

— Смотри, Ванька, — сказалъ: — служи честно, деньги, кои безъ меня съ проѣзжающихъ или пѣшихъ чужихъ станешь получать, отдавай мнѣ до копѣечки, безъ всякой утайки. А если я про твою фальшь свѣдаю, то я тебя взлупцую не въ примѣръ лучше, чѣмъ Никитка. Помни!

И Ванюшка съ ранней весны, какъ только пройдетъ ледъ, и до поздней осени, вплоть до заморозковъ, дни и ночи жилъ на рѣкѣ: забѣжитъ домой поѣстъ къ бабушкѣ—и опять на перевозъ. „Служба“ какъ разъ по немъ пришлась: на лодкѣ когда случалось перевозить—весломъ не трудно было гре-

сти, а на паромѣ, когда скоплялось много народа или ставили телѣги съ лошадьми, за канатъ тянули сами мужики. Дядя только вначалѣ перевозилъ, а потомъ все дѣло препоручилъ Ванюшкѣ, потому что лѣтомъ мужику крестьянствовать надо. Деньги за перевозъ Ванюшка безъ утайки, всѣ до копѣечки, отдавалъ хозяину, а жалованье свое приносилъ къ бабушкѣ. Случалось, рѣдко правда, что иногда какой мужичокъ, возвращавшійся навеселѣ съ базара, зная про сиротство перевозчика и видя, какъ такой малышъ въ ненастье и холодъ, босоногій, въ плохонькой одежонкѣ и худыхъ портчишкахъ, откладывалъ и закладывалъ затворы, тянулъ за канатъ, расчувствуется до слезъ и, кромѣ пятка, казенной платы, пожертвуетъ отъ своего жалостливаго сердца малышу копѣйку. А разъ проѣзжая барыня такъ гривенникъ ему пожаловала! И эти жертвуемая и жалуемая деньги Ванюшка отдавалъ своей бабушкѣ... Бѣдно, ахъ какъ бѣдно они жили съ бабушкою! Зимѣ коровкою только и питались, потому что жалованья зимою Ванюшка не получалъ... И вотъ три года онъ въ перевозчикахъ. Дядя, хозяинъ, не обижалъ племянника; развѣ когда выпивши дастъ тукманку или „леща“. Только вотъ осенью приходилось много терпѣть: студеная вода заливалась мальчугану за порыжѣлыя голенища дырявыхъ сапогъ, ноги отъ холода жгло, и руки коченѣли, а ночью, лежа въ шалашѣ, онъ зябъ и дрожалъ... Зато весною, лѣтомъ...

И по лицу Ванюшки проходитъ счастливая улыбка. Ему ужъ рисуется картина весны...

„А не пора ли мнѣ итти?“ вспомнилъ мальчикъ. „Ровно бы я ужъ поотдохнулъ... Али еще посидѣть? Тепло, хорошо тутотка... А звѣзды-то, звѣзды-то какъ глядятъ!.. Вотъ весной онѣ не такъ смотрять, и той, бѣлой-то рѣки съ заводами, не видать тогда. Вишь, по ней сколько звѣздочекъ-то махонькихъ, словно кто ихъ изъ лукошка просыпалъ!“

И снова та же счастливая улыбка прошла по лицу мальчика; глаза его жмурятся, точно отъ солнечныхъ лучей. Онъ видитъ голубую рѣку, окаймленную по обѣимъ сторонамъ свѣжей, только-что распустившейся, зеленою листвою кустовъ и деревьевъ; тамъ, гдѣ берегъ круче и лежитъ тѣнь, тонкій паръ вздымается, а гдѣ ударяло солнышко — тамъ золотая рябь сверкаетъ. Въ кустахъ свищутъ малиновки, пѣночки и другія птички, а подъ яснымъ небомъ заливаются жаворонки... Съ другого берега кричатъ: „перевозчикъ!“ Ванюшка вылѣзаетъ изъ шалаша, сбѣгаетъ на плотъ, наскоро умывается свѣжею водою, крестится на „восходъ“ и отвязываетъ поромъ... Солнце все выше, выше поднимается, съ деревни прибѣгаютъ ребятенки, начинается по зеленому лугу бѣганье, игры и раздаются веселые крики... Вонъ идетъ какой-то охотникъ съ ружьемъ и сумкою черезъ плечо; впереди бѣжитъ собака. Подходить.

— Здорово, ребятки!

— Здорово.

— Вы здѣшніе?

— Вѣстимо здѣшніе. А самъ-отъ ты откуда?

— Пріѣзжій. Я изъ Питера.

— Ой! такъ далеко... Какъ же ты къ намъ зашелъ?

— А я тутъ близехонько отъ васъ живу, рядомъ, въ деревнѣ Дубкахъ поселился... Знаете вы тамошняго учителя?

— Видали.

— Такъ я у него живу. Сейчасъ, видите, на охоту иду. Гдѣ тутъ у васъ перевозчикъ?

— А ты на пойму, что ли, хочешь?

— На пойму.

— Такъ пойдемъ къ лодкѣ. Я перевезу.

— Да развѣ самого перевозчика нѣтъ?

— Ай ты не разглядѣлъ? я самый и есть перевозчикъ.

Охотникъ смѣется.

— Ну, перевозчикъ! Э, да лодка-то какая: ты, пожалуй, потопишь еще меня! Гляди, сколько воды въ нее налилось. Худая она у тебя?

— Не сумлѣвайся! Благополучно доставлю. А воду-то я, пожалуй, ковшичкомъ вычерпаю.

Перевезъ Ванюшка охотника.

— Сколько за труды тебѣ слѣдуетъ?

— Двѣ копѣйки.

— Кому же эти деньги пойдутъ? Міру?

— Знамо, хозяину.

— Получай хозяйскія двѣ копѣйки! А вотъ это тебѣ отъ меня въ награду за то, что не потопилъ, перевезъ благополучно.

— Ой! Да что больно много жалуешь?

— Бери.

Пятиалтынный далъ!.. Ушелъ, въ кустахъ скрылся, и собака за нимъ побѣжала, тоже скрылась.

— Кто бы такой? — переговариваются на лугу.

— Слышалъ? Изъ Питера самъ, остановился въ Дубкахъ, сталъ къ учителю на фатеру.

— Надо полагать — баринъ.

— Знамо баринъ. Видишь, чай, по обличію и по одежѣ кто... Выходить, онъ теперь учителей баринъ.

Помолчали ребята.

— А что не выкупаться ли намъ, братцы?

— Давайте! Бѣжимъ на знакомое мѣстечко.

Вечеръ. По небу пышетъ заря. У шалаша, на теплинѣ, ребятенки пекутъ картошку. Воздухъ недвижимъ и тепелъ; вверху, кой-гдѣ, мелькаютъ серебряныя звѣздочки. Слышно, какъ струится рѣка, всплескивается рыба. Въ кустахъ запѣваютъ соловьи; сперва одинъ защелкалъ, за нимъ другой, а тамъ ужъ и по всему берегу залились... Всю ночь поютъ. Ванюшка засыпаетъ и просыпается подъ ихъ несмолкаемыя пѣсни, а съ луговъ во всю-то ночь разливается ароматъ травъ и цвѣтовъ... Господи, какъ хорошо весною сиротамъ на свѣтѣ жить!..

А лѣто?.. И новыя, одна за другой, встаютъ передъ Ванюшкой картины. Вездѣ рѣка, лѣсъ, цвѣты, солнце и тепло... Время отъ времени по-

является у перевоза охотникъ, учителей баринъ, говоритъ съ Ванюшкою, спрашиваетъ его о житьѣ-бытьѣ... Добрый онъ баринъ! Жалѣетъ Ванюшку, говоритъ, что надо какъ-нибудь лучше устроиться, — промыселъ его ненадеженъ, а бабушка стара. Баринъ къ нимъ и въ избушку заходилъ, разговаривалъ съ бабушкой... „Хорошо, если бы баринъ въ училище меня отдалъ, въ люди произвелъ“... Но это кто?! Прешатка Кузьминъ... Какое у него лицо злое... А вонъ и дядя Никита идетъ, сердитый, глазами такъ страшно поводитъ... „А! тутъ ты?“ Ванюшка трепещетъ и весь замираетъ... — „Дядюшка... Я не виноватъ, я ничего не сдѣлалъ“... Дядя Никита обжегъ только глазами и ухватилъ Ванюшку за шиворотъ. „А про картинки-то, видно, ты и позабылъ?“ загремѣлъ мужикъ. „Волоки его, волоки, дядюшка Никита!“ кричитъ Кузьминъ сынишка .. Громкій, мучительный стонъ вырвался изъ груди Ванюшки, и въ глазахъ его помутилось... Вдругъ онъ какъ будто услышалъ голосъ барина, кто-то поднялъ его, погода опустилась, и онъ почувствовалъ, что подъ нимъ быстро-быстро такъ побѣжала земля.

Уже скоро полдень. Ради великаго праздника свѣтитъ солнце, любовно заглядывая въ маленькія оконца бобылкиной избенки. На лавкѣ, прикрытый шубенкой, спалъ Ванюшка. Старуха беззвучно двигалась по избѣ, тревожно взглядывая на спящаго внука... Лучъ солнца упалъ на лицо мальчугана,

вѣки его дрогнули и глаза открылись; онъ посмотрѣлъ вокругъ и увидѣлъ знакомое старушечье лицо.

— Бабушка! Да гдѣ я?

— Дома, касатикъ! — обрадовалась старуха и подошла къ лавкѣ. — Выспался ли, дитятко?

Внукъ недоумѣвалъ.

— Бабушка! Да вѣдь я въ лѣсу былъ; я, помню, оттуда не приходилъ... Какъ же я теперь дома-то?

— А тебя, родимый, ангелы принесли. Ты въ лѣсу-то заснулъ, можетъ и замерзъ бы тамъ, а Богъ-то и не попустилъ, велѣлъ ангелу взять тебя и къ бабушкѣ доставить. Головка у тебя не болитъ? Ты здоровъ? — и она приложила ко лбу внука свою морщинистую руку.

— Да я здоровъ, бабушка! Со мной ничего не сдѣлалось.

И мальчикъ вскочилъ, сѣлъ на лавкѣ и весело глядѣлъ на лицо старухи, на прибранную избенку и ясный, солнечный день, манящій все живое на улицу.

— А ты мнѣ скажи, какъ я домой-то попалъ!

— Все расскажу, сперва только встань, умойся, да напередъ Богу помолись.

Внукъ спрыгнулъ съ лавки, босикомъ подбѣжалъ къ глиняному „рукомойнику“, умылся и помолился Богу.

— Съ праздникомъ, бабушка, тебя поздравляю!

— И тебя съ праздникомъ, касатикъ!.. Ну, а теперь-то одѣнься и поѣшь!

Старуха подала внуку новую ситцевую рубашечку и нанковые штаники; затѣмъ поставила черные валеные сапожки и положила на столъ хорошую шапку. Мальчикъ обрадовался, увидавъ обновки.

— А гдѣ ты это взяла?—спросилъ онъ.

— Богъ тебѣ прислалъ.

Нарядивъ мальчика во все новое, расчесавъ гребешкомъ мягкіе шелковистые волосы и посадивъ его на лавку, старуха рассказала, какъ учителей баринъ, возвращаясь отъ обѣдни домой, услыхалъ близъ дороги въ лѣсу ребячій стонъ, выскочилъ изъ саней и побѣжалъ на этотъ стонъ. Глядитъ—спитъ на пнѣ, прислонившись головушкой къ березкѣ, мальчикъ; испугался, подумалъ, не померъ ли ужъ мальчикъ, но видитъ, теплый весь, а по личику румянчикъ разливается. Взялъ мальчика на руки, положилъ въ сани и привезъ къ бабушкѣ.

— Ты и въ избѣ, какъ несли тебя, не просыпался; такъ соннаго тебя мы съ бариномъ на лавку и положили, — заключила свой рассказъ старуха.

— Такъ это баринъ обо мнѣ порадовѣлъ!—воскликнулъ благодарно Ванюшка.

— Онъ, кормилецъ нашъ. Вскорѣ, какъ ты съ товарищами къ заутренѣ ушелъ, пріѣхалъ и онъ, гостинцы, обновки тебѣ привезъ. Дорогой-то, сказывалъ, онъ обогналъ васъ.

Мальчикъ тутъ вспомнилъ, что произошло съ нимъ наканунѣ, и всѣ радужныя краски сбѣжали съ его лица. Старуха примѣтила эту переменѣну во внукѣ.

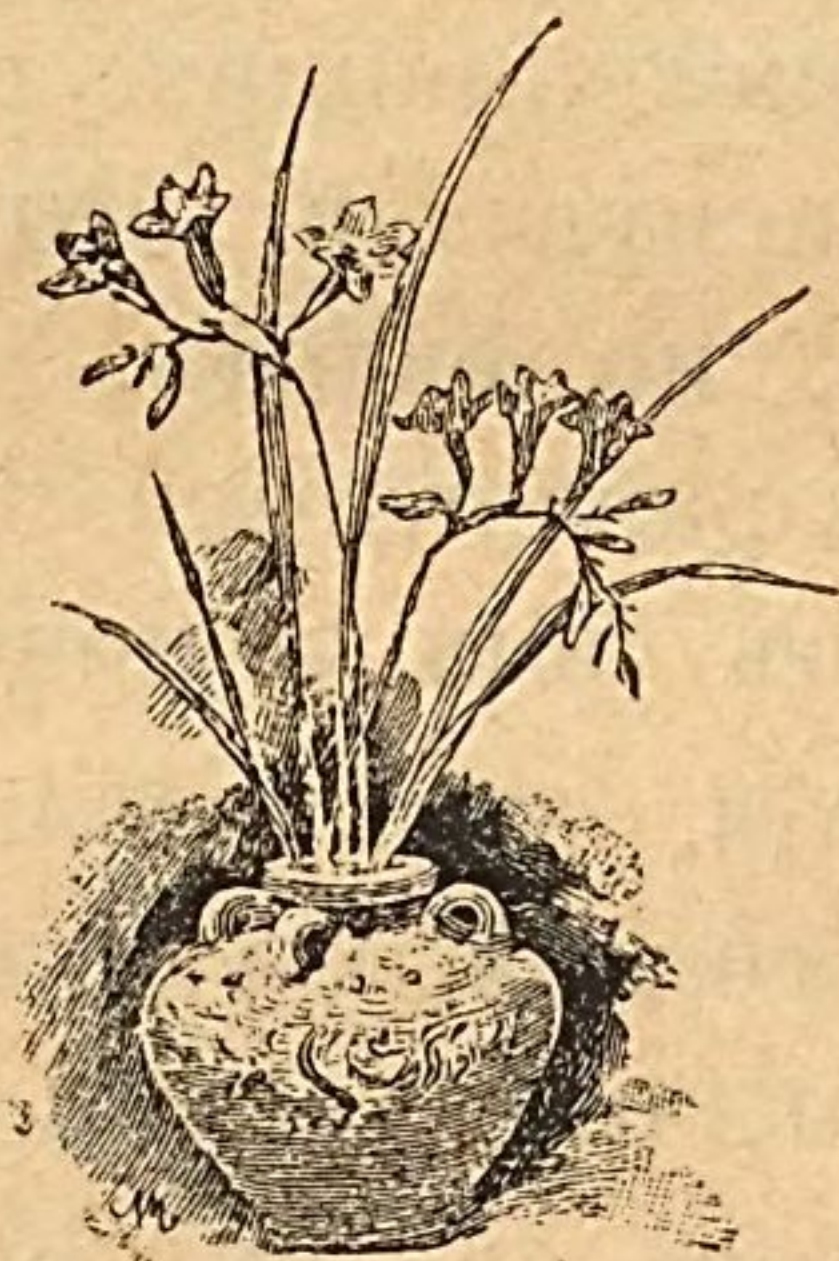

— Долго ты спалъ, — промолвила она. — Ребя-
тенки ужъ два раза по тебя прибѣгали. Кузьминъ
Прошатка съ гармоніей приходилъ.

— А онъ ничего тебѣ не говорилъ?

— Да говорилъ, чтобы ты, какъ встанешь, гу-
лять къ нимъ поскорѣе выбѣгалъ.

Но Ванюшка уже не повеселѣлъ; онъ печально
посматривалъ на обновки, и праздничный, зали-
тый солнцемъ день не манилъ его на улицу.

На Новый годъ.

Былъ канунъ Новаго года. На дворѣ трещалъ и ухалъ морозъ. По московскимъ улицамъ и переулкамъ стоялъ не то дымъ изъ трубъ, не то туманъ отъ холода. Газовые рожки еле мерцали, образуя небольшія свѣтоты пятна; порою сквозь мглу проступала вверху блѣдная звѣздочка и быстро опять пряталась. Изрѣдка, визжа стальными подрѣзами, бѣшено проносились сани; темныя и согбенныя фигуры пѣшеходовъ, на секунду и неясно обозначившись въ свѣтовомъ пятнѣ, ныряли въ туманъ и тамъ исчезали.

Но тридцати-градусный морозъ не помѣшалъ москвичамъ готовиться къ встрѣчѣ загадочнаго гостя. Не остановилъ онъ и знакомыхъ профессора Владиміра Александровича Морева, пригласившаго ихъ къ себѣ встрѣтить Новый годъ; близкихъ пріятелей онъ звалъ къ восьми часамъ вечера, а всѣхъ остальныхъ въ одиннадцать.

— Почему такъ рано?—спрашивалъ его кто-нибудь изъ пріятелей.

— А потому, что ко мнѣ обѣщался къ этому времени пріѣхать одинъ человѣчекъ, съ которымъ намъ всѣмъ пріятно будетъ увидѣться и потолковать.

— Кто же это?

— Мы не видали его пять лѣтъ. Онъ находился въ командировкѣ и вчера только воротился.

— Въ командировкѣ?!..

— Да. Онъ изучалъ на сѣверѣ жизнь и нравы медвѣдей.

Приглашенный недоумѣвалъ и во всѣ глаза смотрѣлъ на искusstеля.

— Не знаю. . Не припомню что-то... Да говори, кто?

— Пріѣдешь — самъ увидишь, — лукаво улыбаясь, отвѣчалъ Моревъ.

Пріятель все недоумѣвалъ.

— Не знаю... Пять лѣтъ въ командировкѣ?... Да неужели Платоновъ?!

— Пріѣзжай. Жду къ восьми непременно.

Вопреки обычаю русскихъ людей всегда опаздывать, на этотъ разъ приглашенные друзья, одинъ вслѣдъ за другимъ, начали собираться къ Мореву раньше восьми часовъ. Хозяинъ принималъ гостей въ кабинетѣ. Платоновъ былъ уже тамъ. Съ какою искреннею, глубокою радостью встрѣтились друзья!

— Вотъ онъ, вотъ! — кивая въ сторону Платонова говорилъ профессоръ Моревъ, и въ большихъ карихъ глазахъ его дрожали слезы.

Въ теченіе минутъ десяти, въ которыя успѣли всѣ собраться, въ кабинетѣ только и слышались возгласы:

— Голубчикъ! Паша!... Давно ли ты появился?

— Пять лѣтъ не видѣлись! Но все такой же: здоровъ и свѣжъ!

— Наконецъ-то тебя вижу! Здравствуй, дорогой мой!

Никто не упрекнулъ Платонова, что онъ, вернувшись уже три дня, никого изъ нихъ не посѣтилъ; они только глядѣли на него, наперерывъ обстрѣливая вопросами, и, не дожидаясь полныхъ отвѣтовъ, задавали новые и громко смѣялись. Жена хозяина, молодая, съ симпатичнымъ лицомъ и тихимъ голосомъ, хлопотала въ столовой за самоваромъ и, слушая оживленные голоса и смѣхъ, улыбалась довольною улыбкой. Съ полчаса продолжалось шумное оживленіе; потомъ голоса стали понижаться, раздавались рѣже, и только голосъ Платонова, нервическій и перебивчатый, чаще другихъ слышался въ кабинетѣ.

Горничная дѣвушка обнесла чаемъ. Хозяинъ велѣлъ прибавить углей въ топившійся каминъ, отъ котораго разливалось пріятное тепло и пурпуровый свѣтъ, какъ отблескъ лѣтней вечерней зари, падалъ на близъ стоявшіе кресла и шкафы съ книгами. Съ потолка, сквозь розовый матовый шаръ, весь кабинетъ мягко освѣщался большою лампою. Всѣ сидѣли около Платонова и слушали его.

Платонову было тридцать пять лѣтъ. Высокій, немного худощавый и мускулистый блондинъ, съ

мелко вьющимися на вискахъ волосами, онъ имѣлъ видъ здороваго человѣка; его продолговатое лицо, съ румяными щеками, окаймленное снизу русою бородкой, дышало силой и энергіей, но въ сѣрыхъ задумчивыхъ глазахъ, по временамъ, выражалось что-то похожее на усталость или затаенную грусть.

Въ числѣ друзей, слушавшихъ Платонова, кромѣ хозяина, были: двое профессоровъ, редакторъ одной газеты, литераторъ и земскій статистикъ; всѣ они были еще люди молодые, т. е. почти однихъ лѣтъ съ разскащикомъ и товарищи—кто по гимназіи, кто по университету.

Павель Григорьевичъ, между тѣмъ, началъ было увлекаться своими воспоминаніями, но вдругъ, не окончивъ рѣчи, опустилъ голову и о чемъ-то задумался. Присутствующіе значительно между собою переглянулись. Платоновъ поднялъ лицо и медленно проговорилъ:

— Завтра Новый годъ. По ассоціаціи идей, мнѣ вспомнилось недавнее. Это что-то невѣроятное... Годъ тому назадъ, именно въ ночь на Новый годъ...

И онъ не договорилъ, лицо его поблѣднѣло. Никто слова не проронилъ, напряженно выжидая, что услышитъ дальше.

— Въ эту ночь... я понесъ дорогую утрату, — понижая голосъ, продолжалъ онъ, — и испыталъ ужасъ человѣка, присужденнаго къ смерти.

У слушателей перехватило дыханіе.

— Я былъ казненъ, — съ промелькнувшею неожиданно улыбкой и поспѣшно досказалъ Платоновъ.

Пріатели снова переглянулись. Одна хозяйка, находившаяся, попрежнему, въ столовой и отдававшая приказанія горничной, не слыхала послѣднихъ словъ Платонова и довольное выраженіе не сходило съ ея лица: каждый разъ, когда ея Владиміръ сидѣлъ дома и у нихъ собирались исключительно его друзья и товарищи, она чувствовала себя въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа. Между тѣмъ мужчины обмѣнивались взглядами, смотрѣли вопросительно на улыбавшееся, но все еще блѣдное лицо своего вернушагося издалека друга, и не рѣшались высказать сомнѣніе или недовѣрчиво усмѣхнуться—черта, отличающая дружескія отношенія настоящихъ порядочныхъ людей. Хозяинъ дома, человѣкъ болѣе другихъ находчивый и живой, первый прервалъ молчаніе:

— Такъ какъ ты, Павелъ Григорьевичъ, слава Богу, живъ и здоровъ, то, навѣрное, не откажешь въ просьбѣ удовлетворить любопытство своихъ пріателей: расскажешь намъ, что съ тобою случилось?

— Да, пожалуйста! — подхватили голоса. — Въ твоихъ словахъ есть что-то загадочное.

— Загадочнаго ничего нѣтъ, — сказалъ Платоновъ, — если только не признавать, что вся жизнь человѣческая—загадка... Ну, да вы лучше узнаете все изъ разсказа.

Хозяйка, поймавши послѣднія слова, подала свой голосъ:

— А мнѣ можно послушать, Павелъ Григорьевичъ?

— Вамъ можно, Катерина Петровна, — отозвался Платоновъ. — Но при постороннихъ я не буду рассказывать: вы знаете, я всегда былъ конфузливъ, а теперь, пробывши долго въ захолустьи, и совсѣмъ одичалъ.

Хозяинъ поспѣшилъ поставить кресла и стулья передъ каминомъ полукругомъ; появились между креслами маленькіе круглые столики, графинъ съ холодною водою и пепельницы. Моревъ пригласилъ гостей пересѣсть.

— Здѣсь уютнѣе и теплѣе будетъ, — сказалъ онъ. — Ты, Павелъ Григорьевичъ, садись въ срединѣ, чтобы мы не только слышали тебя, но и лицо твое прекрасное могли созерцать.

— Любуйся, если тебѣ еще не надоѣло, — промолвилъ шутливо Платоновъ, останавливаясь за кресломъ, и голубовато-красное пламя разгорѣвшихся углей облило всю его фигуру, лицо и голову.

— Павелъ Григорьевичъ! — воскликнулъ статистикъ, тоненькій и невысокаго роста брюнетъ, — у тебя на вискахъ по три сѣдыхъ волоса показалось.

— Десятки, Андрей Николаевичъ, — съ легкою ноткой грусти въ голосѣ отвѣтилъ Платоновъ.

— Ахъ, проклятый статистикъ! — не утерпѣлъ ввернуть Моревъ. — И тутъ вѣренъ себѣ: сѣдые волосы успѣлъ сосчитать.

Въ эту минуту изъ передней донесся звонокъ. Катерина Петровна встрепенулась.

— Неужели гости? Кому бы такъ рано...

Мужъ проворно направился къ ней.

— Если кто изъ гостей — прими, но въ кабинетъ не пускай: скажи, что я занятъ...

— Какая досада! — произнесла хозяйка. — Не придется, пожалуй, мнѣ и послушать Павла Григорьевича.

— Ну, иди скорѣе! — торопилъ мужъ. — А что дѣти — спать?

Лицо Катерины Петровны озарилось улыбкой счастливой матери.

— Спать! Въ восемь часовъ легли... Бѣгу, бѣгу! — и она легкою походкой устремилась черезъ гостиную въ залъ.

Владиміръ Александровичъ постоялъ, прислушался и плотно затворилъ дверь изъ столовой въ гостиную.

— Пріѣхали, — сказалъ онъ, возвращаясь въ кабинетъ. — Ну, да мы здѣсь безопасны... Дуняша! поставь на столики чай и уходи: ты понадобишься барынѣ.

Онъ подошелъ къ камину и опустился на свободный стулъ. Съ улицы что-то громко и тяжело стукнуло, точно бревномъ объ уголъ дома ударило.

— Какъ Морозъ Иванычъ постукиваетъ! — замѣтилъ одинъ изъ профессоровъ.

— Не хуже сѣверныхъ! — проговорилъ Платоновъ. — Тамъ это обыкновенное явленіе, а здѣсь, въ Москвѣ, я не помню, чтобы такія зимы когда стояли...

— А не пора ли тебѣ, дорогой нашъ другъ, приступить къ повѣствованію? — перебилъ его хозяинъ

и посмотрѣлъ на часы. — Девять, господа! — прибавилъ онъ.

— Развѣ за мною дѣло? Я готовъ...

Неслышно и осторожно пріотворилась дверь, изъ гостиной выглянуло чье-то женское лицо, посмотрѣло и скрылось; дверь снова закрылась, но не такъ уже плотно, какъ ее закрылъ хозяинъ. Въ кабинетѣ закурили сигары и папиросы.

— Такъ начинай же, Павелъ Григорьевичъ.

Наступила тишина.

I.

— Начну я издалека, господа. Такъ для меня будетъ лучше... Два слишкомъ года я прожилъ въ уѣздномъ городѣ, а въ половинѣ третьяго перебрался въ деревню, верстъ за двадцать, — началъ Павелъ Григорьевичъ. — Видите ли, такое переселеніе оказалось необходимымъ въ интересахъ моихъ научныхъ изслѣдованій, — и по лицу Платонова скользнула улыбка. — Не скажу, что я покинулъ городишко безъ всякаго сожалѣнія. Нѣтъ! Томительна и пуста жизнь въ уѣздныхъ городахъ даже нашихъ центральныхъ губерній, а о жизни сѣверныхъ и говорить ужъ нечего: никакихъ-то интересовъ, кромѣ питанія, игры въ карты да спанья, все мелко и ничтожно до умопомраченія, до какой-то мучительной тоски и отчаянія... Первое время я совсѣмъ потерялся, желалъ даже поскорѣе умереть. Мѣщане и купцы на новаго человѣка смотрятъ дико, почти враждебно; „аристократы“ — чиновники

и помѣщики не то конфузятся, не то чего-то опасаются и недовѣрчиво на тебя поглядываютъ... Чортъ знаетъ, что такое! Книги и занятія... Но, вѣдь, живой человѣкъ, и хочется тебѣ съ живыми людьми поговорить.. Однако, спустя мѣсяца три-четыре я сдѣлалъ открытіе: нашелъ живыя человѣческія души въ лицѣ судебнаго пристава и предсѣдателя земской управы. Живыя души оказались также и среди мѣстныхъ учителей, но тѣхъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, я самъ уже сторонился... Судебный приставъ, человѣкъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, первый со мною познакомился, пришелъ ко мнѣ и потащилъ къ предсѣдателю, человѣку тоже пожилому. Оба они были люди умные, дѣятельные и слѣдующіе—въ такой-то глуши!—за литературою и „новыми вѣяніями“ нашей нескладной жизни. Не мало они всего видѣли на своемъ вѣку, внимательно наблюдали и серьезно думали... Много я отъ нихъ всего наслушался и, не скрою, научился... Я узналъ, какимъ еще тяжелымъ, непробуднымъ сномъ спитъ наша матушка Русь. Темнота, невѣжество и косность—больше всего невѣжество!—ревниво охраняютъ этотъ сонъ, не даютъ пахнуть свѣжему, благотворному вѣтерку, отъ котораго разсѣялся бы туманъ передъ глазами и свалился бы кошмаръ. Но, на ряду съ этимъ, замѣчается и вотъ что: между отдѣльными личностями началась какая-то работа мысли — неясной, неопредѣленной и сбивчивой, но все же мысли... Потомъ я и самъ, дѣлая наблюденія и часто сталкиваясь съ деревенскимъ людомъ, имѣлъ случаи провѣрить мнѣніе моихъ знакомыхъ, — мнѣ-

ніе, составленное на основаніи фактовъ, — и пришелъ къ одинаковому съ ними убѣжденію. Да, мощный духъ народа-богатыря и во снѣ работаетъ, копошится тамъ у него что-то и ждетъ только свѣта, который бы озарилъ эту духовную возню и помогъ мысли выйти на правильный путь развитія.

На послѣднемъ словѣ Платоновъ остановился, посмотрѣлъ конфузливо на слушателей и продолжалъ:

— Можетъ, вы найдете, что это прямого отношенія къ моей темѣ не имѣетъ, но я, отправляясь куда-нибудь по лѣсной дорогѣ, не могу, чтобы не остановиться при видѣ неожиданно открывшейся веселой полянки и не полюбоваться ею, или, замѣтивъ въ сторонѣ любопытный экземпляръ лѣсной породы, не свернуть съ дороги и не подойти къ деревцу... Что жъ дѣлать: слабость каждаго натуралиста!..

— Ты, кажется, передъ нами извиняешься, — замѣтилъ Владиміръ Александровичъ. — Совершенно напрасно беспокоишься: куда ты ни свернешь съ большой дороги, мы охотно и съ большимъ интересомъ за тобою послѣдуемъ.

Платоновъ, улыбнувшись, кивнулъ головою.

— Новые пріятели хотя обѣщались меня навѣщать, но я разстался съ ними все же грустно. Упомяну къ слову и объ исправникѣ, съ которымъ я былъ знакомъ. Семидесятилѣтній старикъ, всегда съ чисто выбритымъ лицомъ и двухъэтажнымъ подбородкомъ,

онъ былъ до того тученъ, что короткія тонкія ноги съ трудомъ носили его тѣло. Обладая многочисленнымъ семействомъ, онъ извѣстные часы проводилъ въ полицейскомъ управленіи, а вернувшись домой, послѣ обѣда спалъ по четыре-пяти часовъ. Разбудить его тогда не было никакой возможности: повернется, проворчитъ что-нибудь — и опять храпитъ... Принималъ онъ меня всегда радушно, но все чего-то опасался. „Знаю я васъ!“ — говорилъ онъ иногда, проницательно посматривая мнѣ въ лицо своими маленькими выцвѣтшими глазками. — „Что, Василій Дмитріевичъ, смирный, вѣдь, я человѣкъ?“ — спросишь. — „Вы-то? Смирный... Знаю я васъ, какой вы смирный!“ Но когда я зашелъ съ нимъ прощаться, то вотъ что произошло. Старикъ послѣ обѣда не спалъ, — на него порою „отвращеніе“ ко сну находило, — и, выйдя на улицу, стоялъ противъ своей квартиры и ждалъ, не пройдетъ ли или не проѣдетъ ли кто изъ знакомыхъ, чтобы остановить и затащить къ себѣ на „пулечку“. Такой способъ ловли партнеровъ старикъ постоянно практиковалъ. Завидя меня, онъ началъ улыбаться и привѣтливо махать издали своими короткими ручками. „Благодѣтель!“ встрѣтилъ онъ меня. „Двоихъ-то я уже поймалъ, — тамъ они у меня сидятъ! — а третьяго-то все еще изловить не могу. А вы и идете! Пожалуйста, тамъ ужъ, поди, отчаялись“. — „Я, Василій Дмитріевичъ, къ вамъ“... — „Да знаю что къ намъ, а не въ управленіе!“ — перебивалъ исправникъ и, тяжело дыша и отдуваясь, тащилъ меня къ подъѣзду. Пришлось сыграть двѣ пулечки, — огорчать

на разставаньи не хотѣлъ старика, — потомъ я сталъ прощаться. „Такъ завтра...“ проговорилъ исправникъ. „Ну, да вѣдь недалеко отъ насъ уѣдете, увидимся!“ Старикъ обнялъ меня и — заплакалъ. Признаться, озадачилъ! „Боялся я васъ, Павелъ Григорьевичъ, а разстаться мнѣ съ вами и жалко“, утирая глаза, добавилъ толстякъ. „Близко станете жить, а когда я провѣдаю васъ? Я ужъ больше года никуда въ уѣздъ ни шагу: толщина препятствуетъ, да и мостовъ боюсь... ну какъ гдѣ провалишься?..“ И дѣйствительно, съ Василиемъ Дмитриевичемъ я опять увидѣлся, когда уже совсѣмъ въ Москву поѣхалъ, да разъ еще за годъ... Но это свиданіе при такихъ условіяхъ совершилось... Впрочемъ, вы о немъ потомъ узнаете. Распростился я съ городомъ и уѣхалъ въ деревню.

— Лѣто мнѣ жилось недурно. Почти ежедневно, въ хорошую погоду, я странствовалъ по лѣсамъ, ходилъ на сѣнокосъ, помогалъ женщинамъ косить, велъ бесѣды съ мужиками, которые на лѣто оставались въ деревнѣ, — преимущественно старики, — перезнакомился съ начальствующими лицами деревенскаго общества, съ мѣстнымъ священникомъ и фельдшеромъ; подъ осень ходилъ съ ружьемъ и добывалъ себѣ дичь, — мяса, особенно въ посты, нельзя было достать, а получить изъ города рѣдко случай выпадалъ. Но когда наступилъ сентябрь, пошли дожди, на улицѣ грязь чуть не по колѣно, — лучше и не выходи на волю, сиди весь день въ комнаткѣ и, если читать надоѣло, гляди въ окно на сѣрую дождевую сѣтку, въ которой спрятались

и высокій уваль противъ оконъ, и домъ волостного правленія, и бѣлая сельская церковь, находящаяся въ одной верстѣ... Зимою—морозы до сорока градусовъ и больше, вездѣ горы снѣга нанесетъ и до самыхъ крышъ надуетъ. Пока ребятишки съ матерями да сестрами раскидываютъ лопатами сугробы, проложатъ между ними отъ дворовъ на улицу узенькіе корридорчики, а ты опять сиди и любуйся узорами, какіе морозъ на оконныхъ стеклахъ расписываетъ... Когда можно, посѣтишь батюшку, но его рѣдко застанешь: все по приходу ѣздитъ. Мѣстныя власти особеннаго интереса не представляли. Фельдшеръ, неглупый и любознательный парень, жилъ на пунктѣ, въ деревнѣ Шахрѣ, и къ намъ пріѣзжалъ черезъ двѣ недѣли. Единственнымъ пристанищемъ, гдѣ я отводилъ душу и забывался, были деревенскія бесѣдки... Я долженъ сказать, что крестьяне деревни, гдѣ я поселился, да и всего К—скаго уѣзда, занимались лѣсными и отхожими промыслами: весной одни стогнали плоты, другіе уходили въ поволжскіе города плотничать и столярничать, а третьи съ осени забивались въ лѣса и работали тамъ до сплава. Къ домамъ пріѣзжали только въ Рождество и Пасху. Нѣкоторые и зиму проводили на сторонѣ. Всѣ они — бывшіе казенные или удѣльные крестьяне. Въ селеніяхъ оставались одни старики да женщины съ ребятишками. Словомъ, я большую часть года прожилъ среди бабьяго царства. Поэтому на бесѣдкахъ рѣдко встрѣтишь взрослого парня: одни подростки да писаря изъ правленія зайдутъ и посидятъ. Бе-

сѣдки тянули меня: я любилъ эти прекрасныя, еще не выбитыя „модой“, народныя пѣсни, смотрѣлъ на игры дѣвичьи, слушалъ рассказы, „побывальщинки“, сказки и пр. Есть въ деревенскихъ бесѣдкахъ что-то наивно-привлекательное, какою-то своеобразною поэзіей отъ нихъ вѣетъ. Въ зиму я обходилъ по сосѣднимъ деревнямъ нашей волости всѣ бесѣдки. Деревни одна отъ другой отстояли на версту, двѣ и самое дальнее на пять верстъ, но игры, пѣсни и характеръ вечеринокъ имѣли свои особенности. Мнѣ очень понравилась бесѣдка за селомъ, въ деревнѣ Марьинѣ, которая еще издалека свѣтилась своими новыми, построенными изъ крупнаго сосноваго лѣса домами и домиками вдоль берега не широкой, но веселой и гулкой рѣчки. Лѣтомъ, глядя изъ бокового окна „свѣтелки“, я часто и подолгу любовался ея серебряною лентою и рѣзвымъ, играющимъ бѣгомъ. Въ Марьинѣ на бесѣдки собирались не однѣ крестьянскія дѣвушки, но и дочери причетниковъ; здѣсь я слышалъ лучшія пѣсни и сильные контральтовые голоса. Бывало, какъ запоютъ десятка полтора такихъ голосовъ „Дубраву зеленую“ или „Ты подуи, подуи, погодушка, со восточной со сторонushки“, то сидишь и головы не поднимаешь: столько могучей силы, широкаго размаха и удали въ нихъ чувствовалось, но, вмѣстѣ, и какого-то горя неисходнаго, тоски безпредѣльной!.. И странно: эти пѣсни, вызывая грусть и слезы, подымали меня нравственно, я чувствовалъ, что личное горе ничтожно въ сравненіи съ народнымъ горемъ и что за нимъ, за этимъ горемъ,

скрыты какія-то громадныя силы, и снова, откуда бралась, являлась вѣра въ торжество побѣды, которая сулитъ народу свѣтлое будущее...

— Въ Марьинѣ на святкахъ я встрѣтилъ разъ одну дѣвушку.

II.

— Пришелъ я на бесѣдку, по деревенскому времени, не рано, въ десятомъ часу. Святочныя игрища уже окончились,—они въ Марьинѣ бывають только на второй и третій день праздника,—но просторная изба оказалась полна народа. Дѣвицы сидѣли за прялками, склонивши надъ гребнями головы, но работа у нихъ не спорилась: парни заставляли пѣть „ходовыя“ пѣсни и постоянно вызывали бесѣдницъ. Хозяйка дома, нестарая и солидная женщина, опростала мнѣ подлѣ себя мѣстечко въ уголкѣ, между перегородкой и выступомъ печки. Отсюда я видѣлъ лица всѣхъ, кромѣ тѣхъ, которыя находились въ противоположномъ углу, загороженные передними бесѣдницами. Дѣвушки были въ шерстяныхъ и кумачныхъ сарафанахъ,—только дочери причетниковъ въ платьяхъ, а крестьянскія надѣвали ихъ въ большіе праздники,—парни въ разноцвѣтныхъ рубашкахъ и высокихъ сапогахъ, нѣкоторые въ жилеткахъ съ блестящими пуговицами, а на одномъ, поверхъ шелковой пунцовой рубашки, красовался пиджакъ и болталась выпущенная серебряная часовая цѣпочка. Дѣвушки, желая отдохнуть отъ частыхъ вызововъ, заплѣли протяжную:

Заря моя вечерняя,
Игра-гульба веселая...

— Ну-ка, жените лучше меня! — перебилъ франтъ, важно поднимаясь съ скамейки. — Не то я домой пойду: нѣшто въ сонъ меня отъ этой пѣсни ударило, — и въ доказательство онъ широко зѣвнулъ.

— Пѣсенницы стали вполголоса переговариваться, а франтъ выступилъ на середину комнаты. Это былъ дюжій, коренастый парень, темноволосый, съ широкимъ лицомъ, вздернутымъ немного носомъ и толстыми красными губами; черные глаза его изъ-подъ густыхъ бровей глядѣли лѣниво. Хозяйка сообщила мнѣ, что франтъ былъ сынъ богатаго подрядчика, пріѣхавшій домой на праздники изъ Нижняго, первый женихъ изъ всей округи и одинъ сынъ у отца. Дѣвицы начали:

Еще кто у насъ не женатъ?
Розанъ мой, розанъ, випоградъ зеленый...

— Подрядчиковъ сынъ повелъ глазами и уставился въ уголъ.

— Марья! тебя желаю, — позвалъ онъ и вынулъ изъ жилетнаго кармана серебряные часы, на которые и принялся внимательно смотрѣть.

— Къ нему вышла изъ угла, который отъ меня былъ загороженъ, дѣвушка въ шерстяномъ голубомъ сарафанѣ, съ бѣлыми кисейными рукавами и розовою лентой въ свѣтло-русой косѣ. Женихъ съ невѣстой начали ходить подъ громко разносившуюся пѣсню:

А Парѣенъ-отъ не женать,
А сынъ Игнатьичъ не женать.
По чисту полю гуляетъ,
Ярово поле глядитъ,
Ярую пшеницу...

— Дѣвушка, стройная, съ миловиднымъ лицомъ, слегка наклонивъ красивую голову и опустивъ глаза, ходила съ такою граціей, что я невольно ею залюбовался. По требованію пѣсни, „поженившіеся“ должны были поцѣловаться. Сынъ подрядчика обнялъ рукой „молодую“; я взглянулъ на дѣвушку... Широкоплечая фигура парня заслоняла Машу отъ меня, но я успѣлъ уловить ея взглядъ: онъ показался мнѣ какимъ-то чудеснымъ... Пара разошлась по своимъ мѣстамъ, ее замѣнила новая. Каждый выбиралъ себѣ любую невѣсту, не засидѣлись и „духовныя“, дочери причетниковъ. Для каждой новой пары пѣлась новая пѣсня. Наконецъ всѣхъ переженили.

— Теперь твоя очередь, Павелъ Григорьевичъ! — обратилась ко мнѣ запѣвала. — Выбирай себѣ невѣсту.

— Моя очередь прошла.

— Да полно, такъ ли, парень?.. Ну, коли не хошь жениться, такъ мы другую про тебя пѣсню сыграемъ. Начнемъ-ка, дѣушки!

Какъ на тоненькій ледокъ
Выпадалъ бѣлый снѣжокъ.
Цвѣточки мои, бѣлы-розовые!
Выпадалъ бѣлый снѣжокъ,
Выѣзжалъ тутъ паренскъ...

— При послѣднемъ словѣ я долженъ былъ выйти на середину и ходить. Я, конечно, повиновался. А пѣсня о моемъ путешествіи докладываетъ собранію:

Добрый молодецъ поспѣшалъ,
Со лиха коня упалъ.

Цвѣточки мои, бѣлы-розовые!
Со лиха коня упалъ,
Никто парня не видалъ...

Цвѣточки мои, бѣлы-розовые!
Двѣ дѣвицы увидали,
Скороспѣшно подбѣгали,
За бѣлы руки примали...

И, дѣйствительно, изъ бесѣды вышли и подошли ко мнѣ двѣ дѣвушки, взяли меня за „бѣлы“ руки. Одна была Аннушка, дочь дьячка, а другая — Маша, дѣвушка съ чудеснымъ взоромъ. Онѣ прошли со мною въ одинъ конецъ, потомъ выпустили руки и пріостановились; а когда я сдѣлалъ другой конецъ и воротился, онѣ пошли мнѣ навстрѣчу, и такъ мы ходили до конца пѣсни, которая словами тѣхъ же дѣвушекъ „молодцу наказывала“:

Ты поѣдешь, милый мой,
По инымъ городамъ,
По инымъ городамъ,
По бесѣдамъ, по пирамъ;
Во бесѣдушку взойдешь,
Не засиживайся,
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся.

— Аннушка, высокая смуглая брюнетка, съ античнымъ профилемъ, обладала хорошимъ контральто, а у Маши былъ сопрано, пріятный, гибкій и разымчивый, — такой голосъ, что онъ вливался какъ-то

въ самую душу и пѣлъ тамъ, будя заснувшія чувства и заставляя сладко трепетать сердце.

Хорошія, пригожія
Сердце высушили,
Изповывели румянецъ
Изъ бѣлаго изъ лица,
Изъ бѣлаго изъ лица,
Что изъ Павла молодца.

— Кончилась пѣсня. Я остановился въ нерѣшительности... Аннушка выручила: она низко поклонилась „добру молодцу“ и, сказавъ „прощай“, поцѣловала меня. За ней выступила Маша, стыдливо поднявъ лицо съ заалѣвшимися щеками, и озарила меня лучистымъ взглядомъ, исполненнымъ такой чарующей, тихой прелести, доброты сердечной, ласки и нѣжности, что я, человѣкъ уже за тридцать годовъ, почувствовалъ себя юношей и благоговѣйно прикоснулся къ свѣжимъ устамъ.

— Я продумалъ о Машѣ всю ночь. Въ ушахъ звенѣлъ все ея голосъ, онъ куда-то звалъ меня и уносилъ далеко. Ея лицо, съ правильными чертами, бѣлымъ, красиво-развитымъ лбомъ и легкимъ розовымъ отливомъ, плѣнительно-чистая улыбка и взглядъ, этотъ чудный лучистый взглядъ! Я даже не разсмотрѣлъ, какіе у нея были глаза, — каріе, сѣрые или черные, — помню темныя, длинныя рѣсницы и лучи, лучи... Бываютъ такія лица: стоитъ увидеть ихъ разъ, чтобы потомъ всю жизнь ихъ помнить. У Маши было именно такое лицо. Въ продолженіе вечера мнѣ не пришлось съ нею двухъ словъ сказать, но, пересѣвъ на лавку, я встрѣчалъ

ея поднятый на меня долгій и какъ будто спрашивающій о чемъ-то взоръ. Замѣтилъ я также, что Парѣенъ Игнатьичъ, сынъ подрядчика, посмотрѣлъ на меня непріязненно, когда я поцѣловался съ дѣвушкой.

— Раза три я отиравался на посидѣлки, но пока шли святки, мнѣ не удавалось поговорить съ дѣвушкой, познакомиться съ нею. Парѣенъ Игнатьичъ постоянно выбиралъ ее въ играхъ, садился къ ней на колѣни и облапчивалъ своими ручищами. Подобнаго рода обхожденіе было здѣсь обычаемъ, но мнѣ не нравилось, какъ ломался этотъ грубый парень. Вниманіе же ко мнѣ Маши, видимо, сердило парня, и когда она выбирала меня въ играхъ, черные глаза молодого подрядчика вспыхивали злобой. Разъ онъ грубо сказалъ мнѣ:

— Ежели ты хочешь съ нашими дѣвками играть, то должонъ ребятамъ вина поставить, а такъ мы чужимъ на посидѣлки не дозволяемъ ходить.

— Послѣ святокъ молодежь разѣѣхалась. Я участилъ свои хожденія въ Марьино. Теперь ужъ не однѣ пѣсни меня туда влекли, не ихъ властительные напѣвы, но иная поэзія очарованія, поэзія близости молодого существа, которое я нечаянно встрѣтилъ. Я познакомился съ Машей: свѣтлый, оригинальный умъ и сердце чуткое, отзывчивое, глубокое—вотъ что я нашелъ въ этой восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Знакомству моему съ нею покровительствовала Аннушка. Деревенскіе парни держатъ себя „просто“, садятся къ дѣвушкамъ на колѣни и ведутъ съ ними непринужденные разговоры, и на это никто

никакого вниманія не обращаетъ. Совсѣмъ иначе смотрятъ на „барина“: малѣйшее вниманіе съ его стороны къ дѣвушкамъ, всякое слово, между ними сказанное, — все это на счетъ ставится, и дѣвушка въ глазахъ парней рискуетъ себѣ повредить. Аннушка такъ устраивала, какъ будто она со мной вела разговоръ, — ей, какъ „духовной“, дозволялось такое пренебреженіе мѣстными уставами; сидѣла она всегда рядомъ съ Машей и сама первая вызывала меня на разговоръ. Онѣ были подругами съ дѣтства, дьячковская дочь выучила Машу грамотѣ, и онѣ вмѣстѣ читали книжки, какія присылалъ Аннушкѣ братъ ея, городской учитель.

— Я не видѣлъ, какъ промелькнулъ мясоѣдъ, прикатила масленица и наступилъ Великій постъ. Но „подружка“ и тутъ позаботилась, чтобы доставить намъ случай видѣться: Маша ходила къ ней съ работою, и я заранѣе уже зналъ, когда она въ дьячковскомъ домѣ.

— „Будете вы говѣть?“ — спросила меня однажды Маша.

— Взглядъ ея, обращенный на меня, какъ будто просилъ, молилъ...

— „А вы?“

— „Мы съ Аннушкой на четвертой недѣлѣ говѣемъ“.

— „И я на четвертой!“

— „Вотъ это хорошо! — промолвила она. — Я очень рада!“

— Въ субботу мы причащались. Во время утрени и обѣдни Аннушка иногда посматривала въ мою

сторону, но Маша стояла неподвижно, съ устремленными глазами на лики святыхъ, и усердно, съ какою-то сосредоточенностью молилась. Къ причастью она нарядилась въ бѣлое кисейное платье, перехваченное въ талии шелковою голубою лентой. Она приблизилась къ священнику, перекрестилась и дѣйствительно со страхомъ и трепетомъ причастилась св. тайнъ... Сколько душевной красоты, трогательнаго умиленія и благодарности свѣтилось въ лучистыхъ глазахъ Маши, когда, при выходѣ изъ церкви, я поздравилъ ее!

— „И васъ равнымъ образомъ, Павелъ Григоричъ! — отвѣтила она. — Хорошо... Вамъ Господь здоровья дастъ, радость пошлетъ“.

— Весною я съ нею встрѣчался только въ „кругахъ“, или хороводахъ, видѣлъ среди подругъ, и очарованіе мое еще больше увеличивалось. Выступить она въ хороводѣ лебедушкою бѣлой, которая плыветъ по морю синему Хвалынскому, голосъ ея такъ и звенить серебромъ въ предвечернемъ воздухѣ расдвѣтающей весны, и сама она, какъ эта весна, какъ эта улыбка яснаго неба .. Лѣтомъ я еще рѣже ее видѣлъ: она работала на лугахъ, жала въ полѣ и вообще дѣлала по крестьянству все, что другія дѣвушки въ деревнѣ дѣлали. Меня удивляло, какъ она управлялась съ трудными крестьянскими работами? Съ зарей она шла въ поле и съ зарей возвращалась, работала много и легко, дѣло въ рукахъ у нея кипѣло, и она не знала никакой усталости. Несмотря, по виду, на нѣжный организмъ, въ ней много было физической силы. Проходя по-

лями и заглядывая на уборку хлѣба, я подолгу смотрѣлъ на Машу и налюбоваться ею не могъ.

— Признаться, это лѣто показалось мнѣ страшно долгимъ. Я видѣлъ Машу рѣдко, мелькомъ, и говорить съ нею мнѣ почти совсѣмъ не удавалось. А видѣть дѣвушку, говорить съ нею сдѣлалось для меня потребностью. Наши отношенія были какія-то особенныя: я ни разу не заикнулся, что питаю къ ней не простое расположеніе, и она ни слова мнѣ о своемъ чувствѣ не говорила. Я положительно не зналъ, чтò именно меня влечетъ къ дѣвушкѣ, почему она дорога мнѣ и общество ея для меня необходимо. Какъ будто тѣ взгляды, какими мы обмѣнивались, давно ужъ, съ первой же нашей встрѣчи, рѣшили все за насъ и намъ нечего было другъ другу говорить о своихъ чувствахъ... Вы помните, друзья, мою первую любовь, горечь и обиду, какія она мнѣ дала. Юность, съ ея вѣрой въ человѣка вообще и въ женщину въ частности, была отравлена, безжалостно смята... Я позабылъ ту женщину, но обида и память боли сердца во мнѣ сохранились. Я все простилъ и поставилъ крестъ. Сказать себѣ, что во мнѣ воскресло прежнее чувство, что я полюбилъ Машу, — этого я не могъ допустить или, вѣрнѣе выразиться, не нашелся еще, какъ назвать то чувство, какое во мнѣ пробудилось.

Легкое облако набѣжало на лицо рассказчика. Онъ неторопливо налилъ изъ графина воды и глотками отпилъ треть стакана.

III.

— Я сдѣлаю еще одинъ свертокъ съ большой дороги и расскажу вамъ, какъ относилось ко мнѣ мѣстное населеніе. Сперва всѣ глядѣли на меня съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то недоумѣніемъ.

— „Пошто это онъ къ намъ пріѣхалъ?—слышались вопросы.—Жить, слышь, у насъ въ Семенихѣ будетъ“.

— „Кто жъ его знаетъ? Самъ не говоритъ, а намъ какое дѣло? Лишь бы не зрящій какой, не лихой человѣкъ, а то живи себѣ на здоровье!“

— „Поди, урядникъ, али въ волостномъ знаютъ ужъ, чтò онъ за человѣкъ“.

— „Какъ имъ не знать! Начальство. Намеднись, я слышалъ, писаря въ правленіи про него толковали, да, признаться сказать, ничего изъ ихъ словъ я не понялъ. Такъ, надо полагать, съ глупостевъ своихъ, непутевое чтò плели“.

— Первое мое появленіе на сѣнокосѣ мужики привѣтствовали сдержанными улыбками, а бабы съ дѣвками смѣшливо говорили:

— „Вотъ мы все жалобу творили, что въ мужикахъ у насъ недостача, анъ Богъ-отъ, вишь ты, намъ и работничка хорошаго посылаетъ!“

— „Ты подожди радоваться-то, — останавливала другая.—Надоть напередъ узнать, умѣетъ ли онъ еще за косу-то взяться“.

— „Дѣло, тетка Степанида! — подхватывала третья.—Глядѣть, онъ не учиться ли еще къ намъ пришелъ... Ну, что жъ, милый человѣкъ, проклаждаешься? Бери косу да и становись подъ началъ къ бабамъ!“

— „Разомнись, тебѣ это, можетъ, на пользу пойдетъ!“—комически ободряли мужики.

— Насмѣшки, однако, скоро смѣнились пріятнымъ удивленіемъ и серьезными похвалами. На ряду съ женщинами и мужиками я отмахалъ первый прокъ, потомъ другой и положилъ косу, когда вся роса подобралась и косцы отдыхать стали; а вечеромъ, съ новою росой, я опять взялся за дѣло и работалъ на ряду съ другими до самой ночи. По окончаніи работы меня обступили.

— „А ты молодецъ!—хвалили мужики.—Гдѣ ты это крестьянскому дѣлу обучался?“

— „Дома, въ своей деревнѣ“.

— „Такъ. Что же у тебя своя вотчина была?“

— „И теперь есть небольшая“.

— „Вотъ оно что... То-то мы промежъ собой мекали... Да нѣшь въ вашей сторонѣ господа-то косятъ?“

— Бабы съ просьбами подступили: одна зоветъ помочь, другая зоветъ. Я косилъ у тѣхъ, которые больше нуждались въ моей помощи. Дѣлались на мой счетъ разныя соображенія. Одни говорили, что „онъ (т. е. я) не изъ дворовыхъ ли прежнихъ будетъ“; другіе не соглашались съ этимъ и высказывали, что „баринъ онъ, только не изъ настоя-

щихъ: поповскаго отродья, да по наукамъ въ господѣ только вышелъ; у батъки-то своего, въ селѣ, поди, онъ и научился косить“. Но послѣ долгихъ разсужденій и всевозможныхъ догадокъ пришли къ такому заключенію:

— „Да что намъ до того, какой онъ баринъ? Обиды отъ него, али какого озорства мы не видимъ,—напротивъ того, онъ же намъ услуживаетъ,—значить, нечего попусту намъ и языки ломать. Живи съ Богомъ!“

— Минуль годъ; крестьяне такъ привыкли ко мнѣ, что въ своей деревнѣ меня иначе и не называли, какъ „нашъ баринъ“, а сосѣднихъ деревень—„сменихинскій баринъ“. Я зналъ въ лицо своихъ и марьинскихъ жителей, многихъ называлъ по имени. Съ наступленіемъ же второй осени, въ храмовой праздникъ Іоанна Богослова, мужики и бабы наперебой таскали меня къ себѣ въ гости. Въ этотъ праздникъ я познакомился съ семействомъ Маши. Семья была зажиточная. Отецъ скупалъ въ удѣлѣ небольшіе лѣсососѣвки и сплавлялъ весною лѣсъ на ярмарку, къ жнитву возвращался домой, а съ октября опять уѣзжалъ въ лѣсъ; онъ былъ чело-вѣкъ съ здоровымъ умомъ, трезвый и степенный. Мать принадлежала къ числу тѣхъ сердечныхъ женщинъ, которыя часто встрѣчаются среди деревенскаго населенія, чуждаго вліянію большихъ городовъ и фабрикъ. Съ характеромъ и серьезная, она любила и пошутить, посмѣяться и рассказать что-нибудь забавное, но отнюдь не пошлое; въ молодости, говорятъ, она была веселая и первая

„запѣвала“. Маша походила болѣе на мать, но въ ней были и черты отцовскія. Старшая ихъ дочь, годъ назадъ, вышла замужъ, въ ближнюю деревню Шелепиху, и также съ мужемъ пріѣхала на праздникъ: она готовилась въ скоромъ времени сдѣлаться матерью. Остальные члены семейства были подростки: дѣвочка тринадцати лѣтъ и два мальчика, одному пятнадцать, другому четырнадцать годовъ. Оба помогали отцу. Дѣтей всѣхъ родители любили, но Машу, кажется, больше другихъ. Въ домѣ ихъ замѣчалась примѣрная чистота и порядокъ, на всемъ лежалъ отпечатокъ довольства и хозяйской заботливости. Я провелъ у нихъ часа два, и мнѣ положительно не хотѣлось уходить домой: такою привѣтливостью, радушіемъ и теплотою меня всего обхватило, что я готовъ былъ у нихъ навсегда остаться. Маша помогала матери хозяйничать, угощала гостей и держала себя съ милою простотой: она, казалось, вся дышала счастьемъ и радостью. Слушая умныя, серьезные рѣчи хозяина съ гостями, — рѣчи, оживляемыя веселою шуткой хозяйки, и глядя на эту дѣвушку, я посиживалъ на плетеномъ стулѣ и думалъ: вотъ крестьянская семья, источникъ русской силы, богатства, геройскихъ подвиговъ, славы, величія... Вѣдь она, эта крестьянская семья, дала возможность раздвинуть Россіи свои владѣнія во всѣ концы свѣта, она создала могущественную имперію, а ужъ не тѣ, что выкалывали другъ другу глаза, вели раздоры за бѣльшій кусокъ, спорили за мѣстничество, насыщали свое тщеславіе и алчность. Конечно, не въ

первый разъ я видѣлъ крестьянскую семью, но мнѣ только теперь пришла эта мысль, и я съ уваженіемъ смотрѣлъ на этихъ скромныхъ, простыхъ людей, не только не кичащихся своими заслугами передъ отечествомъ, но даже и не подозрѣвающихъ о нихъ. Да, вотъ хорошая крестьянская семья, гдѣ все дышетъ здоровьемъ, крѣпостью и цѣльностью. Почему бы и не вступить въ такую семью, не сдѣлаться своимъ, роднымъ въ ней человѣкомъ? Въ самомъ дѣлѣ, не унижить же себя потомокъ одного изъ членовъ варяжской дружины, — а, можетъ, татарской орды, — вступивъ въ родство съ крестьянской семьей!.. Вѣдь, родъ Никулы Селяновича на Руси гораздо старше и почетнѣе, чѣмъ всѣ другіе. Думая такъ, я видѣлъ Машу, дѣятельную, спокойно-хлопотливую, цвѣтущую силою и красотою. Въ первый разъ, кажется, я тутъ назвалъ свое чувство, какое питалъ къ ней. Маша какъ будто почувствовала, что со мною дѣлалось, и взглянула... Я замѣтилъ, въ глазахъ ея выразилось изумленіе, лучи ихъ пропали, но одно мгновеніе — яркій румянецъ разлился по ея лицу, и глаза засіяли чувствомъ любви, преданности беззавѣтной.

— „О чемъ, гость нашъ дорогой, задумался? — спросила меня хозяйка. — Знать, про свою родимую сторонку вспоминаешь?“

— „И то! — подхватилъ хозяинъ. — Выкушалъ бы ты винца легонькаго, Павелъ Григорьевичъ? Право, сидитъ ровно дѣвица красная и ничего не выпьетъ“.

— Я едва не сказалъ имъ: „отдайте мнѣ свою Машу“, но удержался и отвѣтилъ:

— „Слушаю разговоры ваши, Андрей Никифоровичъ. Любопытно“.

— „А тебѣ нѣшь занятно послушать мужиковы разговоры?“—улыбаясь сказала хозяйка.

— „Даже очень, Татьяна Васильевна“.

— „А что ты думаешь, Васильевна?—промолвилъ большакъ.—Ему вѣдь и вправду любопытно: крестьяне мы, кругомъ въ лѣсу живемъ, а понадобится избу поправить или новую выстроить — покупай лѣсъ въ казнѣ или въ удѣлѣ“.

— На прощаньи хозяинъ звалъ меня къ себѣ на Рождество, когда онъ опять вернется изъ лѣса. Я пришелъ на свою квартиру въ какомъ-то опьянѣніи, кинулся на кровать, и меня подхватилъ быстрый потокъ и унесъ съ собою. Какія-то сладкія грёзы, золотые сны юности поднялись, въ лучезарномъ свѣтѣ предсталъ образъ дѣвушки, невыразимое чувство блаженства наполнило грудь и опять воскресла вѣра въ людей... Не пугаютъ больше призраки тупой злобы, вражды и зависти... Жизнь! какъ ты хороша, и какъ мы неумѣло ея пользуемся... Только тогда узнаемъ ей цѣну, когда возврата уже нѣтъ, а изъ-за плеча, неожиданно, выглянетъ на насъ костлявое лицо съ насмѣшливою улыбкой и безжалостно промолвить: „довольно ты подурачился, теперь ты мой!“ Благополучіе еще человѣку, если онъ, живя на свѣтѣ, дѣлалъ только однѣ глупости, такъ и въ тотъ міръ онъ безмятежно переселится, какъ всякій глупый человѣкъ; но если на его совѣсти...

Впрочемъ, это уже морализированіе, а я для васъ плохой учитель, потому что глупости своей, въ данномъ случаѣ, я и самъ не найду извиненія.

IV.

Горькая улыбка шевельнула губы Платонова. Онъ поспѣшно отпилъ изъ стакана воды и продолжалъ:

— Но зачѣмъ я клеветчу на себя? Не глупость, а опять виною мое прошлое... Среди розовыхъ мечтаній, упоенія чувствомъ и свѣтлыхъ надеждъ внезапно передо мною всталъ мрачный крестъ надъ погибшею любовью юности. Я смутился... Маша любила меня, въ чувствѣ ея не могло быть никакого сомнѣнія. При первомъ же свиданіи съ нею... да нѣтъ, не дожидаясь, а на слѣдующій же день надо было итти къ ея отцу и сказать то, что у меня чуть уже не сорвалось съ языка въ ихъ домѣ. Но я задался вопросомъ: да любить ли еще она? А если и любить, то развѣ не можетъ повториться старая исторія? Тогда я былъ юношей—преимущество громадное, — а теперь мнѣ тридцать-три года, а ей всего девятнадцать... Ну, да объ этой чепухѣ распространяться не стоить, скажу только, что новая встрѣча съ Машей уничтожила всякія сомнѣнія. Черезъ двѣ недѣли начались бесѣдки. Живо помню, какое свѣтлое волненіе овладѣло дѣвушкой, какимъ лучистымъ, долгимъ взглядомъ, отражавшимъ, казалось, всю ея любящую душу, встрѣтила она меня! Я видѣлъ, какъ ея высокая

дѣвственная грудь подъ тонкою полотняною сорочкой тихо вздымалась и опускалась, словно замирая отъ счастья. Она даже не утерпѣла, вопреки деревенскому этикету, сама сказала, чтобъ я сѣлъ рядомъ съ нею, но заговорить могла не скоро: волненіе мѣшало. Гречанка, — такъ я называлъ Аннушку, — стремительно сдѣлала нападеніе, сразу задала нѣсколько вопросовъ и, не давая мнѣ опомниться, рассказывала уже сама, а какъ только подруга ея заговорить, она тотчасъ умолкла.

— „Какъ вы это время проводили?“ — спросила Маша.

— „Читалъ... ходилъ за рябчиками. А вы?“

— „Я? Праздникъ, всю недѣлю, съ гостями хлопотала, а послѣ кое-что по дому дѣлала... Думала...“

— „Думали?“

— „Да, я часто думаю, Павелъ Григорьевичъ“.

— „О чемъ же вы думаете?“

— „Думаю я о разномъ. Про васъ... Я постоянно о васъ думаю... Какъ, чай, вамъ у насъ скучно...“

— „Почему?“

— „Вы человѣкъ образованный, а здѣсь люди простые, нѣтъ по васъ товарища...“

— „А вы, Маша?“

— „Я? — и она склонила голову ниже надъ гребнемъ. — Я тоже простая, мало поученая... Вотъ если бы какая барышня, тогда другое...“

— „А мнѣ гораздо пріятнѣе съ вами, чѣмъ съ любую образованною барышней“.

— „Вы правду говорите?—и лицо ея припало къ самому гребню.— Конечно, правду, вы не такой человекъ“.

— Она приподняла голову и посмотрѣла на меня.

— „Спасибо вамъ,—проговорила.— Мнѣ это слово дороже всего на свѣтѣ...“

— Въ разговоръ вступила Аннушка. Она просила меня рассказать, какъ живутъ въ столицахъ образованныя барышни, о чемъ онѣ говорятъ, что дѣлаютъ и т. д. Я сидѣлъ между прялками дѣвушекъ и рассказывалъ. Гречанка перебивала, дѣлала вопросы или замѣчанія, а Маша слова не проронила: она вся была вниманіе, слухъ и радость.

— И чѣмъ дальше шло время, чѣмъ чаще я съ нею видѣлся, тѣмъ все больше убѣждался въ серьезномъ глубокомъ чувствѣ къ себѣ милой дѣвушки. Въ ней порою замѣчалось то необычайное оживленіе, восторженность, то вся она стихала, опустивъ нитку съ веретеномъ, и подолгу смотрѣла на меня въ какомъ-то самозабвеніи: вздохнетъ такъ протяжно и улыбнется. Она совсѣмъ позабывала, что мы на бесѣдкѣ, что десятки любопытныхъ глазъ исподтишка слѣдятъ за нами: ей, видимо, было все равно, что бы ни сказали.

— Чего еще мнѣ надо было, какихъ доказательствъ? Почему я медлилъ? Несчастное прошлое!.. Меня гвоздила уже другая мысль: буду ли я любить Машу? Вѣдь я уже любилъ, любилъ первою любовью, на которую потратилъ все чувство, и могу ли я теперь такъ сильно, всецѣло любить эту дѣ-

вушку? Можетъ, это просто одно эстетическое любованіе или внезапно прозвучавшіе, замирающіе отголоски стараго? И я принялся за провѣрку своего чувства, началъ надъ собою производить эксперименты. Прекратилъ хожденіе въ Марьино, принялся усиленно читать, — ничего не идетъ въ голову; сталъ приводить въ порядокъ записки, результаты своихъ наблюденій, — не клеится, не въ состояніи простой классификаціи сдѣлать: стоитъ передо мною образъ Маши, взоръ ея ласкаетъ, голубить меня. Ударился на посидѣлки по сосѣднимъ деревнямъ. Еще сильнѣе желаніе — поскорѣе увидѣть Машу... Рѣшился на послѣднюю попытку: ушелъ въ Шахру за десять верстъ, гдѣ я ни разу не бывалъ, а Шахра на весь К—ій уѣздъ славилась своими бесѣдками и красивыми дѣвушками. Трое сутокъ я пробылъ тамъ, гостя у фельдшера, и каждый вечеръ съ нимъ ходилъ на вечеринки. Дѣйствительно, Шахра оправдывала свою репутацію: я нигдѣ не видалъ столько красивыхъ женскихъ лицъ, какъ тамъ, и нигдѣ меня такъ не поражала вся обстановка бесѣдокъ, модные наряды дѣвицъ, какъ въ Шахрѣ. Зато я не мало и возмущался поведеніемъ „холостыхъ“... Когда-нибудь я васъ познакомлю съ посидѣлками въ Шахрѣ, а пока ограничусь замѣчаніемъ, что онѣ отличаются своеобразнымъ характеромъ и привлекаютъ массу городской молодежи. Упомяну еще, что всѣ эти посидѣлки имѣютъ громадное значеніе въ жизни деревни. Въ Шахрѣ я участвовалъ въ играхъ, цѣловался съ дѣвицами, пѣлъ пѣсни и старался развлечься,

чтобы не думать, и отгонялъ отъ себя легкій, воздушный призракъ, носившійся всюду за мною и съ какою-то тихою печалью, съ робкимъ упрекомъ во взорѣ смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Двѣ дѣвушки изъ бесѣдки мнѣ понравились, но ни одна изъ нихъ не вытѣснила Машу,—наоборотъ, ея свѣтлый образъ, во всей своей чистотѣ и непорочности, сталъ еще прекраснѣе и сила его обаянія неотразимѣе.

— Я вернулся въ Семениху. Въ Марьинѣ меня не видѣли около мѣсяца. Какъ мнѣ было показаться дѣвушкамъ? Я находился точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ бываетъ школьникъ, сдѣлавшій шалость и стыдящійся въ ней сознаться передъ своимъ учителемъ. Я не допускалъ, что Маша будетъ сердиться или попрекать меня, но было чего-то стыдно и — конецъ. До рождественскихъ праздниковъ оставалось всего нѣсколько дней, вечеринки должны скоро прерваться, а мнѣ во что бы ни стало хотѣлось увидеть Машу до святокъ. Изъ лѣса и со „стороны“ деревенскіе начали уже подѣзжать. Пріѣхалъ и мой хозяинъ съ сыномъ, парнемъ лѣтъ двадцати... Славный былъ этотъ парень: русый, здоровенный, съ крупными чертами лица и смотрѣвшій увальнемъ, но чрезвычайно добродушный и почему-то любившій меня. Его и звали Никитушкой. Вотъ, сидѣлъ я вечеркомъ дома за чаемъ и подумывалъ о вечеринкѣ. Вошелъ Никитушка въ нагольномъ тулупѣ и съ шапкою въ рукахъ.

— „Что, Никитушка?“

— „Ничего,—ухмыльнулся парень,—я такъ, провѣдать тебя зашелъ. Може, говорю, не поидеть ли

нашъ баринъ на посѣдки. Такъ я бы ему въ товарищи“.

— „А, вѣдь, я точно хочу итти“.

— „Ну, вотъ, вотъ, я такъ и думалъ: пойдетъ, молъ, седня Григорьичъ, безпремѣнно пойдетъ“.

— „Да ты не хочешь ли чаю?“

— „Нѣ! Выпилъ бы съ тобою чашку, да разболатся не охота. Вставай, коли удумалъ, пойдѣмъ!“

— Дорогою Никитушка успѣлъ сообщить мнѣ множество деревенскихъ новостей. Между прочимъ, онъ сказалъ, что обо мнѣ справлялась дьячкова Анна: вернулся ли я изъ Шахры. Почему нейдетъ въ Марьино, если ужъ онъ дома: „мы по немъ соскучились“.

— „Да кто онѣ-то?“ — спрашиваю.

— „Знамо ужъ кто: сама, Анна-то дьячкова, да Марья, дочь Андрея Никифорова“.

— „Почему же это ты знаешь?“

— „Во-она! Да, поди, всѣ дѣвки съ парнями про то знаютъ. Экой ты простой парень!“

— „Да чего знаютъ-то?... Чудакъ ты голова!“

— „Вѣстимо чего. Марья-то, слышь, отъ тебя съ ума сходить. Худѣть съ лица зачала: должно, пици ужъ не рѣшилась ли!“

— „Что за вздоръ ты мелешь?!“

— „Экой ты, погляжу я, простой баринъ! Чай, я слышанное толкую. Любъ, значить, ты больно Марьѣ-то, вотъ она по тебѣ и стала сохнуть... Только ты, слышь, что я тебѣ скажу: соблюдай

осторожность. Парёенка подрядчиковъ свѣдалъ про это и хвастаетъ тебѣ бока намять. Ну, да ты на праздникахъ-то не опасайся: я тебя оберегать стану. Отецъ Парёенку женить надумалъ: баловаться парнишка на чужой сторонѣ научился. Какъ Парёенка на посѣдкахъ форсить! Дѣвки ему похвастались, что ты имъ за-все гостинцевъ приносишь, а онъ когда-когда подсулнухами ихъ одѣлить. Такъ вечеръ Парёенка платокъ съ жемками да орѣхами приволокъ, кинулъ дѣвкамъ на колѣни и сказалъ: „Мы сами никакимъ господамъ не уступимъ, а что насчетъ семенихинскаго барина, то ему далеко со мной не изровняться“.

— До самага Марьина болталъ Никитушка. Я слушалъ его и не отвѣчалъ: досада, опасеніе за доброе имя дѣвушки и самобичеванія волновали меня всю дорогу. У воротъ одного, болѣе другихъ освѣщеннаго дома, куда мы подошли, Никитушка потихоньку сказалъ:

— „А вѣдь Марьи, чать, на бесѣдкѣ и нѣтуть“.

— Бесѣдницы встрѣтили меня привѣтливо, гречанка едва замѣтно покачала головою. Но Маши не видать. Парней было человѣкъ пять и въ числѣ ихъ Парёень Игнатьичъ. Никитушка, какъ влѣзъ въ своемъ нагольномъ тулупѣ, такъ, не раздѣваясь, и забился въ задній уголъ.

— „Наше вамъ нижайшее, господинъ Платоновъ! — съ комическою важностью поклонился мнѣ сынъ подрядчика.—Все ли здоровы?“

— Я присѣлъ къ Аннушкѣ. Въ рукахъ подрядкова сына была хорошая гармоника. Бесѣдницы

просили его сыграть пѣсенку, но какъ самъ щеголь, такъ равно и другіе изъ ребятъ не умѣли, а одинъ только Никитушка игралъ. Передали ему гармонику.

— „Какую, дѣвушки, зачинать?“ — освѣдомился изъ угла парень.

— „Какую самъ удумаешь!“

— Никитушка началъ, и бесѣда разомъ взяла:

Снѣ-ѣ-ги-и бѣ-ѣ-ѣлы-ые пу-ши-стые...

— Мы съ гречанкою, между тѣмъ, вели разговоръ. Я узналъ, что Маша вчера была здѣсь, но что теперь она уже до святокъ не придетъ; затѣмъ мнѣ сказали, что Парѣенъ Игнатьичъ усердно за ней ухаживаетъ, но что дѣвушкѣ это очень не нравится. Сообщили также, что „одна изъ дѣвушекъ“, въ продолженіе моего отсутствія, все ждала меня.

— „Гдѣ же вы пропадали?“ — заключила вопросомъ Аннушка.

— Я началъ рассказывать... Собесѣдница покачала головой и перебила:

— „Нашли бы время и сюда заглянуть, если бы захотѣли... Удивляюсь я только одному: какъ жестоки мужскія сердца и между образованными людьми. А я думала, что если который человѣкъ образованъ, то онъ скорѣе можетъ понимать и не мучить другихъ понапрасну“.

— „Вы кого имѣете въ виду?“

— „Отлично хорошо сами знаете. Нечего вамъ и спрашивать, — сверкнувъ темно-кариими глазами,

гнѣвно отвѣтила гречанка.— Не мѣсто здѣсь, а то я поговорила бы съ вами“.

— „А у меня къ вамъ есть просьба. Вы позвольте васъ проводить, когда домой пойдете?“

— „Провожайте, если хотите... Я скоро уйду“.

— Черезъ полчаса мы ушли. Молодой подрядчикъ проводилъ насъ насмѣшливымъ взглядомъ.

— „Благополучнаго пути и счастливаго успѣха желаю!“—крикнулъ онъ въ дверь.

— Какъ только мы очутились съ Аннушкой одни на улицѣ, я съ жаромъ началъ просить:

— „Анна Николаевна, дорогая! нельзя ли мнѣ увидѣться съ Машей?“

— „Если Рождествомъ въ Шахру не уѣдете, то на второй день увидите: она будетъ на игрищахъ“.

— „Нѣтъ, скорѣе, на этихъ дняхъ!..“

— „Мѣсяцъ не видѣлъ—терпѣлъ и не вспомнилъ про дѣвушку, а теперь загорѣлось... За нами кто-то идетъ“.

— Я оглянулся. Шагахъ въ десяти валила фигура, весьма похожая на добраго медвѣдя.

— „Это Никитушка,—проговорилъ я.—Онъ меня оберегаетъ, но, кажется, напрасно трудится...“

— „Почемъ знать? Можетъ, и не напрасно. А стоило бы васъ хорошенько проучить,—не такъ, разумѣется, какъ Парѣенъ собирается, а другимъ образомъ“.

— „Но... если бы вы знали...“

— „Ничего я про ваши дѣла знать не желаю, не знаю также ничего и про Машу... Жалко только

миѣ... Если бы я была на мѣстѣ одной дѣвушки, то я показала бы себя нѣкоторымъ людямъ“.

— Но, должно-быть, въ голосѣ моемъ звучало много сердечныхъ струнъ, когда я стала упрашивать спутницу, и она подалась, положила гнѣвъ на милость.

— „Ну, ради подружки, я надъ вами смилуюсь,— смягчая тонъ, сказала гречанка.— До праздниковъ увидѣться нельзя, — объ этомъ вы и думать забудьте! — но въ первый день вечеромъ приходите къ намъ: я вамъ покажу особу, которую вы желаете видѣть...“

— „А до праздника?... Мнѣ необходимо два слова ей сказать“.

— „Тогда ей и скажете. Поймите же вы, что теперь идетъ въ домахъ уборка, до Рождества всего четыре дня осталось. Ту особу я завтра же увижу... Вы, пожалуйста, не вообразите, что я къ ней пойду нарочно съ этою радостною вѣстью... Есть чему радоваться: сокровище какое нашлось!“

— Выпустивъ послѣдній зарядъ своего гнѣва, гречанка взялась за кольцо калитки,—мы стояли у ея дома,—потомъ мягко посмотрѣла въ мое лицо, подала руку и сказала:

— „А вы, вѣдь, хорошій человѣкъ. Можетъ, я васъ не понимаю... До свиданія, голубчикъ! Въ праздникъ вечеромъ къ намъ! А той ужъ я скажу... Ахъ, если бы я была на мѣстѣ другой .. Прощай, милый тиранъ!“ — и, весело засмѣявшись, бойкая дѣвушка нырнула за калитку и скрылась.

V.

— Насилу я дождался праздника. Въ первый день прямо отъ обѣдни я вернулся на свою квартирку. Пришелъ священникъ съ причтомъ и пѣвчими (въ числѣ ихъ были и дѣвушки). Зашли кое-кто изъ деревенскихъ поздравить; долѣе другихъ пробыли старшина съ волостнымъ писаремъ: они нашли очень вкусною мою закуску и потому выпили рюмокъ по пяти вина. Проводивши послѣднихъ гостей, я поѣхалъ самъ съ „визитами“. На передкѣ саней, вмѣсто кучера, правилъ Никитушка. Обѣхалъ я дома духовенства и, захвативъ съ собою Аннушку, направился къ Андрею Никифоровичу. Оба, мужъ и жена, приняли меня радушно, заставили выпить рюмку елисѣевского портвейна и стаканъ чаю. Въ домѣ ихъ я видѣлъ зятя, но одного, безъ жены, подрядчика, отца Парѣена Игнатьича, и еще нѣсколько чело-вѣкъ. Гречанка, поздравивши хозяевъ съ праздни-комъ, отправилась въ боковую комнату (домъ у Андрея Никифоровича былъ двухъэтажный, съ пятью комнатами во второмъ); минуты черезъ двѣ она вернулась и спросила хозяйку:

— „Гдѣ же у васъ Маша?“

— „А развѣ вы ее не встрѣтили?— отозвалась Татьяна Васильевна. — Она сію минуточку, какъ вамъ взойти, поѣхала въ Шелепиху, сестру по-здравить и провѣдать: вѣдь Ѳевлуша послѣдніе денечки ходитъ. Да она не замѣшкается: скоро обернетъ“.

— „То-то я не вижу ее, красавицу, — присталь къ разговору подрядчикъ. — Куда, думаю, она дѣвалась? Анъ къ сестричкѣ укатила!“

— Гречанка присѣла къ столу и принялась хозяйничать. Окончивъ свой чай, я быстро поднялся и сталъ прощаться. Аннушка глазами одобрила мое намѣреніе.

— „Что ты торопишься? Побесѣдуй съ нами, — удерживалъ хозяинъ. — Дома тебя, поди, никто не дожидается“.

— „Приду въ Новый годъ. Спасибо, Андрей Никифоровичъ“.

— Я уѣхалъ. На квартирѣ меня встрѣтилъ правленскій сторожъ.

— „Съ праздникомъ твою милость! — началъ онъ. — Пошту изволь получить. Только что изъ городу посылокъ воротился, я ухватилъ твою пошту и побѣгъ. Съ праздникомъ!“

— Отпустивъ съ „благодарностью“ сторожа, я пробѣжалъ письма: одно было отъ предсѣдателя управы, а другое отъ судебного пристава. Оба поздравляли и посылали лучшія пожеланія, а послѣдній усердно просилъ меня тридцатаго декабря пріѣхать въ Шахру: „И повидаться съ вами очень желаю, и кое-что вамъ нужно сказать“, читалъ я. „Самому заѣхать къ вамъ положительно нѣтъ времени, хотя бы крюкъ и небольшой пришлось сдѣлать. Годъ ужъ какъ мы съ вами не видались“. Дѣйствительно, несмотря на свои обѣщанія, городскіе пріатели всего одинъ разъ посѣтили меня въ деревнѣ: все имъ некогда, дѣлами завалены. Но вѣрнѣе — на подъемъ тяжелы

уѣздные обыватели, а когда случится тяжесть свою преодолѣть и рѣшиться на поѣздку къ пріятелю за двадцать верстъ, глядишь — Василій Дмитріевичъ изловилъ и утащилъ къ себѣ на пулечку. Въ послѣднихъ книжкахъ журналовъ я пробѣжалъ одно содержаніе, а въ газеты и не заглянулъ: онѣ и такъ раздражали меня, а сегодня, въ такой праздникъ и въ ожиданіи вечера, я ничѣмъ не хотѣлъ портить настроенія. По тому же самому мотиву я поторопился скорѣе уйти и отъ Андрея Никифоровича: я чувствовалъ, что и Маша, и я непременно смутимся при встрѣчѣ въ родномъ домѣ. Я волновался, но это волненіе было пріятно: оно всѣмъ знакомо, кто любилъ женщину и ждалъ минуты, въ которую всякое томленіе неопредѣленности должно окончиться.

— Вечеръ стоялъ отличный. Въ ночь, наканунѣ праздника, шелъ снѣгъ, къ сумеркамъ пересталъ и легкимъ морозцемъ потянуло. Въ томъ году до половины декабря снѣгу было мало; настоящій снѣгъ уже Рождествомъ повалилъ. Я вышелъ за ворота. Полный свѣжій мѣсяцъ прямо глядѣлъ; небо все вызвѣздилося...

— „Куда ты пойдешь?“ — услышалъ я голосъ.

— Я оглянулся: изъ-за угла дома выдвинулся Никитушка. Добродушное лицо его ухмылялось. На немъ былъ крытый сукномъ тулупъ, съ чернымъ барашковымъ воротникомъ, на головѣ новая шапка и кожаные сапоги на ногахъ. Для праздника принарядился и онъ, настоящимъ женихомъ смотрѣлъ: хоть сейчасъ къ невѣстѣ. Я отвѣтилъ.

— „Такъ мнѣ постоять, что ли, гдѣ велишь?“ — спросилъ Никитушка.

— „Зачѣмъ? вовсе не нужно!“

— „Ну, коли я тебѣ не надобенъ, такъ я погуляю“.

— Въ домѣ дьячка, кромѣ самой молодой хозяйки, никого налицо не оказалось: отецъ ѣздилъ со священникомъ по приходу, а мать съ младшею дочерью ушла въ гости къ дьяконицѣ. Въ небольшой комнаткѣ, служившей зальцемъ и освѣщенной висячею лампой, весело и призывно пошумливалъ ярко вычищенный мѣдный самоваръ, со стѣнъ, оклеенныхъ дешевенькими, но чистенькими бѣлыми обоями, глядѣли портреты митрополитовъ и архіереевъ, а черезъ открытую половинку двери, ведущей въ сосѣдную комнатку, гостиную, мерцалъ свѣтъ лампы передъ наугольникомъ съ иконами. Анна Николаевна, въ лучшемъ своемъ коричневомъ шерстяномъ платьѣ, сшитомъ собственными руками, съ гладко причесанными черными глянцовитыми волосами на головѣ, дружески привѣтствовала меня изъ-за стола, пожала руку и пригласила садиться.

— „Какъ точно знала, что вы сейчасъ придете: передъ вами самоваръ внесла. Ну, давайте чайничать. Расскажите мнѣ что-нибудь: я очень люблю слушать, когда вы рассказываете“.

— Я оглянулся. Гречанка поняла.

— „Да, представьте себѣ, надула, видно, милая-то подружка! — воскликнула она. — Хотѣла къ шести часамъ притти, а теперь ужъ семь“.

— „Что-нибудь дома задержало,—не безъ усилія выговорилъ я, и внутри у меня что-то сжалось.— Сестра у Маши больна...“

— „Нѣтъ, не та причина: Оеклуша еще пока ходить... Должно быть, совсѣмъ ужъ не придетъ...“

— „А я такъ былъ увѣренъ...“

— „Что жъ дѣлать? Проведемъ времечко и одни. Развѣ вамъ со мною скучно? А я, напротивъ того, думала, что вамъ со мною будетъ пріятно“.

— Въ глазахъ ея промелькнуло что-то похожее на досаду или обиду. Я въ смущеніи наклонилъ свою голову надъ стаканомъ.

— „Неужели она на меня сердится!“

— „Должно-быть, есть немножко,—утѣшила гречанка,—потому и не хочетъ на васъ смотрѣть“.

— „Аннушка, зачѣмъ ты это неправду говоришь?“ — слышался откуда-то грудной, хорошо знакомый голосокъ.

— Я встрепенулся. Другая половинка двери, противъ которой я теперь сидѣлъ, отворилась и изъ гостиной, въ темно-синемъ платьѣ, залитая яркимъ румянцемъ, какъ пунцовая атласная вырѣзка на груди платья, показалась Маша. Я вскочилъ.

— „Здравствуйте, Павелъ Григорьевичъ!—протягивая свою маленькую руку и устремляясь ко мнѣ, сказала дѣвушка.—Вы не вѣрьте ей, что она говоритъ. Я, право, отъ васъ и прятаться не хотѣла... Извините, я позабыла: съ праздникомъ васъ поздравляю!“

— И никакого упрека въ голосѣ или взглядѣ, ни малѣйшаго намека на мое поведеніе... О, милая, безцѣнная дѣвушка!

— „Зачѣмъ ты вышла?—громко смѣясь, говорила гречанка.—Надо бы его хорошенько помучить! Ахъ, если бы я на твоёмъ мѣстѣ была...”

— „Я не умѣю этого,—стыдливо склоняя лицо, проговорила Маша.—Да развѣ я могу ихъ мучить? Они мнѣ зла никакого не сдѣлали...”

— „Ну, садитесь же! — прикрикнула хозяйка. — Чай заморозите... А теперь, господинъ Платоновъ, баринъ нашъ хорошій, извольте-ка намъ рассказывать, что вы цѣлый мѣсяцъ, какъ отъ насъ въ бѣгахъ находились, подѣлывали, какими разговорами въ Шахрѣ, на бесѣдкахъ, занимались и какъ вы съ Любашею да Катенькою любезничали. Ну, смотрите же—не лгите: я вѣдь все про ваши походы знаю!”

— Набѣжала какая-то большая волна здороваго веселья, подхватила насъ и помчала... Я рассказывалъ, дѣвушки смѣялись и заливались; на минутку посдержатся, но взглянуть одна на другую—такъ и покатытся отъ смѣха. За Аннушкой я и раньше зналъ такой смѣхъ,—„ну, закатилась!” — говорили про нее, но Машинъ смѣхъ... я никогда не слыхалъ, чтобы она такъ смѣялась. Незамѣтно пролетѣлъ часъ.

— „Батюшки! Что я надѣлала?—вскрикнула неожиданно гречанка.—Вѣдь я обѣщалась маменькѣ на минутку побывать у дьяконицы, а то, вѣдь,

сердиться та станетъ. Вы не обидитесь, если я оставлю васъ? Я только покажусь, скажу, что у меня гости, и живой рукой обратно“.

— Надѣвъ калоши и накинувъ шубку-пальто, гречанка проворно выбѣжала. Мы остались одни.

(При послѣднихъ словахъ Платонова дверь изъ гостиной въ столовую нѣсколько больше пріотворилась).

VI.

— Маша проговорила нѣсколько словъ, потомъ стихла и медленно ушла въ сосѣдную комнату. Я испытывалъ нѣкоторое волненіе: минута удобная, и я скажу ей... Я прошелся по зальцу, пріостановился и заглянулъ въ другую комнату. Въ таинственномъ полусвѣтѣ теплющейся лампы, въ уголку стараго, обитаго кожей дивана обрисовывалась фигура дѣвушки. Она сидѣла, прижавшись къ спинкѣ дивана, и глаза ея, чудесные, лучистые, изъ-подъ темныхъ бровей съ мольбою, казалось, обращены были на строгій ликъ образа.

— „Можно къ вамъ войти?“

— „Войдите“, — отвѣтила она, но не пошевелинулась, а отвела съ иконы глаза и опустила ихъ.

— „Что съ вами?—всмотрѣвшись въ ея измѣнившееся, сразу похудѣвшее лицо, спросилъ я. — Вы какъ будто поблѣднѣли?“

— Она ни слова не проговорила. Я подошелъ ближе и взялъ ея руку.

— „Маша, вы нездоровы?“

— Дѣвушка не отнимала своей руки, но все также молчала.

— „Дорогая! вы, можетъ, сердитесь на меня?“

— „Нѣтъ, — упавшимъ голосомъ выговорила Маша. — Только я сама не знаю, что со мной дѣлается... — Дѣвушка помолчала. — Скучно мнѣ, тоска на меня страшная находитъ, — опять заговорила она. — Боюсь я чего-то, и сама не знаю...“

— Я поднялъ ея похолодѣвшую руку и прижалъ къ своимъ губамъ. Дѣвушка тихо, но горестно заплакала.

— „О чемъ вы, Маша?“

— „Не спрашивайте меня, — съ трудомъ, не переставая плакать, произнесла она чуть слышно. — Я не знаю... вы сами понимаете...“

— Я упалъ передъ нею на колѣни. Она вздрогнула.

— „Милая! Сокровище ты мое!“

— Она медленно приподняла свою головку, робко, какъ будто не довѣряя себѣ, взглянула мнѣ въ лицо и нерѣшительно положила на мои плечи свои руки. На длинныхъ рѣсницахъ, какъ крупные алмазы, сверкали еще слезы, но въ глазахъ не было горя; они засвѣтились чѣмъ-то новымъ, неземная радость въ нихъ вспыхнула и полилась лучами въ самую глубь моего сердца.

— „Будь моею женой!..“

— Безъ словъ, вся любовь и красота, она склонилась ко мнѣ на грудь и заплакала уже иными слезами.

— „Скажи, — началъ я погодя, — родные за меня отдадутъ тебя?“

— „Ахъ, Господи! да что же это такое?“ — въ какомъ-то забытъ говорила дѣвушка, заглядывая мнѣ въ лицо и вся сіяя любовью, счастьемъ и радостью.

— „Я завтра пойду просить твоей руки“.

— Шибко стукнула калитка, звякнула защелка въ сѣняхъ и слышались шаги.

— „Это я! — подала голосъ изъ передней Аннушка. — Сейчасъ раздѣнусь... Какая на дворѣ ночь! Вотъ бы покататься... Пошла на минутку, а просидѣла битыхъ полчаса, — и она не спѣша вошла въ зальце. — Ужъ вы простите меня: дьяконица задержала“.

— По быстрому взгляду, какимъ гречанка метнула на свою подругу, я догадался, что она сразу все поняла, и, повеселѣвъ, принялась рассказывать про дьяконицу и ея гостей. Маша, попрежнему, вся сіяющая, слушала ее молча и все улыбалась. Я тоже молчалъ и улыбался.

— „Ну, да будетъ о нихъ говорить! — оборвала свой рассказъ хозяйка. — А вотъ что, Павелъ Григорьевичъ: покатайте-ка насъ съ Машей на праздникахъ!“

— „Отчего же?... Съ удовольствіемъ, — очнулся я. — Когда вы хотите?“

— „Да я всегда свободна. Вотъ какъ она?... Тебѣ когда можно?... Маша, да что ты, или не слышишь?“

— „А? что ты говоришь, Аннушка?“

— „Павелъ Григорьевичъ насъ покатать хочетъ. Второй и третій день ты на игрищахъ будешь, а на четвертый я отпрошу тебя у матери“.

— „Я не пойду на игрища“, — овладѣвъ собою, отвѣтила моя невѣста.

— „Какъ же ты не пойдешь? — лукаво посмотрѣвъ на подругу, сказала хозяйка. — Вѣдь ты еще не „сговоренка!“

— „Не пойду!“ — счастливо улыбаясь, повторила Маша.

— Мы уговорились кататься на третій день вечеромъ: я долженъ былъ найти двухъ въ разнопряжку лошадей, а гречанка взялась устроить остальное, т. е. отпросить Машу и пригласить еще кого-нибудь... Я началъ прощаться съ дѣвушками: гостя оставалась у Аннушки ночевать.

— „Мы пойдемъ васъ проводить, — сказала хозяйка. — Маша, ты одѣнься!“

— Въ сѣняхъ подруги остановились. Гречанка пожала мнѣ руку, сказавъ, что ей холодно, — она ничего поверхъ платья не накинула, — и она вернется въ комнату, а Маша одѣта тепло, ей можно еще и поговорить. Моя дорогая стояла въ сѣняхъ, въ полуотворенной на крылечко двери, и полоса луннаго свѣта падала на ея лицо и грудь, слегка прикрытую штофною шубкой. Какъ только мы очутились вдвоемъ, она безмолвно подалась ко мнѣ своимъ станомъ, я обнялъ ее и крѣпко, горячо поцѣловалъ въ пылавшія губы.

— „Завтра еще не ходи, миленькій!—вполголоса сказала она.—Надо мнѣ сперва родимую матушку объ этомъ упредить“.

— „А если за тебя посватается сынъ подрядчика?“

— Она покачала головою.

— „Пускай сватается. Я не пойду за него, а родители меня не станутъ принуждать... Видишь ли что, миленькій: родители меня за тебя съ радостью выдадутъ, но ежели ты завтра придешь къ батюшкѣ моему и прямо объявишь, такъ онъ, пожалуй, усомнится и сразу не дастъ согласія: „Баринъ,—скажетъ,—куда намъ съ нимъ въ родню вступать!“ Ну, да ему что-то про тебя и урядникъ говорилъ... А какъ я своей родимой откроюсь, ничего отъ нея не потаю, расскажу, сколько времени люблю тебя и что какъ ты меня любишь, она съ батюшкой и переговоритъ, онъ слова ея приметъ, послушается. Дѣло ли я тебѣ говорю?“

— „Хорошо, моя радость. Но ты поторопись. Тогда я въ Новый годъ приду къ вамъ сватать тебя“.

— „Такъ, ненаглядный мой: Новый годъ—и мнѣ новое счастье принесетъ. Какой ты умный, добрый!“

— Мы разстались. Я сталъ взбираться на пригорокъ, гдѣ вздымалась среди снѣговъ и мягко вырисовывалась своими чистыми линіями бѣлая церковь, облитая фосфорическимъ свѣтомъ мѣсяца, взобрался, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и оглянулся на окна дьячковскаго дома: тамъ любовно свѣтился огонекъ, тамъ ярко горѣло мое счастье. А изъ-за

рѣчки, по направленію къ домамъ церковно-служителей, шла кучка народа.

— „Домой?“ — раздался вблизи негромкій голосъ.

— „Никитушка! ты откуда взялся?“

— „Въ Марьинѣ гулялъ. Ко дворамъ направлялся, да нѣшь поозяблось—въ церковную сторожку погрѣться забѣжалъ. Теперь вмѣстѣ домой пойдѣмъ: веселѣе вдвоемъ-то“.

— Когда мы добрались до своей избы, парень сказалъ мнѣ на ухо:

— „Парѣенка два разъ подходилъ: съ пригорка на васъ въ окошко зарился. Не знаю, углядѣлъ ли онъ тебя“.

— „Ужъ не онъ ли это сейчасъ черезъ рѣку шелъ?“

— „Видѣлъ? Онъ, онъ это, съ товарищами!“

— Какія мгновенія, часы, дни я переживалъ! Я совершенно возродился, любовь окрылила меня, и я безстрашно, съ гордымъ вызовомъ пошелъ бы на встрѣчу грозѣ, злобнымъ, но безсмысленнымъ своимъ врагамъ и всякимъ невздамъ жизни... Катанье наше устроилось отлично. Я ѣхалъ съ Машей и Аннушкой, стоя въ передкѣ и правя лошадыю; въ другихъ саняхъ ѣхали младшія сестры обѣихъ подругъ съ кучеромъ Никитушкой. Гречанка безъ умолку хохотала, кричала: „Кучеръ, правь хорошенько! Не туда ѣдемъ!“ Маша, веселая, счастливая, заливалась серебристымъ смѣхомъ.

— „Ахъ, жизнь!—воскликнула разъ Аннушка.— Такъ бы вотъ взяла, да и окунулась въ нее вся

съ головой, а тамъ послѣ что бы ни было... По крайней мѣрѣ, вспомнить-то потомъ было бы чѣмъ свои молодые годы“.

— Въ одной деревенькѣ она велѣла остановить лошадь, выскочила и подбѣжала къ заднимъ санямъ. Спросила, не озябли ли дѣвочки; тѣ отвѣчали, что не озябли еще пока. Аннушка не повѣрила.

— „Не можетъ быть! — говорила она. — Я по ушамъ вашимъ вижу, что перемерзли... Ну-ка, Никитушка, заверни вонъ къ той избѣ: тамъ у меня знакомая бабочка живетъ, погрѣмся мы у нея и чайку попьемъ. Кстати, я захватила съ собою и припасы... А вы, если не озябли, прокатитесь еще, да и къ намъ, прямо къ самовару поспѣвайте. У Михеевны мы грѣться будемъ... Трогай, кучеръ! Пошелъ!“ — крикнула она, подбѣжала къ нашимъ санямъ и дернула за возжи.

— Ночь свѣтлая, голубая и тихая; мѣсяцъ съ одной стороны уже поубавился, но свѣтилъ необыкновенно ярко. Крыши строеній повсюду сверкали, какъ точно усыпанные алмазами; бѣлыя поля блестѣли, отсвѣчивали и переливались ежесекундно вспыхивавшими огоньками... А лѣсъ, куда мы въѣхали, — молчаливый, весь въ серебряныхъ кудряхъ, гирляндахъ и бахромѣ, — стоялъ неподвижно, какъ будто погруженный въ какой волшебный сонъ гигантъ, и надъ нимъ, въ лунномъ свѣтѣ, не слышно, но явственно, летали граціозныя видѣнія, а изъ широкой тѣни, мѣстами, выступали фантастическія

фигуры и протягивались чьи-то исполинскія руки... Я сидѣлъ теперь рядомъ съ Машей, плотно прижимавшейся ко мнѣ, видѣлъ ея свѣжее, горѣвшее пышнымъ румянцемъ лицо, чувствовалъ ея горячее дыханіе .. Я рассказалъ ей о настоящей причинѣ своего бѣгства. Она радовалась, какъ ребенокъ, и говорила:

— „Милый ты мой! Сердце ты мое!.. Какъ я тебя люблю!—и она приподнималась, становилась въ саняхъ на колѣни, цѣловала меня, не спускала глазъ и все говорила. — Люби ты меня, люби!.. Знаешь, если бы ты на мнѣ и не женился, я все такъ же бы тебя любила и пошла бы за тобой хоть на край свѣта“.

— „Родная, милая... А ты съ матерью говорила?“

— „Нѣтъ еще, она теперь все у сестрички, въ Шелепихѣ... Можетъ, сегодня не далъ ли ужъ Господь дитя Ѳеклушѣ“.

— „А ты любишь дѣтей?“

— „Да развѣ кто дѣтокъ не любитъ?.. Вѣдь они—ангельскія душеньки, святыя; если помрутъ — ихъ ангелы Господни возьмутъ подъ свои крылышки и понесутъ на небо... Вонъ звѣздочки-то, — это онѣ, душеньки младенцевъ, глядятъ на насъ“.

— „Вотъ, Маша, и у насъ будутъ съ тобой дѣтки“.

— „Будутъ... Какъ я стану любить ихъ!..“ — Вдругъ она застыдилась, спрятала на груди моей лицо и вся затрепетала. — „Павлушенька, сердце

мое! Ненаглядный, свѣтъ ты моихъ очей! Черезъ тебя, родной, я словно бы рай пресвѣтлый увидѣла!“

— Отъ этихъ рѣчей, дышавшихъ глубокимъ, страстнымъ чувствомъ, отъ пламенныхъ поцѣлуевъ и близости любимой дѣвушки, такъ довѣрчиво мнѣ отдававшейся, я начиналъ какъ будто терять голову, поворотилъ лошадь и погналъ въ деревню. Тамъ напились мы чаю, захватили нашихъ дѣвочекъ, Аннушку посадили опять въ свои сани и понеслись по бойкой дорогѣ, обсыпаемые, по временамъ, снѣжною пылью и обжигаемые рѣзкимъ вѣтеркомъ. Кругомъ разстилалися неоглядныя поля, сверху любовно глядѣли на насъ звѣзды, освѣщенная мѣсяцемъ даль раздвигалась и сіяла намъ счастьемъ... Не доѣзжая Марьины, мы свернули влѣво и подкатили къ дьячковскому дому съ другой стороны. Но насъ видѣли чьи-то зоркіе, любопытные глаза... Съ деревни донеслись шумные мужскіе голоса, нескладно зятая пѣсня и крики подгулявшихъ въ трактирѣ мужиковъ. Видимо, святочное веселье развертывалось, расходилось вширь и вдоль, наполняя деревню непривычнымъ весельемъ.

— Утромъ я узналъ, что сестра Маши родила и на третій день будутъ крестить новорожденнаго. Наканунѣ крестинъ, — это было двадцать девятаго числа, когда пріѣхалъ фельдшеръ, — Маша извѣстила меня, чтобы я вечеромъ, часовъ около восьми, прошелъ мимо ихъ дома. Въ этотъ короткій промежутокъ времени Никита, посѣщая вечеринки и

заходя, изъ одного любопытства, въ трактиръ поглазѣть на „ряженныхъ“, успѣлъ собрать новыя свѣдѣнія и не преминулъ меня поставить обо всемъ въ извѣстность. По его словамъ, Парѣенъ Игнатъевичъ узналъ и про наше свиданіе съ Машей у Аннушки, и про наше катанье, а потому мнѣ „Парѣенки какъ можно надо остерегаться“.

— „Вечоръ, ребятенки въ трактирѣ про царя Максимилиана представляли, — доканчивалъ таинственно Никитушка. — Парѣенка тамъ, потихоньку отъ своего отца, вино пилъ. Выпивши, почалъ куражиться и выхваляться: „Ни за что, шумить, Машутку, я барину не уступлю! Ежели бы онъ и жениться на ней задумалъ, я не дозволю: не пойдетъ ежели она за меня по чести, я надсмѣшку надъ нею сдѣлаю, осрамлю такъ, что баринъ и не подумаетъ ее послѣ за себя взять. А ему я ноги еще перебью!“

— „Все пустяки! Ничего онъ не посмѣетъ сдѣлать, и напрасно ты пьянаго человѣка слушаешь“.

— „Знамо, напрасно! Человѣкъ не въ своемъ видѣ... Шабаршитъ. Такъ ужъ ты самъ гляди, дѣлай, какъ тебѣ способнѣе. Мнѣ не учить тебя. Хоть бы отцу, что ли, ты Парѣешкину поговорилъ“.

— „Да о чемъ?“

— „Экій ты баринъ! Парѣенка и допрежде слылъ за отчаяннаго, а теперича, поживши на сторонѣ, онъ совсѣмъ въ разбойники приписался. Видѣлъ, рожа-то у него какая? — взглядъ свирѣпый и ручищи, какъ у медвѣдя лапы. Не подѣлалъ бы онъ чего и впрямь надъ Машуткой-то“.

— „На людяхъ не посмѣть, а ночью она никуда одна не выходить“.

— Никита подумалъ, взглянулъ на меня и развеселился.

— „И то правда, — промолвилъ онъ: — ничего ему не подѣлать“.

— Вечеромъ, раньше назначеннаго срока, я отправился. Мѣсяцъ еще не всходилъ, на улицѣ народа не замѣчалось: Маша уже ждала. Подъ широкимъ навѣсомъ воротъ меня обняли женскія руки и теплыя уста прильнули къ моимъ.

— „Пришелъ, желанный мой. Здравствуй!“

— „Скажи, радость моя, говорила ты съ матерью?“

— „Говорила“.

— „Что же она?“

— „Усомнилась, было, по началу, что ты жениться на мнѣ хочешь, да потомъ увѣровала... Прослезилась, моя родимая... Ну, а завтра меня дома не будетъ, уйду въ Шелепиху: сестричка съ зятемъ желаютъ, чтобы я крестною матерью дитя ихъ новорожденнаго была. Ты говорилъ, что надо съ кѣмъ-то повидаться; ты и съѣзди, пока я у сестрички побуду, а послѣзавтра вернись и въ Новый годъ...“

— „Договаривай: чтò въ Новый годъ?“

— Маша гладила рукою мѣхъ на лацканахъ моей шубы и, точно про себя, тихо говорила:

— „Скажу тебѣ слово тайное... Въ Новый годъ ты пойдешь за обѣдню, помолишься... отъ всего усердія помолишься, чтобы Богъ послалъ тебѣ

счастья хорошаго, здоровья да благополучія. Я тоже буду въ Господнемъ храмѣ, стану у Царицы Небесной молить себѣ всякаго благополучія, счастья... А изъ церкви ты пройдешь прямо къ намъ въ домъ, скажешь, о чемъ нужно, моему родителю-батюшкѣ съ родимой матушкой, а я въ ту пору буду въ задней горницѣ ожидать... Скоро меня къ вамъ кликнуть, я войду; родитель меня спроситъ: „Марья, вотъ тебя Павелъ Григорьевичъ сватаетъ. Согласна ли ты?“ А я ему скажу: „Я изъ воли своихъ родителей-кормильцевъ не выйду. Какъ вы сами удумали, такъ и я“. — „Мы съ матерью согласны, — батюшка промолвить. — А ты какъ знаешь: воли съ тебя не снимаемъ“. Тутъ мы всѣ помолимся. Батюшка съ матушкой благословятъ насъ, поздравятъ. Я поклонюсь имъ въ ноги, встану, къ тебѣ подойду, — Маша подняла на меня свое лицо, — и молвлю: „Здравствуй, женихъ мой желанный, здравствуй, Павелъ Григорьевичъ!“ Да тутъ же, при родителяхъ, чтобы они видѣли, какъ я люблю, и обниму тебя... вотъ такъ обниму!..“

— Я съ трудомъ владѣлъ собою: изъ глазъ выступали слезы. Я сказалъ, что насъ могутъ увидѣть; на это Маша качнула головою и отвѣтила:

— „Пускай ихъ видятъ! Я не съ чужимъ разговариваю да цѣлуюсь, а съ своимъ женихомъ. Я ни отъ кого не потаюсь: „глядите, добрые люди, какого сокола я себѣ въ мужа выбрала!..“ Да, такъ и скажу... Завтра въ Шахру поѣдешь... Если бы не крестины — я увязалась бы съ тобою. Поѣхали бы... далеко бы проѣхали, и все дальше,

дальше ѣдемъ... Хорошо намъ, на душѣ радостно, весело... А теперь ты одинъ, безъ меня уѣдешь... Нѣтъ у тебя родимой матушки, некому тебя въ путь-дороженьку благословить,—сирота ты у меня... Дозволь, я тебя перекрещу, мое сердце“.

— Я снялъ шапку, и дѣвушка набожно три раза перекрестила меня. Мы простились. Съ дороги я оглянулся. Моя невѣста вышла изъ потемокъ навѣса, стояла посреди улицы и провожала меня, махая рукою.

VII.

— Тридцатаго числа, около полудня, мы съ фельдшеромъ катили уже на парѣ „правленскихъ“ въ Шахру. Выѣхавъ за околицу и проѣхавъ рядъ семенихинскихъ бань (въ деревняхъ почти вездѣ бани за околицей стоятъ), мнѣ вдругъ захотѣлось увидеть Машу, взглянуть на нее хотя разъ и встрѣтить ея милую улыбку, взоръ ея лучистый; я вспомнилъ, что въ Шахру была и другая дорога: изъ Марьины тутъ ѣздили прямо на Шелепиху. Но ворочаться назадъ поздно: пришлось бы сдѣлать версты три крюку... Вчера, возвращаясь послѣ свиданія съ дѣвушкой, я встрѣтилъ Парѣена Игнатьича, выходившаго изъ трактира; онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то мрачно — не злобно, а именно мрачно, зловѣще. Никитушка (онъ гдѣ-то поджидалъ меня) замѣтилъ, что „безпремѣнно Парѣенка что неладно замыслилъ“, и обнадежилъ меня, что ужъ теперь онъ изъ глазъ этого разбойника не

выпустить, а утромъ сегодня оповѣстилъ, что Парѣенка съ однимъ товарищемъ уѣхалъ въ Максимовку, гдѣ „больно дѣвки баски, и, смотри, не выбирать ли себѣ невѣсту погналъ“. Конечно, я не придавалъ никакого значенія ни словамъ Никиты, что онъ сообщалъ мнѣ о подрядчиковомъ сынѣ, ни дерзкимъ выходкамъ лично противъ меня самого Парѣена. Маша, съ своей стороны, никакихъ опасеній мнѣ ни разу не высказывала; я только зналъ, что онъ ей никогда не нравился, и она этого передъ нимъ не скрывала... Но странно: почему я обо всемъ этомъ вспомнилъ, почему я объ этомъ теперь думалъ и сердце во мнѣ такъ мучительно ныло?.. Затѣмъ припомнились вдругъ слова Никиты, сказанныя имъ наканунѣ: „Ты, баринъ, Марью-то, должно, тоже жалѣешь?“ И потомъ, услышавъ мой отвѣтъ, спросилъ опять: „Да ты какъ, жить съ нею хочешь, али удумалъ за себя взять?“—и когда я сказалъ, что женюсь на дѣвушкѣ, онъ обрадовался и началъ шумно смѣяться. „Ай, баринъ! Вотъ такъ молодецъ! Ладно ты это удумалъ! Право, ей-Богу!“ Припомнилъ я—и мнѣ самому стало весело, я внутренно началъ смѣяться.

— Меньше часу мы ѣхали до Шахры. Полѣновъ—судебный приставъ—былъ уже тамъ. Я подѣхалъ прямо къ его квартирѣ (казенной). Онъ выбѣжалъ навстрѣчу. Мы крѣпко обнялись. Завязался, по обыкновенію, оживленный, но крайне непоследовательный разговоръ; говорили и спрашивали другъ друга обо всемъ, ни на чемъ не останавливаясь, и гнали впередъ по-курьерски до тѣхъ поръ,

пока оба и одновременно не остановились, проговоривши: „а, вѣдь, мы еще толкомъ-то ни о чемъ не переговорили“, — сказали это и оба засмѣялись. Я не стану подробно рассказывать, какъ мы бесѣдовали „толкомъ“; но, мимоходомъ, упомяну, Полѣновъ мнѣ сообщилъ, что Василій Дмитріевичъ (исправникъ) началъ беспокоиться.

— „Я подозрѣваю, — прибавилъ мой пріятель, — что вашъ дуракъ-урядникъ чего не наплелъ ли. Старикъ и самъ отлично знаетъ, что урядникъ дуракъ и невѣрную окраску всему даетъ, но, тѣмъ не менѣе, тоскуетъ и беспокоится“.

— „Что же сокрушаетъ сердце добраго Василья Дмитріевича?“

— „А говоритъ, чтò *онъ* по бесѣдкамъ этимъ все ходитъ? Какой для него, человѣка образованнаго, интересъ представляютъ ихъ дурацкія пѣсни да игры?.. Не скрывается ли въ томъ особая мысли!.. Я, разумѣется, успокоивалъ старика, объяснилъ, чтò васъ интересуеть...“

— „Передайте вы ему, что у меня, дѣйствительно, была особая мысль: я искалъ себѣ невѣсту и нашелъ... Я говорю серьезно. Поздравьте меня, Иванъ Васильевичъ: я послѣ святокъ женюсь“.

— Полѣновъ посмотрѣлъ на меня вопросительно: онъ принялъ эти слова за шутку. Я убѣдилъ его и назвалъ свою невѣсту.

— „А если правду говорите, такъ я васъ отъ души поздравляю! — сказалъ онъ и обнялъ меня. — Дай вамъ Богъ... Надо бы жениха бутылочкою

шипучки, что ли, поздравить, да вѣдь здѣсь гдѣ же достать... Те-те-те, подождите: изъ правленія сейчасъ въ казначейство старшина ѣдетъ, и завтра Николай Порфирьевичъ, земецъ нашъ, пріѣдетъ, такъ онъ съ собою и захватитъ“.

— „Сегодня я хотѣлъ вернуться домой...“

— „Ну, мы ужъ васъ никакъ сегодня не отпустимъ: сколько времени не видались и не провести съ нами лишній день... Грѣхъ вамъ, Павелъ Григорьевичъ!“

— Я недолго колебался. Маши до Новаго года я не увижу, думалъ, почему же и не согласиться, не пробыть лишній день съ пріятелями?

— „Я остаюсь,--сказалъ я,—но съ условіемъ: вы съ Николаемъ Порфирьевичемъ непременно должны быть на моей свадьбѣ!“

— „Съ удовольствіемъ! Если желаете, даже Василья Дмитріевича съ собою привеземъ: онъ будетъ у васъ посаженнымъ отцомъ“.

— Мы пріятно провели вечеръ, а слѣдующій день и еще пріятнѣе. На квартиркѣ фельдшера устроили обѣдъ съ шампанскимъ (предсѣдатель управы привезъ три бутылки), пріятели поздравляли жениха и даже пѣли ему „величаніе“. Къ участію въ этой холостой пирушкѣ я пригласилъ и хозяина-фельдшера. Онъ долго упирался, не шелъ, стѣсняясь присутствіемъ своего начальства; но мнѣ помогъ самъ предсѣдатель: онъ пошелъ къ фельдшеру и привелъ его къ столу. Въ шесть часовъ вечера мы разстались: земецъ и приставъ укатили

обратно въ городъ, а я пѣшкомъ отправился въ свою деревню. Напрасно фельдшеръ убѣждалъ меня взять лошадь: „Лучше вамъ ѣхать, — говорилъ онъ, — на дворѣ подуетъ, а изъ деревни выйдете — тамъ, пожалуй, и очень будетъ чувствительно... Того гляди, метель подыметъ: ужъ очень давеча заря долго пылала“. Но я на-отрѣзъ отказался: давно не пившій вина, я находился въ какомъ-то особенномъ возбужденіи, мнѣ хотѣлось быть одному, итти и думать, мечтать о своемъ счастьѣ.

— Я отправился тою же дорогой, какою вчера ѣхали. Въ улицахъ громадной деревни вездѣ свѣтились огоньки; кое-гдѣ по дворамъ слышались еще голоса, ворота скрипѣли и за хлопавшими калитками раздавался дѣвичій смѣхъ. Было темно. Изрѣдка попархивалъ легкій ветерокъ, пробѣгавшій змѣйками и курившійся по снѣжнымъ крышамъ, на которыя упадалъ свѣтъ изъ оконъ; небо нависло и глядѣло хмурымъ, мрачнымъ. Я вышелъ за околицу. Впереди глянула стемнѣвшая снѣжная равнина, справа выступилъ черный лѣсъ; вѣтерокъ свободно гулялъ въ воздухѣ, игралъ по сторонамъ дороги и съ легкимъ посвистываніемъ вился тѣми же змѣйками по снѣгу. Небо казалось еще ниже и мрачнѣе. Я бодро и скоро пошелъ впередъ. На душѣ было такъ тепло, хорошо и весело, что я не обращалъ никакого вниманія на то, что вокругъ меня дѣлалось. Я шелъ, казалось, уже больше часа, мнѣ представлялось Марьино и улыбалось милое лицо. Еще какой-нибудь часъ — и я въ своей деревнѣ, на квартиркѣ, а завтра... Скорѣе бы это завтра! Я

учащаю шаги... „А какая же скотина этотъ урядникъ“, вспомнилъ я рассказъ Полѣнова. „И въ чемъ имъ подозрѣвать меня? Нечего имъ дѣлать, такъ и выдумываютъ, мутятъ... Ахъ, прозорливцы!..“ Но что же это вокругъ меня дѣлается? Я ничего передъ собою не вижу: небо спряталось, въ лицо мнѣ бьетъ мелкою холодною крупой, въ ногахъ что-то крутитъ, отдуваетъ полы моей шубы, по сторонамъ свистить и рветъ, кругомъ жалобно завываетъ. Нѣтъ и лѣса! Да это ужъ настоящая метель разыгралась. . Однако, подъ ногами крѣпко: значить, иду по дорогѣ. Я еще „наддаю“ и бѣгу. Налетѣвшимъ вихремъ съ меня срываетъ шапку; я успѣваю на-лету схватить ее и снова надѣть. Нога моя попадаетъ въ какую-то не то яму, не то канаву. Такъ и есть: я иду бороздами, полемъ... Надо найти дорогу. Дѣлаю нѣсколько шаговъ въ одну сторону—нѣтъ пути; дѣлаю въ другую—тѣ же борозды и дорога пропала. Напрасно вглядываюсь, стараюсь что-нибудь разсмотрѣть—ничего невидно!.. Неужели я не дойду?—задаюсь я вопросомъ. Не можетъ-быть! Всего какихъ-нибудь двѣ версты,—нѣтъ, меньше—и я въ Семенихѣ. Я не теряю присутствія духа и шагаю „на-авось“. По временамъ, сдавалось, я попадалъ на дорогу, но черезъ минуту, двѣ проваливался, высвобождалъ ноги и снова искалъ дороги. Снѣгъ набился въ высокіе ботинки, я чувствовалъ, какъ онъ таялъ, и черезъ сапоги холодъ проникалъ въ ноги. Сколько времени я находился во власти метели, плуталъ, падалъ, вставалъ и опять падалъ—опредѣлить было невозможно; но мнѣ уже казалось, что съ того

времени, какъ я вышелъ изъ Шахры, прошла цѣлая вѣчность. Холодъ давно зашелъ мнѣ подъ шубу, въ рукава; острые струйки бѣжали по спинѣ, груди и рукамъ... Я принялся кричать, — напрасно, голосъ мой терялся, пропадалъ беззвучно въ крутившейся мглѣ. „Неужели смерть?“ — молніей сверкнуло въ головѣ, и ужасъ объялъ все мое существо. „А Маша? А старикъ отецъ? Мои далекіе друзья? Да я еще и молодъ, пожить хочется. Вѣдь я до сихъ поръ еще не жилъ, жизнь только что было мнѣ улыбнулась...“ А кругомъ, попрежнему, все такъ и сѣть, мететь и заслѣпляетъ глаза. Порою, мнѣ чудилось, откуда-то и будто близко вырывались неясные крики, вопли отчаянія и молящія стоны; повременамъ, изъ снѣжной мглы мелькали чьи-то огненные глаза... Силы меня покидаютъ, страшно измученный, я падаю и теряю сознаніе. Но холодъ спасаетъ меня: „Вѣдь, такъ я замерзну“, — промелькнула у меня мысль. Я собираю остатокъ силъ, дѣлаю послѣднія усилія, встаю, порываюсь впередъ и чуть не ударяюсь головой обо что-то черное, сразу завязнувъ въ глубокомъ сугробѣ... И въ ту же минуту на меня пахнуло тепломъ: стѣна! Я нащупываю бревна, пазы и мохъ, сквозь который теплый парокъ пробивается. Я воскресъ! Пролѣзаю сугробомъ по стѣнѣ, нахожу дверь, толкаю — заперта, замокъ виситъ; отыскиваю оконце, отгибаю гвоздики и вынимаю раму... Минута, и я — въ теплой банѣ. Поставивъ на прежнее мѣсто оконце, я вынулъ изъ кармана спички, зажегъ и освѣтился: широкая лавка у стѣны, полокъ, скамейка и у

шестка лежитъ нащепанная лучина. Очевидно, баня днемъ была топлена. Я взглянулъ на свои часы: ровно одиннадцать. При свѣтѣ лучины, выколотивъ изъ калошъ снѣгъ, я отряхнулъ шубу, наскоро разостлалъ ее по лавкѣ, сдѣлалъ изъ нея постель и подушку, скинулъ сапоги и, не раздѣваясь, кинулся на лавку. Какое наслажденіе, послѣ всѣхъ испытанныхъ передрягъ, очутиться въ теплѣ и распрavitъ свои усталые члены! Не много, на какую-нибудь четверть, лавка оказалась коротенька, но ничего, просплю ночь, — спать ужасно хотѣлось. Глаза, какъ-то сами собой, закрываются, я чувствую, что быстро опускаюсь внизъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начинаю засыпать. Неясный, но милый образъ еще разъ проносится, какіе-то обрывки мыслей, представлений... И меня сознаніе оставляетъ... Но въ то же мгновеніе, которое отдѣляетъ состояніе сознательное отъ безсознательнаго, я почувствовалъ, что какъ будто меня кто подергиваетъ за ногу. Я не придаю этому никакого значенія: мало ли какія ощущенія мы испытываемъ, а сегодня и подавно... Гоню изъ сознанія это ощущеніе, стараюсь, если можно такъ выразиться, забыть про него и отдаться всецѣло одолеваящему меня все больше и больше благодѣтельному сну; но чѣмъ ближе я ко сну, тѣмъ чувствительнѣе подергиваніе за ногу (правую). Тутъ я вспомнилъ, что лавка коротка, досталъ спички и зажегъ лучину. Дѣломъ нѣсколькихъ секундъ было подставить къ лавкѣ скамейку и снова лечь. Отлично, теперь усну. Я засыпаю... Но опять кто-то дергаетъ. Не встану:

пусть дергаетъ! А сонъ такъ и разнимаетъ, спать хочется- я не знаю какъ... Дергаетъ!.. Что за чертъ!.. Должно быть, какой-нибудь звѣрокъ завелся... Вскочилъ. Съ лучинкою заглянулъ подъ лавку, въ углы, подъ полокъ: ничего не видно, дыръ и щелей большихъ, въ которыя пролѣзъ бы звѣрокъ, тоже не замѣтилъ... Ложныя ощущенія—и только. Легъ. Поворочался минуты двѣ, подождалъ, что еще будетъ, не начнется ли снова... Нѣтъ, все благополучно... Ну, теперь дергай сколько угодно, ни за что не встану. Сонъ уже ждетъ меня: какъ только я послѣднія слова про себя сказалъ, онъ ко мнѣ и подступилъ. Началъ засыпать... „Встань!“ — слышу шопоть. Ну, галлюцинаціи уже слуха! Вотъ, чувствую, лѣвую ногу за пятку щипнуло; еще разъ и опять то же подергиваніе... Дергай, мнѣ все равно, я не встану. И вотъ я уже почти совсѣмъ заснулъ. „Встань!“ — въ самое ухо опять шепчетъ и дергаетъ. И какъ только я отдалялся отъ сна, дерганье и шепоть прекращались, а какъ начиналъ засыпать — снова и все сильнѣе, сильнѣе. Съ полчаса шла эта борьба, были моменты, когда я совсѣмъ забывался, но ощущеніе отъ сильнаго подергиванія уже за обѣ ноги и шопоть: „вставай!“ возвращали меня къ сознанію. Я даже разсердился, вскочилъ, какъ изступленный, и сѣлъ... Вы сами знаете, явленій сверхъестественнаго я не признаю, а объясненія даннаго случая не могъ найти... Надѣлъ сапоги, всталъ и зажегъ лучину, осмотрѣлъ еще разъ всѣ углы, подъ лавкою, полкомъ, даже заглянулъ въ печку, гдѣ близъ самага чела поставленъ чу-

гунчикъ съ неостывшею еще водой, — нигдѣ и ничего не нашелъ. Развѣ въ передбанье заглянуть? Перемѣнилъ лучину, зажегъ и отворилъ тихонько дверь.

Съ послѣдними словами Платоновъ сильно поблѣднѣлъ, залпомъ выпилъ стаканъ холодной воды и отеръ потъ на лбу.

— Какъ только передбанье освѣтилось, изъ уголка, съ лавки, выдѣлилось блѣдное молодое лицо съ устремленнымъ прямо на меня свѣтлымъ взоромъ... Я остолбенѣлъ.

— „Маша!“

— Она все также, съ устремленнымъ на меня свѣтлымъ взглядомъ, неподвижно сидѣла въ своемъ уголку. Я коснулся ея руки, увидѣлъ на шеѣ пятна... Лучина выпала у меня изъ рукъ, я грянулся къ ногамъ ея и застоналъ.

(Въ эту минуту изъ гостиной слышался слабый стонъ, но Платоновъ не слышалъ).

VIII.

— Напрасно я, поднявшись съ полу, — заговорилъ послѣ длинной паузы рассказчикъ, — отогрѣвалъ въ своихъ рукахъ холодныя руки дѣвушки, покрывалъ поцѣлуями блѣдное лицо, глядѣвшее на меня и среди ночнаго сумрака, — я не могъ возвратитъ къ жизни свою дорогую невѣсту. Но и сама смерть, какъ будто возмущенная насиліемъ злодѣйства, побоялась уже наложить свою печать на

лицо дѣвушки: несмотря на блѣдность, оно оставалось прекраснымъ, какъ у живой, и неподвижный свѣтлый взоръ карихъ глазъ не пугалъ воображенія... Первой моей мыслью было — бѣжать на деревню, поднять народъ и искать убійцу... Посмотрѣвъ еще разъ при огнѣ на мертвую красавицу, я поцѣловалъ ее въ послѣдній разъ и вошелъ въ баню, — тамъ какъ-то посвѣтлѣло. Я подумалъ, что уже занялось утро, но, открывъ часы, увидѣлъ, что стрѣлки показывали всего два. Я выставилъ раму и черезъ окно вылѣзъ на волю. Метель не унималась, въ воздухѣ, попрежнему, крутило и вездѣ сыпало, но вверху, сквозь волнистыя тучи, разливался лунный свѣтъ. Я взялъ отъ бани влѣво, разломалъ прясло и, увязая по колѣни въ наметенныхъ сугробахъ, выбрался на дорогу. Ее тоже всю „передуло“, но я зналъ, что это была дорога, и зналъ, куда мнѣ итти: хотя строеній и не видать было, но Марьино отъ меня находилось въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Достигнувъ скоро деревни, я поднялъ крикъ, звалъ на помощь и стучалъ по избамъ — никто меня не услышалъ, никто не отозвался...

— Если бы въ эти минуты попался мнѣ злодѣй, я также бы задушилъ его своими руками, какъ онъ задушилъ мою безцѣнную Машу!..

— Я продолжалъ кричать и звать, но бесполезно... Обезумѣвшій отъ горя и отчаянія, я падалъ на снѣгъ и рыдалъ, точно дитя... Какъ я добрался до своей деревни, — не помню... Долго я стучалъ у воротъ квартиры. Наконецъ услышали, со двора окликнули, и Никитушка, съ ночниковъ въ рукѣ,

отворилъ калитку. Должно быть, лицо мое очень измѣнилось, парень оторопѣлъ:

— „Да ты кто такой будешь?.. Ба-а-тюшки — растянулъ Никитушка. — Нашъ баринъ?! Да на тебѣ и лица своего нѣтъ...“

— Совершенно обезсиленный и убитый, я молча поднялся въ свѣтелку и кинулся на кровать... Противъ всякаго ожиданія, я, какъ только легъ, заснулъ тотчасъ же крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ человека, измученнаго физически и нравственно.

— Я спалъ очень долго и проспалъ бы еще дольше, если бы меня не разбудили... Я открылъ глаза, свѣтелка моя была полна народа. Я узналъ старшину, нѣкоторыхъ изъ крестьянъ, урядника и станового; впереди передо мною стоялъ въ полной формѣ товарищъ прокурора, съ которымъ я былъ знакомъ и игралъ въ преферансъ у нашего исправника.

— „Господинъ Платоновъ! — офиціальнымъ тономъ произнесъ товарищъ прокурора, — потрудитесь одѣться, вы арестованы и мы произведемъ у васъ обыскъ. Поняты здѣсь?“

— „Здѣсь, ваше высокородіе!“ — отвѣтилъ урядникъ, прикладывая руку къ козырьку форменной фуражки.

— Я глядѣлъ и ничего не понималъ, что около меня творится. Видѣлъ, какъ вездѣ шарили, все переворачивали, разглядывали на свѣтъ и т. д., и т. д. Наконецъ я не выдержалъ:

— „Позвольте спросить, г. прокуроръ, чему я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ?“

— „Вы сами лучше должны знать, — уклонился онъ отъ прямого отвѣта. — Но если вы *не* знаете, то вамъ объяснять въ свое время“.

— Тутъ я вспомнилъ о своей злополучной невѣстѣ и тономъ негодованія сказалъ:

— „Неужели вы полагаете, что я могъ совершить это гнусное убійство?“

— „Мы ничего не полагаемъ, пока дознаніе и слѣдствіе не выяснятъ“, — отчеканилъ товарищъ прокурора.

— По окончаніи обыска былъ составленъ протоколъ, результатъ котораго вышелъ такой: противузаконнаго ничего въ бумагахъ и вещахъ не оказалось. Понятые недоумѣвали и глядѣли испуганно, а урядникъ ехидно улыбался.

— „Господинъ Платоновъ!—провозгласилъ чиновникъ отъ полиціи, — во имя закона и начальства, извольте слѣдовать со мною: насъ ждетъ экипажъ“.

— У воротъ стояли сани съ кибиткою, на козлахъ рядомъ съ ямщикомъ помѣщался жандармъ, другой стоялъ у экипажа. Мы съ чиновникомъ усѣлись въ повозку, стоявшій жандармъ пристроился на облучкѣ. Колокольчикъ залился. Меня сначала привезли въ уѣздный городъ, тамъ смѣнили только лошадей и повезли дальше. Трое сутокъ, нигдѣ не отдыхая, меня везли на лошадяхъ, затѣмъ по желѣзной дорогѣ вплоть до Петербурга. Съ дебаркадера въ закрытой каретѣ доставили меня къ подъѣзду какого-то громаднаго зданія, потомъ повели по длин-

ному со сводомъ коридору и заперли въ отдѣльную камеру. Въ скоромъ времени потребовали меня на дознаніе. Прокуроръ, высокій господинъ, съ изящными, благородными манерами, длинными и точно выточенными изъ слоновой кости пальцами, въ чудеснѣйшемъ черномъ фракѣ, съ Владиміромъ на шеѣ и моноклемъ, приступилъ къ дознанію. Въ залѣ, за столомъ, кромѣ прокурора и меня, сидѣли еще два человѣка: жандармскій офицеръ и господинъ въ штатскомъ костюмѣ. По соблюденіи извѣстныхъ формальностей, касающихся званія, лѣтъ и пр., прокуроръ прочиталъ мнѣ одну статью изъ уложенія о наказаніяхъ, по которой я обвиняюсь.

— „Признаете себя виновнымъ?“ — съ оттѣнкомъ изящной меланхоліи спросилъ онъ.

— „Не только не признаю, но и самое обвиненіе въ подобномъ преступленіи нахожу несправедливымъ...“ — и я не договорилъ, глубоко возмущенный и обиженный.

— „Вы, разумѣется, не ожидали этого, — началъ прокуроръ, — васъ это потрясло. Успокойтесь! Выпейте чаю“.

— Человѣкъ съ чайнымъ подносомъ явился... Изъ-за ширмы чья-то рука навела на меня стекло фотографическаго аппарата... Затѣмъ мнѣ предлагались вопросы о какихъ-то неизвѣстныхъ людяхъ, о моихъ съ ними отношеніяхъ и т. д. Я рѣшительно ничего не понималъ. „Здѣсь какое-нибудь недоразумѣніе“, — говорилъ я. — „По всей вѣроятности, недоразумѣніе“, — соглашался проку-

роръ. Я не помню подробностей, все происходило точно въ какомъ снѣ, какъ и все послѣдующее. Отчетливо сохранился въ моей памяти штатскій господинъ. Онъ ничего не говорилъ, ни о чемъ не спрашивалъ, а сидѣлъ, наклонясь надъ какими-то бумагами, весь поглощенный ихъ содержаніемъ; но съ его макушки, изъ-за порѣдѣвшихъ черныхъ волосъ, скромно выглядывала какая-то любопытная шишка; мнѣ все время казалось, что она внимательно за мною наблюдаетъ и старается проникнуть въ мои думы и мысли... Помню еще, что меня опять вызывали, потомъ судили и повезли обратно въ Семениху.

— Въ полномъ разцвѣтѣ стояла весна, какой я на сѣверѣ еще ни разу не видывалъ. Кругомъ все ярко зеленѣло, вездѣ пестрѣли цвѣты, лѣса синѣли, безконечные, словно море, звенѣли въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ жаворонки, а по берегамъ гулко рѣзвящейся рѣчки, въ пышныхъ зеленыхъ кустахъ, безъ умолку заливались соловьи. Высокое небо, распростершееся голубымъ сводомъ, ликовало вмѣстѣ съ обновленною природой, а великолѣпное солнце сыпало милліоны лучей свѣта и тепла на счастливо вздыхавшую землю, вызывая все къ жизни, радости и любви... А я долженъ былъ умереть... За что? что я сдѣлалъ?..

— На самомъ возвышенномъ пунктѣ увала, противъ оконъ моей деревенской квартирки, былъ воздвигнутъ помостъ. Меня привезли... Внизу помоста сидѣли: исправникъ и знакомый мнѣ товарищъ прокурора съ одной стороны, волостной стар-

шина и писарь — съ другой. Возвышались два столба съ перекладиною и веревкою, съ готовою петлей, между столбами виднѣлась бочка, къ ней была приставлена лѣстница. Священникъ отсутствовалъ. Я не замѣтилъ и исполнителя казни. Одинъ, по лѣстницѣ, взбираюсь на бочку. Передо мною на десятки верстъ развернулась окрестность, вся — въ сіяніи весенняго утра, наполненная чарующими голосами и звуками. Неудержимое, странное чувство жизни во мнѣ всколыхнулось... Неужели я умру? Еще нѣсколько минутъ — и я не увижу больше ни этого солнца, ни этихъ лѣсовъ, ни ярко зеленѣющихъ высокою рожью полей, перестану слышать, и сердце, бьющееся любовью къ людямъ и природѣ, навѣки замретъ... Я опустилъ глаза внизъ. Вижу печальное, взволнованное лицо Василя Дмитріевича; онъ боязливо, но съ участіемъ посматриваетъ на меня и украдкой вытираетъ глаза. Слышу, товарищъ прокурора говорить:

— „Не пора ли приступить?“

— „Подождать бы, — негромко отвѣчаетъ старшина. — Вонъ, гляди, съ помилованіемъ ѣдутъ!“

— Я взглянулъ. Изъ зеленой долины поднялись и мчатся къ намъ, тройками, телѣги; въ нихъ сидятъ мужики, размахивая своими руками и показывая что-то бѣлое. Это бумага о помилованіи?.. Но скоро ли доѣдутъ? Еще пять-десять минутъ — и я спасенъ...

— „Осужденный! — раздался голосъ представителя закона, — чего вы ждете? Пора“.

— „Но гдѣ же палачъ?“

— „Мы избавляемъ васъ отъ руки палача; вы сами можете это сдѣлать... Но если не хватитъ силы воли, то мы пригласимъ. Гдѣ Парѣенъ Игнатьевъ?“

— Я вспомнилъ Машу и вся кровь ударила мнѣ въ голову. Взглянувъ въ послѣдній разъ на голубое небо, на эту дивную природу и, мысленно пославъ всѣмъ и всему послѣднее „прости“, я схватилъ веревку, быстро накинулъ на себя петлю, оттолкнулъ ногою бочку и повисъ въ воздухѣ... Нѣсколько секундъ я сохранялъ еще сознаніе: дыханіе перехватило, біеніе сердца замедлялось, прошла по всему тѣлу мучительная судорога, я захлебнулся и духъ изъ меня вышелъ.

— И въ то самое мгновеніе, какъ жизнь оставила повиснувшее тѣло, ко мнѣ воротилось самосознаніе... Что же это? Меня казнили, но я снова чувствую, мыслю... Не довѣряя самому себѣ, я подхожу къ начальствующимъ лицамъ. Исправникъ, горько плача, усаживается въ телѣжку, товарищъ прокурора въ своемъ тарантасѣ уже отъѣхалъ, на своихъ мѣстахъ остались старшина и писарь.

— „Вы меня знаете?“ — спрашиваю я.

— „Очень хорошо, — отвѣчаетъ старшина: — вы г. Платоновъ“.

— „Но вѣдь меня казнили?“

— „Сію только минуту. Вонъ и тѣло ваше виситъ“.

— Я покосился, увидѣлъ... и содрогнулся... Мое уваженіе къ закону доходитъ въ эту секунду до

такой степени, что я подвергаю себя вторичному риску.

— „Можетъ, это ошибка или недоразумѣніе?— пристаю я къ старшинѣ.— Вмѣсто меня кто-нибудь другой повѣшенъ?“

— „Что вы, г. Платоновъ! Развѣ такія дѣла зря могутъ производить?“

— „Но, позвольте, скажите мнѣ, кто же по-вашему теперь я?“

— „Вы—духъ“.

— „Стало, я свободенъ и могу теперь уйти?“

— „Куда вамъ угодно; мы не смѣемъ васъ задерживать. Духъ намъ отъ Бога не предоставлено казнить“.

— Точно снова возродившійся, освобожденный отъ всякихъ узъ, я почувствовалъ въ себѣ невѣдомый источникъ новыхъ силъ, дивной мощи и небывалой энергіи. И природа, и люди,—все передо мною встало въ иномъ свѣтѣ, преобразованнымъ и чистымъ, какъ оно вышло изъ рукъ Творца въ первыя минуты своего созданія. Я вижу тихо спускающуюся съ лазурныхъ небесъ неземной красоты дѣвушку, въ бѣлой, какъ первый снѣгъ, одеждѣ, съ блистающимъ, изъ живыхъ цвѣтовъ, вѣнкомъ на головѣ и поднятою кверху рукой; она летитъ ко мнѣ навстрѣчу, и я слышу ея голосъ, — нѣтъ, не голосъ,—звуки небесной мелодіи.

— „Милый! узналъ ли ты свою невѣсту?“

— „Дорогая моя!“

— Но тутъ, откуда взялись, показались люди, похожіе на городскихъ; впереди ихъ становой, уряд-

ники. Они безпокойно озираются, кого-то ищутъ глазами.

— „Такъ нельзя, — переговариваются. — Нужно его изловить. Тѣ дурачье-то, мужики, отпустили его, а развѣ это дозволено?“

— Но вотъ они увидѣли... Всѣ красные, съ вспотѣлыми лицами, задыхаясь, бѣгутъ и кидаются на меня.

— „Лови, лови!“

— Но они не въ состояніи меня схватить, окружаютъ живымъ кольцомъ, тянутся руками и не могутъ достать.

— „Безумцы! — произноситъ моя дивная невѣста, дѣвушка въ блистающемъ вѣнкѣ. — Развѣ вы смѣете къ нему прикоснуться? Взгляните на свои руки, въ чемъ онѣ? А онѣ — духъ, часть самого Божества“.

IX.

— „Баринъ, а баринъ! Да вставай же! Въ который разъ тебя будимъ... Нѣшь не померъ ли? — слышу я знакомый голосъ. — Павелъ Григорьичъ, сударь!“

— Я проснулся. У кровати стоитъ хозяинъ, а отъ двери глядитъ встревоженное лицо Никитушки.

— „Часъ ужъ времени, — говоритъ хозяинъ. — Вставай!“

„Такъ все это былъ сонъ! — подумалъ я. — „И злодѣйство — сонъ?!“ — вспомнилъ я о Машѣ и всѣмъ

существомъ обрадовался. Я быстро и весело поднялся.

— „А у насъ, баринъ, какое несчастье случилось: дѣвушку въ банѣ мертвую нашли, Андрея Никифоровича дочку, Машу-то. Чай, ты знавалъ ее?“

— Я уронилъ голову: не сонъ, значитъ, смерть Маши!..

— „Баринъ, баринъ!.. Слышь-ка, что я молвить тебѣ хочу, — заговорилъ Никита. — Ты не думай, что это Парѣенкино дѣло: онъ еще изъ Максимовки не прѣзжалъ“.

— Я посмотрѣлъ на него.

— „На кого же думаютъ?“

— „На кого... Коли не Парѣенка, такъ не на кого и думать: покойницѣ никто зла не желалъ“.

— Ты постой, Никитушка, — остановилъ сына отецъ. — Дай я обскажу. Марьюшка у сестры гостила, знаешь, что въ Шелепиху выдана? Наканунѣ тамъ крестины были, отецъ-то съ матерью домой ушли, а Марья осталась; общала на другой день къ вечеру домой воротиться. Не пришла. Родители на то подумали, что она у сестрицы заночевала, и справки въ тотъ день не дѣлали; утромъ, молъ, седни придетъ домой. Къ обѣднѣ ударили. Изъ Шелепихи Василій, мужъ старшей-то, идетъ. „А гдѣ Маша?“ — спрашиваютъ родители. — „Чай, дома, — говоритъ Василій-то, — она вчера, какъ смеркло, порядкомъ ужъ стемнѣло, простилась съ нами и пошла къ вамъ“. Кинулись искать. Побѣжали къ дьячковой дочери, — нѣту, не бывала. Навѣдались еще въ избу, двѣ, куда Марья вхожа

была, и туда не заглядывала. Куда дѣвчалась?.. Матка-то, Татьяна Васильевна, паренька своего, Ваняшку, къ намъ присылала: „Вернулся ли вашъ баринъ?“—спросилъ. Мы, знамо, сказали: „дома“.

— „Да ты рассказывай, какъ нашли-то Машу“,— вмѣшался Никитушка.

— „А нашли-то какъ? Хозяйка той самой бани нашла. Утромъ—къ достойнѣ ужъ благоувѣстили,—хватила она, что вечеръ, какъ вымылись, позабыла баню запереть, а замокъ-отъ въ передбанѣ на окошечкѣ оставила. Пошла туда, вездѣ сугробы надуло, анъ на банѣ замокъ виситъ. Она, знаешь, къ маленькому окошечку, заглянула въ передбанье, анъ тутъ она и есть, на лавкѣ мертвая дѣвушка сидитъ... Теперь у Никифоровича такой вой, плачь идетъ—и не приведи только Господь-Батюшка слышать! Дьячковская дочь словно бы внѣ себя, ополумѣла совсѣмъ дѣвка“.

— „Дали ужъ знать становому,—прибавилъ Никитушка;—урядникъ караулъ въ банѣ поставилъ. Будто, говорятъ, слѣды около бани обозначились: ночью-то замело, а утромъ сегодня посдуло и видать стало... Сказываютъ: слѣдъ ровно отъ ступней въ колошахъ.“

— Парѣенъ между тѣмъ домой не возвращался. Никто не зналъ о виновникѣ убійства. Но въ народѣ сдержанно называли имя сына подрядчика: „недаромъ онъ третьи сутки пропадаетъ“. Товарищъ, съ которымъ онъ тридцатаго числа уѣхалъ, въ тотъ же день возвратился и сказалъ, что Парѣенъ остался въ Максимовкѣ гостить. На другой день по селу и

деревнямъ пробѣжало: „убитую взрѣзать будутъ“... Эти два слова приводили деревенскихъ людей въ ужасъ.

— Я отправился въ правленіе узнать, не пріѣхали ли чиновники. Оказалось, что еще нѣтъ. Волостной писарь, имѣвшій квартиру въ домѣ правленія, пригласилъ насъ съ старшиною къ себѣ на чай. Сидимъ... Вошелъ сторожъ, зоветъ „на слово“ старшину.

— „Что такое, говори!“

— „Человѣкъ къ тебѣ пришелъ. По дѣлу, рассказываетъ“.

— „Что жъ, вели, старшина, ему сюда войти“, — говоритъ писарь.

— Спустя минутъ пять въ комнату вошелъ Парѣенъ... Онъ былъ въ новомъ, на лисьемъ мѣху, и крытомъ чернымъ сукномъ тулупѣ, въ ботикахъ и съ куньей шапкой въ рукѣ; лицо его показалось мнѣ блѣднѣе обыкновеннаго, но оно было спокойно. Помолившись на иконы, онъ поклонился старшинѣ и намъ съ писаремъ.

— „Здравствуй, старшина! — промолвилъ парень. — Здравствуй, писарь, и ты, баринъ, здравствуй!“

— „Что скажешь, Парѣенъ Игнатьичъ?“

— Тотъ молчалъ, глядя на свою кунью шапку съ малиновымъ бархатнымъ верхомъ, потомъ, потряхивши волосами, началъ:

— „Я слышалъ, пріѣдутъ чиновники, станутъ рѣзать убіенную. Это они напрасно хотятъ. Тѣмъ

дѣлу они не помогутъ, а надъ невиннымъ тѣломъ надругаются. Нельзя ли это оставить?“

— „Мы въ томъ непричинны, дѣло это не наше, Парѣенъ Игнатьичъ“.

— „Про это мнѣ извѣстно. Да я не къ тому рѣчь клоню. Ежели дохтуръ съ чиновникомъ хотятъ узнать, отчего смерть дѣвужкѣ приключилась, такъ они про это могутъ по видимости судить. Марья руками задушена“.

— Старшина съ писаремъ переглянулись. Признаться, я едва совладѣлъ съ собою, когда вошелъ Парѣенъ, но, увидѣвъ его лицо и услышавъ его рѣчи, я подавилъ свое чувство и весь превратился въ слухъ.

— „Почему же ты знаешь, что дѣвушка руками задушена? — спросилъ старшина. — Развѣ ты свидѣтельствовалъ?“

— „Не свидѣтельствовалъ, — это не наше дѣло. А ежели я сказалъ, такъ, значить, что-нибудь да знаю“, — и Парѣенъ снова принялся смотрѣть на свою богатую шапку.

— „Можетъ, ты намъ что немножко и повѣдаешь? — полюбопытствовалъ старшина. — Да ты что стоишь-то, Парѣенъ Игнатьичъ? Присѣлъ бы! Али ты хочешь мнѣ одному, по секрету, что молвить? Такъ я выйду съ тобою въ правленіе“.

— „Нѣтъ, я скажу и при другихъ. А сидѣть мнѣ съ вами теперь не приходится, Трифонъ Михайлычъ...“

— Проговоривъ эти слова, Парѣенъ опять и какъ-то энергически встряхнулъ волосами, точно онъ хо-

тѣлъ окончательно отъ чего-то разомъ освободиться, повернулся прямо лицомъ и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Грѣхъ мой: я Марью удушилъ!

— Хотя мы и ожидали чего-то отъ Парѣена необыкновеннаго, но такое признаніе совершенно насъ поразило. Старшина всплеснулъ, какъ то по-женски, руками и жалобно воскликнулъ:

— „Такъ за что же ты погубилъ ее? Да и себя не пожалѣлъ“...

— Я не могъ Парѣена ни видѣть, ни слышать долѣе и бросился вонъ изъ комнаты. . Уже послѣ отъ писаря я узналъ исповѣдь преступника. Въ расчеты его не входило убійство. Не видя дѣвушки на посидѣлкахъ, онъ съ досады началъ пить; парни надъ нимъ подтрунивали: „Что, паря, Машуха-то твоя съ бариномъ катается, а на тебя и глядѣть не хочетъ? Отобьетъ ее у тебя баринъ“. Самолюбіе парня было уязвлено. Онъ не разъ поджидалъ Машу, хотѣлъ съ нею поговорить наединѣ; но это не удавалось, а то Никитушка мѣшалъ. Узнавъ, что дѣвушка ушла къ сестрѣ, и зная, когда воротится, онъ составилъ планъ: уѣхалъ съ товарищемъ въ Максимовку, въ тотъ же день отпустилъ его обратно, наказавъ про себя въ деревнѣ сказать, — собственно это для Никитушки, — что самъ онъ остается еще на три дня. Наканунѣ Новаго года Парѣенъ забрался въ срубъ, близъ марьинскихъ бань, и оттуда выслѣживалъ ходившихъ въ баню и Машу до самой ночи. Для смѣлости онъ выпилъ двѣ бутылки водки. Дѣ-

вушка возвращалась домой около семи часовъ вечера; метель только-что начиналась; онъ пошелъ къ ней навстрѣчу, поздоровался и повернулъ съ нею къ своей деревнѣ. Дорогою говорилъ, что ее давно не видать было, и потомъ спросилъ, пойдеть ли она за него замужъ; получивши отрицательный отвѣтъ, Парѣенъ сталъ допытываться, почему Маша не хочетъ за него выйти, и, по грубости, не вытерпѣвъ, сказалъ: „Знаю я... ты съ бариномъ гуляешь!“ Маша обидѣлась, а затѣмъ прямо объявила, что я женихъ ея. Въ эту минуту они какъ разъ поравнялись съ банею. „Такъ не бывать же тому!“ — вскричалъ Парѣенъ, схватилъ ее въ охапку и бросился въ баню. „Она такъ обробѣла, — рассказывалъ Парѣенъ, — что и крикнуть не успѣла. Притащилъ ее въ передбанье и прямо на лавку. Тутъ дѣвушка опаматовалась и, должно, сдоганувшись, что я хочу съ нею дѣлать, какъ закричить! Я испугался: услышать люди. Ухватилъ ее за горло и не отпускаю: „Нишни, а то задушю!“ А она: „Я легче смерть приму, — говоритъ, — чѣмъ безчестье свое отъ тебя понесу!“ — и опять кричать. Я еще пуще сдавилъ ей горло. „Перестань!“ — говорю, и поотпустилъ. А она: „Павелъ Григорьевичъ, болѣзнь, дай защиту!“ — и руками какъ толкнетъ меня. Тутъ началась у меня съ нею возня: здоровая, даромъ что по виду такая нѣжная была. Я остервенился, ухватилъ ужъ изо всей силы руками за горло и крѣпко-крѣпко держу, не выпускаю. Долго этакъ держалъ... ужъ очень мнѣ обидно показалось, что барина своего упомянула, —

ну, и пьянъ-то я былъ, туманомъ разумъ заволкло. „Что, перестанешь? Забудь своего любовника, согласишься по доброй волѣ!“ Молчить. Я опять, а самъ за горло держу, не отпускаю. Не отвѣчаетъ. Поглядѣлъ, а у ней глаза остановились. Отпустилъ... Не закричала, молчить. „Ну?“ Ни слова... Тутъ я догнулъ, что удушилъ дѣушку. Увидѣлъ на окошкѣ замокъ, ухватилъ его, заперъ баню да бѣжать. Не хотѣлъ признаваться, да совѣсть начала шибко мучить... Видно, такъ ужъ грѣху тому быть. А не желалось барину-то ее уступить, потому больно ужъ я любилъ покойницу...

— Машу не вскрывали, — закончилъ Платоновъ, блѣдный, съ холоднымъ потомъ на лбу и лицѣ.

Никто еще не могъ освободиться отъ произведеннаго разговоромъ впечатлѣнія, какъ изъ гостиной дверь распахнулась, и вошла хозяйка, взволнованная, со слезами на глазахъ, а за нею показала другая молодая особа.

— Павелъ Григорьевичъ! — дрожащимъ голосомъ проговорила Катерина Петровна. — Что вы только вынесли! — и она крѣпко пожала Платонову руку. — Мы съ Надею все слышали...

Черезъ часъ въ свѣтломъ залѣ всѣ гости Владиміра Александровича сидѣли за ужиномъ, хозяинъ разливалъ по стаканамъ вино и посматривалъ на часы, стоявшіе на угольномъ столикѣ; минутная стрѣлка подходила уже къ часовой, сравнялась,

и часы начали бить. Всѣ стихли; съ послѣднимъ ударомъ хозяинъ поднялъ стаканъ.

— Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

— Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! — отозвалось съ разныхъ сторонъ, слышалось чоканье стакановъ, и всѣ пришли въ движеніе.

Хозяинъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ, что Новый годъ, воротивъ въ ихъ дружескій кружокъ дорогого товарища, принесъ съ нимъ подтвержденіе той истины, что духъ человѣка живъ и всегда будетъ живъ, и поднялъ бокалъ за этотъ духъ, не знающій никакихъ оковъ, духъ, которымъ красится жизнь человѣка, который вѣчно поддерживаетъ нашу вѣру въ добро и правду.

— За духъ, за идею! — подхватили со всѣхъ сторонъ.

— А я, — сказалъ, погода, хозяинъ, — предложу, господа, выпить за нашего друга Павла Григорьевича!..

Сгинула дѣвка.

Полупрозрачная, въ какомъ-то матовомъ сіяніи, нѣмая ночь глядѣла на тихую деревеньку. Такія ночи въ средней Россіи бывають послѣ небольшой оттепели, за которою вслѣдъ и тотчасъ же наступитъ легкій, едва ощутимый морозецъ. Куда ни взглянешь,—безъ конца разстилается бѣлая пелена, мелькають, какъ звѣздочки, огоньки схоронившихся въ снѣгахъ деревень и далеко-далеко, словно на самомъ краю земли, обрисовывается неясно сельская колокольня, а безпредѣльный далекій сводъ неба задернуть серебристой фатою, сквозь которую пробивается и смотритъ, Богъ вѣсть съ какой высоты, задумчивый мѣсяцъ. Всматриваясь пристально въ эту глубоко-молчаливую, безъ всякаго блеска, но тихо сіяющую ночь, испытываешь надъ собою ея чарующую власть и неотразимое обаяніе. Воображеніе населяетъ ее волшебными созданіями, и—кажется—вся она исполнена свѣтлыхъ образовъ, сказочныхъ сновъ и поэтическихъ грѣзъ: сдается, что изъ бѣлыхъ, дѣвственно-чистыхъ сугробовъ снѣга и съ опушенныхъ нѣжнымъ инеемъ деревьевъ смо-

трать чьи-то насмѣшливыя, но прелестныя молодыя лица, а въ воздухѣ безшумно и граціозно пролетаютъ съ такими же лицами и улыбками волшебныя красавицы... И всѣ эти дивныя существа, притаивъ дыханіе, напряженно ждутъ перваго звука, чтобы за нимъ разомъ и всѣмъ огласить нѣмую ночь радостными пѣснями и веселымъ смѣхомъ, рассыпаться по неоглядной снѣжной равнинѣ и закружиться въ рѣзвой пляскѣ, улетѣть куда-то далеко по серебристому воздуху...

Длинною линіею огоньковъ вытянулась деревня Левино. На улицѣ — ни души, всѣ по своимъ избамъ и ужинаютъ. Проходитъ часъ, и въ окнахъ одинъ за другимъ гаснутъ огни, избы темнѣютъ и рѣзче выступаютъ на бѣломъ фонѣ; дольше держался свѣтъ въ избѣ Васильевыхъ снохъ, но и тотъ скоро пропалъ: сперва стемнѣло съ однимъ окошкѣ, потомъ въ другомъ и наконецъ, широко мигнувъ, исчезъ свѣтъ и въ послѣднемъ. Теперь вся деревня лежитъ чернымъ безформеннымъ великаномъ, съ выдѣляющимися остроконечными крышами, и ночь наполняетъ ее своими тайнами и страхами: мерещится, за углами избъ, подъ навѣсами воротъ, у калитокъ спрятались не то какія-то чудовища, кого-то подстерегающія, чтобы внезапно напугать до потери разсудка, не то лихіе люди, которыхъ деревенскій міръ боится не меньше, чѣмъ всякихъ чертей.

Ни гармоніи, ни пѣсни не услышишь на деревнѣ подъ Новый годъ, потому что молодой народъ знаетъ, что завтра праздникъ, а пожилые крѣпко

спять; но гадать дѣвушкамъ и проказничать парнямъ не возбраняется. Тишина въ улицѣ полная; даже не слышать колотушки деревенскаго сторожа... Но вотъ гдѣ-то негромко звякнула въ калиткѣ защелка, въ другомъ мѣстѣ слабо скрипнули ворота, послышался короткій свистъ, — и снова все замолкаетъ, тишина становится еще непробуднѣе... Осторожно и крадучись изъ-подъ тѣни мрачныхъ навѣсовъ выдвигаются мужскія фигуры въ вывороченныхъ тулупахъ, въ какихъ-то странныхъ шляпахъ и шапкахъ, съ разрисованными углемъ или сажею лицами, а нѣкоторыя съ льняными бородами; каждая изъ этихъ фигуръ, соблюдая большую осторожность, влѣзаетъ на завалинку, прикладываетъ ухо къ подоконнику, минутъ пять не шелохнувшись слушаетъ; но, должно-быть, ничего кромѣ храпа не подслушавъ, оставляетъ избу и направляется къ сосѣдней. Не оставляетъ только своего поста фигура, подслушивающая у окошекъ избы Васильевыхъ снохъ.

— Что, али тутъ? — полушопотомъ спрашиваютъ шубы и шапки, сбѣгаясь къ этой избѣ и скучиваясь подъ навѣсомъ.

Фигура махнула рукой, спустилась съ завалинки и смѣшалась съ другими.

— Всѣ здѣсь, братцы. Должно, взади сидятъ — разговоръ мало слышно.

— Гадаютъ, что ли, Васюкъ, али такъ сидятъ? — спросилъ кто-то.

— А я почемъ знаю, — отвѣтилъ первый, сообщившій товарищамъ о результатахъ своего под-

слушиванія, — видно, шубами окошки занавѣсили, свѣту въ избѣ не видать.

Наступило непродолжительное молчаніе.

— А что, ребята, не попроситься ли? Поглядѣли бы, какъ онѣ гадать будутъ, — сказалъ одинъ.

— Да развѣ пустятъ, коли гадать собрались!

— А то нѣшь не пустятъ?

— Экій ты чудакъ-человѣкъ, Федюха! — проговорилъ Василій. — Дѣвки гадаютъ въ тайности, развѣ при чужихъ онѣ станутъ?... Нечего намъ пока здѣсь и толочься, а надо за свои дѣла приниматься... Пойдемте скорѣе на задворки!

Въ просторной избѣ Васильевыхъ, за столомъ, въ задней части чистой половины, сидѣли сами хозяйки и собравшіяся къ нимъ дѣвушки-невѣсты; мужей нѣтъ дома, они на фабрикахъ живутъ и домой къ женамъ на Рождество не пріѣхали. Изба освѣщалась съ потолка керосиновой лампой, а на столѣ въ желѣзномъ подсвѣчникѣ горѣла сальная свѣча; окна были завѣшены большими шерстяными платками.

Дѣвушки лили олово и гадали про свою судьбу. Устинья, свекровь молодыхъ бабъ, сухая, но еще бодрая старушка, съ впалыми и быстрыми глазами, не столько подстрекаемая празднымъ любопытствомъ, сколько добрымъ желаніемъ помочь своей опытностью молодымъ гадальщицамъ, позабыла на этотъ разъ про свою теплую печь и сидѣла на лавкѣ, помогая молодымъ опредѣлить ту или другую фигуру, какая отливалась, и растолковывала ея значеніе. И если бабушка Устинья что

скажетъ, то всѣ ей повѣрятъ: не даромъ же она семьдесятъ годовъ на свѣтѣ промаячила и такая была мудреная старуха, что умѣла помеломъ градовыя тучи отводить. Вотъ одна черноволосая, съ правильными чертами лица, дѣвушка Оеня, растопивъ на свѣчкѣ металлъ, наклонила слегка желѣзную ложку надъ чашкой съ водой; сверкнула на мигъ струйка и зашипѣла вода.

— Ишь, какъ прытко завопила! — промолвила старуха. — Гляди-ка, что тебѣ вышло!..

Оеня осторожно опустила въ чашку два пальца и вынула причудливо вылившуюся фигурку. Лица всѣхъ наклонились, и глаза съ любопытствомъ принялись разсматривать красивую вещицу.

— Ну-ка, бабушка Устинья, сказывай, что мнѣ отлилось? — спросила Оеня.

— Что? — промолвила старуха. — Знамо, — вѣнецъ честной тебѣ вышелъ.

— Да оно похоже на вѣнецъ-то, а по сторонамъ его, взгляни-ка, еще что?

Устинья и разглядывать не стала, — она ужъ отлично знала, что было „по сторонамъ“.

— А вотъ что: справо-то вѣнца — повѣтъ ближняго жениха, а что по лѣвую сторону — видишь, тутъ деревцо кудрявенькое, — чужая деревня: быть тебѣ, дѣвушка, замужемъ либо за нашимъ Ильей, либо за Дубровскимъ вдовцомъ богатеємъ.

Переглянулись гадальщицы.

— А вѣдь вѣрно! — сказала одна изъ снохъ. — За кого тебѣ, Оеня, либо выйти? Повѣдай намъ всю правду!

Дѣвушка ни слова не отвѣчала и задумалась.

Ложка перешла къ подругѣ, сидѣвшей съ нею рядомъ, свѣтлорусой, здоровой дѣвукѣ, съ румяными щеками. Какъ только въ чашкѣ опять зашипѣло и гадальщица вынула изъ воды олово, всѣ съ удвоеннымъ любопытствомъ устремились разсматривать: еще что-то хитрѣе вышло!

— Эка, эка, что ей вылилось! — слышались голоса удивленія. — Хоть до утра просиди, а не придумаешь сказать, что оно такое собою означаетъ...

Ошиблись дѣвки: бабушка Устинья, не задумываясь даже ни на четверть минуты, выручила молодыхъ гадальщицъ изъ затруднительнаго положенія.

— Чего выдумывать, надо правду сказать, — проговорила старушка. — Судьба Аленушки вся тутъ, какъ на ладошкѣ: вотъ это — твой родительскій домъ, отъ него сани головашкой къ Спасскому; вотъ конь со стороны Егорья, а баранъ — вишь, дѣвушка, какъ явственно онъ вышелъ! — отъ Перьина рогами крутить... Ну, теперича, чай, сами провидѣли ужъ судьбу Аленушки!

Оказалось, никто не провидѣлъ, и Аленушка первая спросила:

— А ты растолкуй, баушка, какая судьба мнѣ оказывается.

Бабушка не заставила себя ждать.

— Конь бѣжить — женихъ изъ Егорья собирается тебя глядѣть; баранъ рогами крутить — другого съ Перьина жди, а сани съ поворотомъ — бога-а-тый

женихъ, изъ Спасскаго, -- Кирея сынъ... Только родитель твой за послѣдняго отдать не пожелаетъ...

Любопытство слушательницъ, живо изображавшееся на ихъ лицахъ, при послѣднихъ словахъ разгадчицы смѣнилось выраженіемъ необычайнаго удивленія.

— А не быть тебѣ, Аленушка, за Киреевымъ сыномъ, — доводила до конца Божья старушка: — по той самой причинѣ не быть, что вы съ нимъ разной вѣры: онъ перекрещенъ, а вы Астрицкаго толка, и родитель твой ни за что за разновѣрца тебя не выдастъ.

Около минуты въ избѣ царила мертвая тишина: такъ всѣ были ошеломлены словами Устиньи.

— А-а-ахъ! Ишь ты, что оно означаетъ-то... А-а-ахъ!.. Вотъ, дѣвоньки, судьба-то какая Аленина.

— Такъ неужто батюшка меня за него не выдастъ! — съ грустью въ голосъ вымолвила Алена.

— Тихонько... Не подслушиваютъ ли ребята съ улицы?

Младшая сноха, бойкая и смѣлая Наталья, подбѣжала къ окну, слегка приподнявъ съ одной стороны платокъ, посмотрѣла на улицу, прислушалась и снова опустила.

— Никого не видать, — сказала она, возвратившись къ столу. — Парни либо спятъ, либо на задворкахъ озоруютъ... Ужъ больно на дворѣ ночь бѣла, а звѣздъ ни одной не видать.

-- Самая страшная, значить, ночь для тѣхъ, кто теперь бѣгаетъ на перекрестки завораживаться, — замѣтила свекровь.

— А что, нѣшь въ этакія ночи *они* больно люты?—спросила старшая сноха Татьяна.

Свекровь помолчала.

— Да такъ они, *ненашки*-то, озоруютъ, что ворожейки часто ума рѣшаются, а и то совсѣмъ помираютъ...

— Ой, матушка! — воскликнула Татьяна. — Миѣ нѣшь и въ избѣ страшно сдѣлалось...

Бойкая Наталья посмотрѣла на старшую сноху.

— Больно ты труслива стала, — сказала. — А въ запрошломъ году, какъ небесная-то планида снизошла на деревню, такъ ты съ матушкой-свекровью тогда не забоялась помело съ наговоромъ въ окошко высунуть, даромъ что по всей деревнѣ народъ голосилъ: „свѣтопреставленіе началось!“

Дѣвки засмѣялись, а свекровь съ непоколебимымъ убѣжденіемъ промолвила:

— А, вѣдь, планиду тогда мы отворотили отъ деревни: только стекла въ окошкахъ до одного всѣ градомъ перебило, да стѣны изрябило, а хлѣба въ поляхъ и не тронуло — весь цѣлехонекъ, батюшка, на корню остался.

Снова обратились къ отгадыванью судьбы. Разное выходило: одной коса вылилась — тутъ и безъ бабки Устины разгадали, что дѣвкѣ быть замужемъ за парнемъ-косникомъ, что продаетъ мужикамъ косы; другой вышла бутылка — нехорошо, мужъ будетъ пьяница; третьей отлился гробъ... Отъ испуга дѣвушка начала креститься.

— Спаси, Христось, и помилуй! Пресвятая Богородица, заступись за меня, грѣшницу...

Подруги не безъ участія смотрѣли на дѣвушку, которой судьба грозила раннею могилой.

— А, ну-ка, я себѣ поспрошаю судьбу, — весело заговорила сноха Наталья и проворно взяла ложку. — Какое мнѣ счастьеце на Новый-то годъ отольется?

Бабѣ счастье большое отлилось.

— Молодая, — вскрикнули въ одинъ голосъ за столомъ — вѣдь, тебѣ труба вышла!

— И то, дѣвки, ровно бы на трубу или на пень похоже, — проговорила Наталья. — Къ чему бы такая штука...

Дѣвки покачивали головами, давая тѣмъ бабѣ понять, что онѣ, по своей молодости и дѣвичьей неопытности, опредѣлить Натальиной судьбы не могутъ. Зато свекровь, довольно улыбнувшись и хитро подмигнувъ, разомъ просвѣтила дѣвокъ и обрадовала свою молодую сноху.

— Жди, Натаха, завтра гостя: мужъ пріѣдетъ.

— Ой-ли, матушка?

— Да коли вышла труба, — такъ ужъ безпремѣнно мужъ будетъ. Гляди, нонѣча съ полуночи онъ на машину сядетъ, а утречкомъ завтра и на станцію прикатитъ.

Наталья еще больше повеселѣла, принялась рассказывать, какъ у нихъ дѣвки гадаютъ, — она была взята изъ другой деревни, — какъ парни подслушиваютъ и потомъ какія шутки шутятъ съ дѣвками. Въ избѣ смѣялись рассказамъ Натальи, только одна Аленушка сидѣла задумчивою и ни разу не улыbnулась. Молодая баба, желая разогнать

дѣвичью кручину, обратилась къ свекрови съ такимъ вопросомъ:

— Матушка, поразсказала бы ты намъ, какъ вы въ дѣвкахъ-то гадали да заворяживались.

По сухому лицу Устиньи скользнула улыбка.

— Нѣшь въ старину такъ дѣвки гадали, какъ вы нонѣча, — заговорила бабка. — Вотъ что на оловѣ выйдеть, и того вы ужъ боитесь, а мы на перекрестки бѣгали, съ бороной въ полночь кругомъ деревни обходили, въ овины бѣгали заворяживаться... Какихъ страстей не видѣли, — и то не боялись.

— А что, баушка, въ овинахъ-то боязно заворяживаться? — спросила Груняша, которой судьба пообѣщала въ женихи косника.

— И не говори, дѣвушка! Ужъ то пойми, что въ глухую ночь дѣвка одна побѣжить въ темный овинъ, свѣсится въ яму и заклятье страшное на себя наложить... Ладно, какъ мохнатой погладить, а какъ голой-то да холодной, ровно ледъ, проведеть...

— Тебѣ, родимая, тоже доводилось въ овинъ-то садиться? — полюбопытствовала сноха Наталья.

При этихъ словахъ раздался общій хохотъ, и сама Устинья тихо засмѣялась. Одна Татьяна встревожилась.

— Что вы хохочете? Ну, какъ кто услышитъ?!

Дѣвки притихли.

— Не запомнится нѣшто мнѣ, хаживала ли коли я въ овинъ, — отвѣчала уклончиво старуха, — а вотъ какъ другія судьбу свою пытали по овинамъ, — знаю, слыхала отъ самихъ ворожеекъ... Да что

въ овинахъ! Нѣтъ, вотъ одна дѣвка—въ часъ добрый про нее молвить—подъ церковную паперть ходила завораживаться... Вотъ это такъ ужъ настоящая ворожба... Инды и сейчасъ жутко дѣлается, какъ вспомнила про свою подружку.

Дѣвки насторожились.

— Али съ ней что попритчилось?—спросила сноха Татьяна.

Устинья поглядѣла на всѣхъ значительно и не вдругъ, гробовымъ голосомъ отвѣтила.

— Сгинула дѣвка.

Нѣкоторыя замѣтно поблѣднѣли, а Татьяна взвизгнула.

— Расскажи, расскажи ты, баушка, намъ про нее! — воскликнула Аленушка, устремивъ на старуху свои большіе сѣрые глаза.

— Ой, дѣвушка! Да рассказывать ли? Больно ужъ страшно, касатка...

— Сказывай, баушка! Я не боюсь...

Старуха помолчала, немного подумала и медленно поднялась съ лавки.

Она подошла къ окну, поотдернула часть платка и стала глядѣть на разстилавшуюся бѣлую равнину, на далекое небо въ серебристой мглѣ и одинокій задумчивый мѣсяцъ... Черезъ минуту-двѣ старуха вернулась и снова заняла свое прежнее мѣсто. Выраженіе ея лица было серьезное и важное.

— Парней, что ли, глядѣла, матушка?—спросила Наталья.—Никого не слыхать?

— Не слыхать, — промолвила въ отвѣтъ свек-

ровь. — Да я не за тѣмъ къ окошку-то подходила... Поглядѣла, какая ночь на дворѣ. Вотъ точь въ точь этакая же ночка стояла, когда наша Марьямушка рѣшилась...

Старуха пріумолкла ненадолго, какъ будто стараясь преодолѣть внутри себя страхъ, и потомъ тихо заговорила:

— Много насъ, въ тѣ поры молодыхъ дѣвокъ, на деревнѣ было, — такъ начала старушка. — На святки съѣзжались къ намъ подружки изъ другихъ деревень. Народъ веселый, молодой да смѣлый. Первые три дня игрища шли, пѣсни ходовыя пѣли, съ парнями разговоры хорошіе да пріятные вели, ну а послѣ и за гаданье, и за ворожбу принимались. Самое настоящее подѣ Новый годъ было... Ждемъ это мы, бывалоча, ночки той страшной, загодя уговоримся, куда пойдемъ и какъ станемъ завораживаться. И все это такъ наровимъ промежъ себя уладить, чтобы ни одинъ то-есть человѣкъ не спозналъ да не провѣдалъ про замыслы наши хитрые. Вотъ разъ мы, дѣвки, человѣкъ такъ шесть, и стакнулись... Сперва о святкахъ лили олово, какъ и вы теперича, въ зеркало глядѣлись, курицу съ пѣтухомъ въ избу вносили, овсомъ кормили. Была среди насъ дѣвка, Марьямою ее звали. Такая-то ли смѣлая да отчаянная, что этакой другой наврядъ и свѣтъ рожалъ; а сердцемъ, однако, добрая, жалливая была дѣвушка. Она, Марьяма-то, всѣхъ тогда и сомутила. „Это“, говоритъ, „что за гаданье въ избѣ али въ овинѣ: никогда настоящаго не выйдетъ. А вотъ пойдемте на перекрестки —

тамъ ужъ про свою судьбу всего допытаться“. А надо вамъ, дѣвченки, сказать,—Марьямѣ нашей въ эти святки несчастливилось: ни разу не вышелъ тотъ, о комъ сердечушко-то ея болѣло. Согласились, послушались головы отчаянной. Какъ только поужинали, наскоро одѣлись и живой рукой скрутились. Дома сказались, что ненадолечко отлучимся, и прямо черезъ дворъ да въ поле... Какъ сейчасъ помню: тепло стояло, ночь такая бѣлая, явственная, вверху словно изъ-подъ фаты мѣсяцъ-батьюшка глядитъ. Побѣжали... Пока до перваго перекрестка бѣжали, ни слова промежъ себя не промолвили, а все оглядывались да по сторонамъ озирались: не схоронились ли гдѣ да не подкарауливаютъ ли ребята? При завораживаньи, сами вы знаете, ежели кто изъ чужихъ увидитъ, такъ добра ужъ никакого не выйдетъ, понапрасну только страху наиспринимаетесь... У перекрестка остановились. „Ну, кто первая въ черту войдетъ?“ спрашиваетъ Маріама. Молчатъ дѣвки, жмутся другъ къ другу да только озираются... „Видно, охотница не выищется“, говоритъ Маріама: „я первой заворожусь“. Достала изъ кармана шубы свѣчной огарокъ и начала имъ по снѣгу кругъ обводить. Мы поотступили, стоимъ въ сторонкѣ. Сняла дѣвка съ шеи крестъ, развязала поясъ и отдала намъ на руки, а сама за черту, въ середину круга вошла. Почала отъ всѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ отрекаться, заклиательныя слова говорить, да звать къ себѣ на помощь нечистыхъ, *ненашекъ*-то этихъ самыхъ... Мы стоимъ, глядимъ на ворожейку, а

самихъ—знай вотъ, какъ кумоха трясеть—такъ и бьетъ, такъ и колотить! Видимъ, Марьяма къ землѣ припала, ухо къ снѣгу приложила; долго прислушивалась... Приподнялась, встала супротивъ мѣсяца, вынула зеркальцо и навела его на мѣсяць-то. Пристально таково глядитъ на зеркальце дѣвка, а у самой щеки такъ и горять... Вѣрно увидѣла, кого ей надо, скрыла зеркальце, „чуръ меня!“ вскрикнула, но по голосу слышно, что не испугалась дѣвка, и съ круга — къ намъ. Смѣется!.. Мы приободрились, робость наша тутъ прошла, смѣлыми опять сдѣлались. „Сказывай, что себѣ наворожила?“ къ Маріамѣ во всѣ голоса пристаемъ. — „Да что!“ — отвѣчаетъ, — „мало путнаго“. Слышала, въ колоколь гдѣ-то ударяли, заунывно пѣли...“ — „Ай, дѣвка! Вѣдь это тебѣ плохо“, перебила одна изъ подружекъ:— „знаешь, къ чему колоколь-то да заунывное пѣніе?“ — А Маріама—вотъ ужъ отчаянная-то дѣвка! — глядитъ на насъ да смѣется... „Ничего въ томъ плохого нѣтъ“, — говоритъ: „заунывное пѣніе да колоколь не всегда къ смерти, а также и къ благополучію... А въ зеркалѣ, дѣушки, какого я красавца увидѣла! Вотъ ужъ подлинно говорится: ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать...“ — „Кого же, кого? Повѣдай намъ, Марьяма!“ Та какъ покатится со смѣху... „Самого лѣшаго увидѣла“, — говоритъ: „глядитъ на меня, усмѣхается и рукавицей этакъ къ лѣсу манитъ: пойдемъ, молъ, дѣвка, въ мое лѣсное царство, я тебѣ жениха хорошаго тамъ покажу“, — рассказываетъ намъ Марьяма, а сама, знай, такъ и покатывается.

Заробѣли было мы, да ужъ больно весело смѣется подруга: смекнули, что, должно, не страшно, ежели она хохочетъ. Выискались охотницы,—тоже пошли въ кругъ про судьбу узнавать. Тремъ больно хорошо вышло: и колокольчики слышали—къ свадьбѣ-то, значить, скорой,—и жениховъ своихъ увидѣли, хорошихъ да богатыхъ... Мнѣ тоже судьба полностью обозначилась: и Василья своего видѣла, и сколько дѣтей у меня будетъ, и когда мужъ помретъ,—словомъ, дѣушки, про всю свою будущую жизнь я за чертой-то тогда свѣдала... Хотѣла было итти еще одна дѣвка, а Марьяма и говорить: „нѣтъ“,—говорить,—„все это наше завораживанье—ни къ чему ровно. А вотъ ежели кто захочетъ настоящее-то свое узнать да счастья себѣ наворожить, такъ надо итти въ село и подъ церковною папертью заворожиться. Пойдемте, дѣвки, на погостъ“.—„Что ты, отчаянная!“—всполошились подруги.—„Да нѣшь это можно: подъ святой церковью да ворожбу производить?“—„Коли вы боитесь, такъ я одна пойду: кого желала я суженымъ имѣть, не видѣла, и, во что бы ни стало, хочу добиться своей судьбы“. Позаупрямились мы, не хотѣли на погостъ итти, да неладно и одну подругу отпустить, къ тому же Марьяма и смутила насъ: „ничего“,—говорить, „вамъ, не сбудется, что вы сейчасъ наворожили себѣ: настоящее дѣло только подъ папертью узнаешь“. Дѣлать нечего, пошли за Марьямой. Погостъ отъ нашей деревни, съ коей я Васильемъ взята, всего-то въ одной верстѣ былъ, а отъ перекрестка и совсѣмъ ужъ близехонько. Идемъ это

мы, Марьяма шутки веселыя шутить, а мы опасаемся: какъ бы насъ церковники-то не запримѣтили. „Не бойтесь“, Марьяма успокоиваетъ: „священники, чай, только со славленья къ домамъ воротились—гдѣ же имъ теперь что видѣть, а сторожъ давно въ своей конурѣ спитъ“. Къ погосту ужъ подходимъ,—рукой церковь съ колокольной подать, вздымается среди бѣлой ночи къ небышку, а за нею это сіяніе разливается—глядѣть инды любо, какъ ноченька передъ храмомъ Божіимъ радуется. Таково-то ли тихо на погостѣ, въ домахъ у поповъ нигдѣ огонька не блеснетъ и знать, что они и сторожъ въ мертвую голову спятъ. Разбились мы по двое, съ разныхъ сторонъ обошли церковь и прямо къ паперти. Марьяма — къ двери, пріотворила ее — никогда дверь не запиралась. „Пойдемте!“ говоритъ. Мы какъ глянули въ дверку, а оттуда къ намъ на встрѣчу ровно что черное — темнымъ-то темно подъ папертью! „Нѣтъ“, —говоримъ, — „мы туда не пойдемъ: ступай одна, коли ты этакая безстрашная“. Наша дѣвка только усмѣхнулась и ушла за дверь... Поглядѣли мы за нею, и показалось намъ, что будто тамъ не совсѣмъ темно, изъ окошечекъ маленькихъ свѣтокъ пробивается. Прижались къ двернымъ косякамъ и смотримъ, что будетъ дѣлать Марьяма. А она обвела тамъ кругъ, крестъ съ поясомъ скинула, положила ихъ на подоконенку, и сама это въ черту встала; слышимъ, заклятье ужъ неслыханное на себя кладетъ. Страхъ тутъ на насъ напалъ, кинули дѣвку одну и сами къ боковымъ дверямъ церкви ударились, на паперть взбѣжали, присѣли тамъ на ступеньки

и поджидаемъ нашей дѣвки. Много ли, мало ли прошло времени, не знаю, — нѣшь въ такой ужаси что упомнишь! — только намъ показалось, что время Марьямѣ и на волю бы выйти. Посматриваемъ да поджидаемъ, а ее все нѣтъ какъ нѣтъ... „Ужъ не пойти ли намъ туда самимъ, не покликать ли подружку?“ переговариваемся. „Подождемъ еще немного; чай, не останется она тамъ ночевать“. Поджидаемъ... Гдѣ — и не знать Марьямы!.. Какъ робость насъ ни одолѣвала, а все же духу хватило кучкой-то цѣлою подойти да окликать дѣвку. Остановились у дверцы и зовемъ нешибко. „Марьяма! а Марьяма!“ Голоса не подаетъ... „Марьяма!.. Марьяма! мы къ домамъ подбираемся“... Хоть бы словечушко одно! молчить... Да ужъ не ушла ли она?... Заглянули во внутрь... А она, Марьяма-то, стоитъ у стѣнки, — изъ окошечка-то свѣтокъ малый есть, такъ ее намъ и видать, — стоитъ и не ворохнется. „Что не откликаешься? къ домамъ пора... Выходи скоренько!“ Хоть бы пошевелинулась — стоитъ на одномъ мѣстѣ и ни слова. „А ты не дури, ступай скорѣе къ намъ!“ Молчить и не шелохнется... Тутъ, дѣвушки, ровно сразу что-то намъ въ глазахъ просвѣтило, какъ закричимъ: „Нечистые ее не отпускаютъ!“ да отъ церкви что есть силъ-мочи какъ стреканули, да прямо къ своей деревнѣ и ударились!.. Прибѣжали къ отцу съ матерью дѣвки, — ни на одной изъ насъ лица своего нѣтъ, — разбудили тѣхъ, всее деревню взбаламутили. Родные, сусѣди, всѣ, кто только прослышалъ о несчастьицѣ съ дѣвкой, — кинулись на село... Знамо дѣло, мужики посмѣлѣе, чѣмъ бабы:

какъ прибѣжали къ мѣсту, такъ всѣмъ міромъ-то и ввалили подъ паперть, сейчасъ огонь засвѣтили. Смотримъ, — мы тоже за мужиками уцѣпились, съ ними-то и намъ поваднѣе да смѣло, — подружка наша въ прежнемъ своемъ положеніи: стоитъ безгласная, какъ давеча стояла, сама простоволосая, черные глаза свѣтятся, и на лицѣ улыбка играетъ. „Марьямушка, роженная!“ — мать-то это къ ней съ лаской сердечной: „пойдемъ домой“. Ни словечушка въ отвѣтъ родительницѣ, стоитъ какъ вкопанная, глаза блистаютъ, и на устахъ все эта улыбка... Долго бы такъ понапрасну прождали, да мельникъ Саватей, — онъ тоже съ народомъ прибѣгъ, — спасибо ему, надоумилъ родителей-то. „Дочь вашу“, сказалъ, „нечистая сила въ свои лапы заграбастала. Зовите“, говоритъ, „священника: надо ее скорѣе отчитать“. Побѣгли за попомъ, подняли того съ постели. Надѣлъ попъ рясу, скуфью на голову и книжку съ собой захватилъ... Цѣлый битый часъ онъ дѣвку отчитывалъ, — словами книжными нечисть-то всю съ ея сгонялъ — ни чуточки не попользовало!.. Стоитъ наша Марьяма, щеки у ней такъ и горятъ, улыбка радостная съ лица не сходитъ, и глаза черные блестятъ, а сама хоть бы пошевелинулась, словечко одно промолвила, — безгласна и недвижима!.. „Ну“, сказалъ тутъ священникъ родителямъ, „отчитать вашу дочь никакъ невозможно: она великій грѣхъ содѣлала, ворожбой святое мѣсто осквернила и потому навѣки зачарована и такъ будетъ стоять до второго пришествія: она теперь во власти сатаны и всѣхъ діа-

воловъ его. Кляните ее!“ Родители позамялись — извѣстно, жалко имъ своего родимаго дѣтища проклинать, — а батька опять: „Кляните за разъ, оба ее кляните!“... И какъ только, милыя вы мои, отецъ съ матерью выговорили: „Будь ты, дочь наша возлюбленная, анаѣема проклята“, — черезъ силу великую и со слезами горькими выговорили эти слова, — такъ дѣвка сразу и сгинула: въ землю вся ушла, провалилась, значить, въ тартарары...

— Ай, баушка! Ай, матушка! — громко вскрикнула изба, пораженная ужасомъ судьбы несчастной Марьямы.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ бабы съ дѣвками опомнились и въ состояніи были заговорить болѣе спокойно.

— Неужто, бабушка, это и взаправду случилось? — спросила Аленушка.

— Взаправду, родимая, — отвѣтила старушка. — Давненько ужъ тому времени несчастье это случилось, больше пяти десятковъ прошло, а вѣрно я вамъ рассказывала: дѣвка сгинула.

— На твоихъ глазахъ, матушка, Марьяша-то въ землю ушла? — любопытствовала Наталья.

— Нѣтъ, милая, сама я не видала, гдѣ намъ, со страстей такихъ, изъ деревни назадъ было воротаться да глядѣть! Родители дѣвки да мужики, при коихъ все произошло, послѣ рассказывали; отъ нихъ мы все доподлинно и узнали.

— Постой - ка, баушка Устинья, — вмѣшалась Феня: — ты ровно бы давеча упомянула, что вы, дѣвки, вмѣстѣ съ мужиками-то подъ паперь взошли?

Разсказчица удивилась.

— Что ты, дѣвушка?! — проговорила она. — Да нѣшь и вправду я это сказала? Такъ это я, должно, со страсти какъ обмолвилась: вѣдь хоть и давно дѣло, а страхъ-то въ человѣкѣ живущъ, родимая. Нѣтъ, чего сама не видала и лгать не стану, не скажу, что видѣла, а слышала отъ людей надежныхъ: они все по правдѣ обсказывали.

Призадумались дѣвушки...

— А вотъ и позабыла добавить, — вспомнила погода Устинья: — спустя годъ-два времени, — я ужъ замужемъ была, — палъ въ деревню слухъ, что Марьяму одинъ мужичокъ въ Москвѣ повстрѣчалъ — такой, вишь, барыней стала, что мужикъ-то и не призналъ бы ея, ежели бы она сама съ нимъ не заговорила...

— Вотъ тебѣ и нѣ! — развели руками дѣвки: — то въ землю ушла, а то опять въ Москвѣ повстрѣчали?

— Подождите, дѣвчонки, — предостерегла разсказчица. — Мужикъ сказывалъ, что Марьяма и не думала проваливаться, что это быдто мужикамъ только померещилось, а что дѣвка изъ-подъ паперти съ своимъ любезнымъ дружкой убѣжала и перевѣнчалась. Вишь, батка-то съ маткой жениховы больно люди богатые, а Марьямины родители состояница посредственнаго, и дѣвку они брать за сына не хотѣли.

— Такъ вотъ она, правда-то! — встрепенулась радостно Аленушка. — Такъ и я бы съ милымъ-то убѣгла...

— И, родимая,—поспѣшно перебила Устинья,—ты не вѣрь этому, что мужичонко намъ тогда наплелъ: онъ человѣкъ не трезвой жизни, ему, выпимши-то, барыня какая-то знатная въ Москвѣ и покажись за Марьяму... Нѣтъ, дитятко, подружка наша точно въ землю ушла, сгинула дѣвка. Вотъ этому ты вѣрь, это ужъ правда истинна.

На деревнѣ запѣли первые пѣтухи. Обѣ снохи принялись уставлять зеркала: теперь время дѣвкамъ въявь жениховъ своихъ увидѣть. Зажгли ужъ и свѣчки, Аленушка сѣла передъ зеркаломъ... какъ съ улицы, слышать, въ оконницу слабо и раза три чѣмъ-то стукнуло. Въ избѣ слегка вздрогнули, боязливо переглянулись... Черезъ минуту снова повторился тотъ же слабый стукъ, а за нимъ и голосъ дѣвичій, скорбный да тихій такой голосъ слышался:

— Пустите, родименькія, бѣдную дѣвушку, сироточку, къ себѣ обогрѣться!

— Должно, какая-нибудь прохожая,—вполголоса промолвила Феня.—Надо бы пріютъ дать.

— А вотъ я сперва взгляну, — сказала Наталья и быстрымъ движеніемъ руки дернула за платокъ; онъ упалъ. — Кто тамъ въ избу просится? — спросила она, не видя никого на волѣ, подъ окошкомъ.

На этотъ вопросъ слышался тотъ же печальный голосъ.

— Впустите .. Это я, Марьяма пришла... Подружку Устю звать... Завораживаться!

Тутъ неожиданно съ заваленки поднялась и встала передъ оконницей страшная фигура, въ бѣлой длинной рубашкѣ, съ широко растопыренными руками...

Дѣвицы замерли прикованными къ своимъ мѣстамъ; сноха Татьяна присѣла на полъ, а Наталья спряталась за простѣнокъ; старуха Устинья помертвѣла и едва только пролепетала:

— Она... Марьяма...

Утромъ въ день Новаго года, еще до разсвѣта, хозяева домовъ вышли на задворки и увидѣли такую картину: у кого были дѣвки-невѣсты, — полѣнницъ на мѣстахъ какъ не бывало; дрова раскиданы по дорогѣ, бревна разворочены, бороны заброшены на крыши амбаровъ, саней не оказалось — ихъ увезли и утопили въ проруби, — а на одномъ вязѣ поставлено было соломенное чучело — вчерашняя сиротинка Марьяма.

— И озорники же эти, ребята, — ворчали мужики. — Жалко, ночью никто изъ насъ не проснулся, а то наклали бы имъ по шеямъ: помнили бы тогда, какъ озорничать на святкахъ!

Старуха Устинья, увидѣвъ соломенную чучелу, пріободрилась и сказала:

— Экіе проказники! Вишь ты, украли гдѣ-то бабью рубашку, набили соломою, да за Марьяму и выдали... Добро, ребята, я вѣдь старый воробей, на мякинѣ меня не поймаетъ.. Вечѣрось я сразу догадалась, только дѣвкамъ виду не хотѣла подать.

Обошелъ.

Тихо, незамѣтно у насъ въ Арменкахъ проходитъ „Новый годъ“. Знаютъ, что на утро будетъ Васильевъ день, а что „Новый годъ“ будетъ, такъ это ты поди прежде грамотѣ поучись, — въ календарѣ почитай... Ничего намъ пока, кромѣ новаго горя и новыхъ заботъ, не приносили эти „новые годы“-то. Вотъ Васильевъ вечеръ, особенно ежели Васильевъ день, такъ это у насъ всѣ знаютъ и почитаютъ: оттого, что вечеромъ этимъ дѣвки гадаютъ, парни рядятся медвѣдями и пугаютъ по селу бабъ. Самый праздникъ пуще того намъ памятенъ, потому, можетъ, еще прадѣды-то наши знали, что этимъ временемъ надо уходить въ село Васильевское, въ двухъ верстахъ отъ насъ, потому въ этотъ день престолъ тамъ бываетъ. Ну, ужъ и празднуютъ же наши мужики въ Васильевскомъ! Цѣлый вечеръ, съ сумерекъ и до самой полуночи, ходятъ они изъ одной избы въ другую и все угощаются: попьютъ у одного — пойдутъ къ другому, отъ этого — къ третьему, да такъ изъ конца въ конецъ и обойдутъ подъ рядъ всѣ избы въ селѣ. За-

то ужъ, какъ вернуться съ праздника, никого изъ нихъ узнать невозможно: точно они съ страшнаго побоища домой воротились, — всѣ въ ранахъ и увѣчьяхъ...

— Н-ну, праздникъ! — скажутъ наши, которые оставались дома и не ходили въ Васильевское, и руками даже отъ ужаса при этомъ разводятъ. — Эка, угостились-то, образа человѣческаго ни на комъ нѣтъ... Ахъ вы, прокаженные, прокаженные!

А прокаженнымъ совсѣмъ ужъ не до того: поскорѣ схватятъ изъ дома, что попало на глаза, и прямо въ кабакъ либо трактиръ! Съ недѣлю пьютъ, чтобы оправиться, и развѣ только къ Крещенью мало-мальски почувствуются. Всю эту недѣлю по селу плачь и ревъ идетъ...

— Иродъ! да что жъ ты это дѣлаешь? — голосить какая-нибудь баба. — Гдѣ у тебя полушубокъ-то?

— Н-нѣ-ѣ-тъ, подожди, каторжникъ, за женину одежду приниматься! — происходитъ на улицѣ, во-очью всѣхъ, борьба между двумя супругами. — Свою-то одежду прогулялъ, теперь за тестево приданое принимаешься. Мучь, уродуй! я все перетерплю, а приданаго моего тебѣ пропивать не дамъ! Мнѣ бабушка-то его собирала-собирала...

— Опуститъ! — вопить супругъ. — Я тебѣ такую бабку задамъ!.. а?.. Я въ полномъ положеньѣ, а ты?.. Ты законъ-то видно позабыла? Накось, что вздумала: супротивъ Господнева закона?

Трактирщикъ нашъ, Вонифатій Михайлычъ, выйдетъ въ барашковомъ тулупцѣ на расписное кры-

лечко и глядитъ, какъ мужикъ съ своей бабой управ-
ляется,—и посмѣивается.

— Ничего! Я вытерплю! — не перестаетъ огла-
шать улицу бабій голосъ.

— Увидимъ! У-увидимъ! Я погляжу, какъ ты это
стерпишь... Опустимъ!.. Ты знаешь ли, что бываетъ
за неповиновеніе—умереть на мѣстѣ? Да я тебя къ
мировому сейчасъ, а то и прямо къ преосвященнѣй-
шей владыкѣ! Вѣдь за эвто, Сешка, ахъ какъ съ
тебя взыщутъ! Законъ, дура!.. Поняла ли? Да лучше
ужъ отдай сарафанъ по любви! Что тебѣ въ немъ?
Невидалъ какую нашла!

— Ай, Евклей! Вотъ молодецъ, сейчасъ умереть,—
хвалить мужика Вонифатій Михайлычъ:—какъ онъ
женѣ законъ-то преподаваетъ!

— Да, внушаетъ знатно!—покрикиваетъ изъ окна
цѣловальникъ, высунувши на улицу свое румяное
лицо.—Вѣдь вотъ, сосѣдъ, человѣкъ, кажись, не
ученый, а не хуже любого попа законъ этотъ по-
мнить. Дастся же человѣку такой разумъ!

А человѣкъ съ такимъ разумомъ ужъ стрѣлой не-
сется въ кабакъ, держа въ рукахъ отнятый сара-
фанъ...

Кабакъ въ Арменкахъ изъ старины, никто и не
запомнить, когда онъ завелся, а трактиръ у всѣхъ
на памяти: ровно шестнадцать годовъ, какъ прі-
ѣхалъ въ село Вонифатій Михайлычъ и построилъ
на мужицкой землѣ, подлѣ самага кабака, большой
деревянный домъ, а спустя этакъ года три еще
подстроилъ и вывелъ другой этажъ. Очень выгодно

ему у насъ содержать трактиръ: по вторникамъ базары, народа всякаго съѣзжается нѣсть числа, а что до прислуги, такъ наши мужики больше задаромъ отправляютъ у него должность половыхъ и много остаются довольны, когда Вонифатій Михайлычъ попотчуетъ за услугу стаканчикомъ водки. Обыкновенно мы для трактирщика всякую вещь дѣлаемъ сообча, всѣмъ селомъ: воду носимъ ему, дрова рубимъ и въ городъ съ нимъ за покупками ѣздимъ. За то и Вонифатій Михайлычъ насъ не оставляетъ: сиди у него сколько душѣ угодно, никогда онъ тебя не выгонить, словомъ дурнымъ не обзоветъ, развѣ только кто пьянъ въ кабацѣ напьется да къ нему ругаться придетъ, того, извѣстное дѣло, — въ три жилы.

Часто, зимней порою, забираемся мы въ трактиръ и просиживаемъ тамъ долгіе вечера: кто сидитъ и пьетъ чай, кто водку; больше однако такъ, праздно время проводятъ, на разговорахъ, потому у насъ въ карманахъ-то одна только дыра въ горсти...

Собрались мы такъ-то однажды подъ Новый годъ къ Вонифатію Михайлычу и посиживаемъ. Онъ намъ чайку собралъ, потому мы ему этимъ днемъ хлѣвъ для скотины исправили и стойло лошадямъ оборудовали.

День былъ простой, небазарный, и потому, кромѣ своихъ, никого въ этотъ вечеръ изъ гостей не случилось въ трактирѣ. Забрались мы, выходить дѣло, въ большую комнату, самую лучшую. Вонифатъ оклеилъ ее газетами да генералами конными, „дворянскою“ звалъ. На столѣ свѣча горѣла, а въ

углѣ топилась желѣзная печка, — смотрѣть любо. И про зиму забыли мы, въ этой благодати сидѣвши. Въ окна нѣтъ-нѣтъ да снѣгомъ ударить, на улицѣ вѣтеръ воетъ, а намъ и горюшка мало. Вой, молъ, сколько твоей душѣ угодно. Намъ здѣсь тепло.

Подошелъ тутъ къ нашей компаніи Ѳедоръ Григорьевъ, — Галченкомъ звали. Христось знаетъ, почему его такъ прозвали. Да и не одного его, а и отца, и дѣдушку такъ величали. Когда отецъ и дѣдъ находились въ живыхъ, въ селѣ ихъ такъ отличали одинъ отъ другого — Галченкокъ самый старый, Галченкокъ середній и Галченкокъ молодой. Старые галчата примерли, остался одинъ молодой, и ужъ съ тѣхъ поръ его стали звать просто Галченкокъ. Званье это, впрочемъ, ему какъ разъ къ шерсти подходило: былъ онъ изъ себя низенькій такой, худенькій, но бойкій, шустрый мужичонка, какъ есть галка; а когда до разговоровъ дѣло доходило, такъ онъ, бывало, одинъ десятерыхъ переговорить.

— Чай да сахаръ, народъ честной! — сказалъ онъ, проворно подходя къ столу съ полштофомъ, какой онъ прихватилъ у трактирщика. — Можно мнѣ къ вашей бесѣдѣ присѣсть?

— Садись, садись! — пошутили мы съ нимъ. — Мѣста у насъ хоша и немного, а для твоего полштофа найдемъ, — раздвинемся. Присаживайся.

Галченкокъ усѣлся и полуштофъ предъ собой на столъ поставилъ.

— Да тебя, милый человѣкъ, съ чѣмъ не поздравить ли? — освѣдомлялся у Галченка Максимъ кривой и по плечу его хлопнулъ.

— Я сюда отъ Фектиста дворника, — отвѣчалъ Галченкокъ. — Встрѣтилъ у него проѣзжаго нерехчана, запродалъ ему малость пеньки...

— Вотъ это любезное дѣло! — радостно заговорили чаевники. — Значить, ты намъ таперича чай-то нашъ винцомъ смочишь?.. Это ты, галка, хорошо выдумала, — даромъ что птица!..

— Мы выдумаемъ, — похвалился Галченкокъ, наливая стаканъ. — Только вотъ моя бѣда, ребята, сплеховалъ я, продешевилъ пеньку-то. Кабы не подати, — деньгу бы хорошую я за нее на базарѣ слизалъ.

— Разговаривай про подати-то! Тебѣ хоть продать было что, а мы животы-то свои разглядывали-разглядывали на дворахъ, — ничего не укусили...

— И вѣдь этакой народъ продувной эти нерехчане! — продолжалъ Галченкокъ, выпивая за разъ стаканъ: — мало того, что цѣной они тебя нажмутъ, да еще и обвѣсить норовятъ. Какъ ни смотрѣлъ я за нимъ, а безпремѣнно онъ меня, безмѣнная душа, фунтовъ на десять обогрѣлъ!

— Еще Бога благодари, ежели на десять только. Онъ тебя на половину охватить, такъ и то не примѣтишь. Не даромъ про нихъ говорятъ, что нерехчане Волгу на безмѣнѣ переплыли...

Выпили мы такимъ манеромъ Галченковъ полштофъ, и сами ему на отместку ухитрились другой собрать.

— Что на дворѣ творится — страсть! — заговорилъ Галченкокъ, воротившись изъ двора, куда онъ, послѣ

второй выпивки, ходилъ за деньгами, какія отъ податей оставались.—Такъ и мететь, такъ и вздуваетъ, — свѣта Божьяго не видать! Какъ на утро намъ будетъ къ престолу итти?

— Къ престолу-то? Небойсь, къ нему сыщешь дорогу, потому, вишь, тутъ не молить, а вино пить...

— А что, ребята, правду это толкуютъ, что въ ночь на Васильевъ день черти больно людей нудятъ?—спросилъ кто-то.

— Бываютъ такіе разговоры! Самому чтобъ видѣть,—Богъ избавилъ; а на кого эта напасть находила, такъ тотъ памяти рѣшался, а то и всей жисти. Я такъ отъ старыхъ людей слыхалъ, что и метель они же поднимаютъ: потому, выходить, этимъ дьяволамъ на Васильевъ день воля — покружить по бѣлому свѣту до вторыхъ пѣтуховъ. Вотъ они, вылетѣвши, и примутся чудить, такъ что крыльями своими весь снѣгъ взмѣсютъ. Вотъ отчего каждый годъ на Васильевъ день крутятъ метели-то.

— Эвто такъ: метель нечистыя силы вздымаютъ, — сказалъ Галченкокъ.—Дьяволъ — продувная шельма! онъ не только метель вздыметъ, а сичасъ на себя какой угодно ликъ можетъ принять,—крестьянина ли али животины какой...

— Дѣло! Галченкокъ правду рассказываетъ, объ этомъ всѣ очень даже наслышаны, какъ это онъ, то-есть переметывается въ разные образы,—согласилась компанія.

А Галченкокъ, видючи, что всѣ его уважаютъ,

да и кромѣ какъ выпивши находился, здорово забахвалился и принялся мужиковъ ругать.

— Слышали, слышали,—разливая водку благопріятелямъ, словно бы писарь на сходкѣ, важно заговорилъ онъ.— А что вы слышали, когда я его самъ видѣлъ своими глазами—вотъ все равно, какъ васъ вижу, такъ и его видѣлъ... Пейте-косъ, а я вамъ расскажу. У меня еще порядкомъ денегъ-то отъ пеньки осталось...

— Неужли же ты его самъ видѣлъ?

— Кабы не видѣлъ, такъ и не говорилъ! Вотъ прислушайте на досугѣ: разъ подъ Васильевъ день меня лѣшій обошелъ... Натерпѣлся страху, признаться! И сичасъ морозъ по кожѣ деретъ, какъ рожу его идольскую вспомяну...

— Что врешь? Будто ужъ и въ рожу видѣлъ?

— Вѣрное слово, — подтвердилъ Галченко.— Завтра великъ день, вратъ не стану!

— Какой же онъ собою изъ лица?

— Собою онъ какъ есть настоящій человѣкъ, а лицомъ, ни дать ни взять, швецъ Макаръ, какой вотъ по селамъ ходитъ и намъ полушубки шьетъ.

— Что ты! Вр-решь?

— Вѣрно слово.

— А ты побожись!

— Да по мнѣ пожалуй! Я и побожиться готовъ, потому правда была.

— Побожись большой божбой: лопни моя утроба.

— Хорошо! Лопни моя утроба!—безъ всякаго испуга побожился Галченко этой страшной клятвой.

— Значить, правда, братцы... Гдѣ же ты его увидѣлъ?

— А повстрѣчался я съ нимъ на пути. Тутъ еще, я помню, снѣгъ высыпалъ это большой — бѣда!..

Мужикамъ такъ любопытно показалось начало Галченкова разсказа, что многіе, бросивши чай, вылѣзли изъ-за своихъ столовъ и къ намъ подошли.

— Н-ну, Галченкокъ, дѣйствуй! Разсказывай! — всѣ мужики обратились на нашъ столъ съ такимъ приказомъ.

Галченкокъ началъ разсказъ.

— Ровно два года прошло тому, ребята, какъ меня этотъ лѣшій обошелъ. Пошелъ я наканунѣ самаго праздника въ Васильевское, къ Василью Иванычу... Знахаря Василья Иваныча знаете? Такъ вотъ это я къ нему пошелъ. Какъ сейчасъ помню, послѣ погоды; ясный такой день стоялъ, на дворѣ такъ-то важно морозъ потрескивалъ. Знатно меня о ту пору въ ярмяченкѣ моемъ пробрало! Ну, вѣдомое дѣло, пришелъ и говорю: „Здравствуй, молъ, Василій Иванычъ!“ — „Здорово“, говоритъ, „Федоръ Григорьичъ! Садись“. Пріятели мы съ нимъ, извѣстно, большіе!..

— Ну, зачалъ фастать! — перебила компанія. — Василій-то Ивановъ, небойся, почище насъ съ тобой. Онъ такихъ-то пріятелей отъ своей избы заборомъ по шеѣ гоняетъ. Ты намъ разсказывай про лѣшаго, а пріятство свое подъ копыту себѣ положи.

Тутъ Галченко разозлился и закричалъ на мужиковъ:

— А вы коли слушать взялись, такъ слушайте, не перебивайте! А еще вино мое пьете... Я вамъ все по порядку началъ обсказывать, а вы галду подняли... Какъ не стыдно въ компаньи хорошей поступать такъ, на чужія деньги пивши?... Н-ну и ладно... Пришедши, эвто, я въ избу къ Василью Иванову, сѣлъ на лавку; а у него, ребята, вездѣ боченки съ виномъ понаставлены, такъ по всей избѣ духъ пріятный и разносится! На поллицахъ у него рыба, пироги,—все къ престолу, значить, заготовлено!.. „Я къ тебѣ за дѣльцемъ“, говорю, „Василій Ивановичъ!“ — „За какимъ такимъ дѣльцемъ?“ спрашиваетъ.— „Нѣтъ ли у тебя, пріятель, травки какой: жена больно разнемоглась,—животъ у ней расхватило; изъ дома“, говорю, „почти выжила!“ — „Какъ не быть, есть!“ говоритъ.— „Для тебя, для друга, найду“. Далъ онъ мнѣ этой самой травы и что съ нею дѣлать написалъ на бумагѣ. „Ты“, говоритъ, „хоть грамотѣ и не знаешь, но все равно, когда жена выздоровѣетъ, съѣшь ты эту бумагу; а теперь вари эту траву въ трехъ кипяткахъ и послѣ горячей обкладывай кругомъ того мѣста, гдѣ у твоей жены больно. Черезъ три дня“, толкуетъ, „какъ рукой сниметъ!“ Ну, однако, и голова же этотъ Василій Ивановичъ! Какъ молвилъ, такъ и вышло: послѣ трехъ дней у Федоски животъ унялся,—здоровѣй прежняго, можетъ, въ десять разъ стала. Какъ корова какая разбухла. Поблагодарилъ я его, положилъ эту самую траву къ себѣ въ штаны и соби-

раюсь уходить, а онъ: „Погоди“, говоритъ, „выпьемъ съ тобой по стаканчику!“ — „На праздникъ“, говорю, „къ тебѣ завтра приду, а нонѣ не стану“. — А онъ: „Праздникъ само собой, а нонче мы съ тобою въ честь предпразднества выпьемъ. Ну-ка, поздравь меня съ наступающимъ-то ангеломъ, вѣдь я завтра именинникъ“. Какъ тутъ не выпить? Надо друга поздравить! „Ангелу твоему“, говорю, „желаемъ златъ вѣнецъ, а тебѣ добраго здоровья, Василій Иванычъ!“ Выпили. За первымъ по другому пропустили. Ну, стакашки по три мы съ нимъ тутъ и качнули. Гляжу: въ избѣ что-то темнѣть стало, потому дѣло было ужъ на вечеръ. „Засидѣлся я у тебя, Василій Иванычъ“, говорю, „надо засвѣтло ко дворамъ прибираться. Прощай!“ — „А на дорожку-то? выпей!“

— Распростился я тутъ съ нимъ послѣ останнаго стакашка и вышелъ на улицу. Ничего! На улицѣ еще свѣтло-засвѣтло, а подъ горой, гдѣ солнышко садится, небушко ровно бы пожаромъ залитое, такъ и горитъ все, такъ и пылаетъ! Иду — и на благодать эту люблюсь. Думаю: какъ это Господомъ все чудесно устроено! Тамъ вонъ небушко, тутъ земляца, снѣжокъ хруститъ подъ ногами... А у самого на душѣ какъ-то спокойно, — такая-то ли теплынь по сердцу разливается. Глядь — кричитъ кто-то: „Евдоръ Григорьевичъ!“ Обернулся — Никита Пѣгой! „А-а! Никита Васильичъ! Съ наступающимъ!“ А онъ, Богъ его знаетъ, выпивши что ли былъ или такъ баловался, — только пляшетъ себѣ лапотками по снѣгу, улыбается мнѣ и пѣсню поетъ:

Эхъ! удалая голова!
Не х-ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда!

— Потомъ закричалъ: „Заверни, другъ! Мимо двора не ходи!“ Я ему даю отвѣтъ, что, молъ, ко дворамъ поспѣшаю,—запоздалъ! Онъ мнѣ, шутова голова, опять съ танцами своими и со смѣхомъ шумить: „Въ раю“, говоритъ, „не будешь, а дома будешь! Привертывай въ хату, у насъ она топленая“. Подумалъ-подумалъ,—нельзя не завернуть, мужикъ тоже хорошій, изстари мы съ нимъ хлѣбъ-соль водимъ. Съ Пѣгимъ-то, видно, тоже стакашка по два али, можетъ, и по три мы протащили! Въ избѣ ужъ лучину зажгли... Шабашъ! Никакими силами, думаю, дальше никто не удержитъ, — домой! „Подемъ вмѣстѣ, я хоть до околицы тебя провожу“, говоритъ Пѣгой. „А то, будь другъ—останься до завтра, переночуй у меня!“ — „Что ты“, кричу я ему, „нѣшто можно! Я съ травой“, говорю, „къ больной женѣ иду“. Пошли... Дошли мы до околицы, а тутъ какъ разъ кабачокъ стоитъ, и цѣловальникъ-то давнишняя закадыка намъ обоимъ!..

— Пропустили мы съ Пѣгимъ въ этомъ кабацѣ по малой толикѣ и на разставаньи остановились мы съ нимъ на дорогѣ и цѣлуемся; вдругъ изъ села Андрюшка бѣжитъ, Матвѣевъ сынъ. „Куда?“ — „Да вотъ на праздникъ на завтрешній“, говоритъ, „винца бѣгу взять! Не хотите ли испробовать?“ — „Какъ можно! Надо поспѣшать,—запоздалъ!“ Пѣгой меня упрашивать сталъ: „Завернемъ“, говоритъ, „Гри-

горьичь! Кинемъ“, кричитъ, „битку въ конь,—вѣдь праздникъ завтра. Дѣла, что ли, за нами какія?“ — „Оглашенный“, говорю, „да ты позабылъ, что я съ травой? Вѣдь у меня жена на смертной постелюшкѣ лежитъ...“ Распростились. Пошелъ я; сажень пять отошелъ али нѣтъ, глянулъ вверхъ,—анъ ужъ тамъ мѣсяцъ взошелъ,—ночь свѣ-ѣтлая!.. Ворочусь, думаю, опять въ кабакъ, теперича тамъ народу много, а при такой свѣтлынь какъ домой не дойти. Вотъ я взялъ и повернулъ назадъ. Ну и чудесно! Сичасъ вина стаканъ спросилъ себѣ и сижу; а изъ села-то народъ такъ и валить къ цѣловальнику. Кто шубу несетъ ему, кто овцу тащить, а одинъ мужичокъ, не будь дуракъ, свинью даже къ нему приволокъ со всѣми малолѣтками. Хрюкаютъ онѣ у него въ мѣшкѣ! Смѣхъ! „Вотъ онъ праздникъ-то что, батюшка, значить!“ смѣялись мужики... А я тѣмъ временемъ все ко дворамъ собираюсь,—думаю про это вино: нѣтъ, молъ, шалишь,—не соблазнишь больше, сейчасъ встану и пойду, а самъ—все ни съ мѣста! Только встану, хочу итти,—глядь, ужъ кто-нибудь и кличетъ тебя: „Федоръ Григорьичъ! Ну-ка, съ наступающимъ-то!..“ Насилу, насилу изъ кабака я выбрался! Думаю: пьянъ я теперь,—возьму ночью у Пѣгова. Вышелъ на волю—какъ ни въ чемъ—трезвый растрезвый, какъ есть ни въ одномъ глазѣ. Коли такъ, не останусь у Пѣгова, пойду домой. А Пѣгой мнѣ и говорить, словно бы онъ ко мнѣ цѣлый вѣкъ пришить былъ: „Полно тебѣ брехать! Ну, куда ты теперь домой пойдешь? Переночуй у меня, вѣдь ты ужъ совсѣмъ хмельной!“ — „Невозможно“, говорю,

„меня дома съ травой ждуть... Ни за что, я не пьянъ...“ Ну, ребята, теперь надо выпить, — оборвалъ Галченко свой разговоръ и налилъ стаканы. — Надо горло промыть.

— А что жъ ты про лѣшаго-то когда?

— Сичасъ и про лѣшаго рѣчь, — отвѣчалъ Галченко. — Потому и пью, что дѣло къ самой страсти подходитъ. Хорошо-съ! Распростились мы съ Пѣгимъ, и пошелъ я въ Арменки. Иду себѣ, ничего!.. Ночь мѣсячная, вокругъ далеко видно, а снѣгъ такъ и свѣтитъ! Иду я и гляжу на мѣсяцъ, а мѣсяцъ такой явственный, словно живой съ нѣбушка-то на меня глядитъ и будто, то-есть, киваетъ мнѣ и, къ примѣру, надъ моей выпивкой усмѣхается. Взялъ и я разсмѣялся!.. И представился онъ тогда мнѣ какимъ-то знакомымъ молодцомъ! Вижу, парень знакомый, а никакъ не могу сообразить, кто онъ, изъ какого села, и гдѣ я его видалъ... Засмѣялся онъ тогда надо мной пуще прежняго; а я на него въ обиду втяпался. Уставился я на него глазами и кричу: „ой, не смѣйся, молодецъ! Ты, можетъ, думаешь, что я пьянъ? Такъ это напрасно, пріятель! Я, можетъ, потрезвѣе тебя въ тыщу разъ; а ты вотъ такъ пьянъ, — это я вижу; а я ни чуточки, иду какъ есть трезвый жену лѣчить, — лѣкарствица ей несу — травки Господней...“ И что вы думаете, мужики? Мѣсяцъ-то мнѣ вслухъ и заговорилъ: „Ахъ ты, пьяница, пьяница! Какъ ты мнѣ такія слова можешь говорить? Нѣшто я, небесная свѣтила, могу“, говорить, „какъ ты по каба-

камъ шастать да съ пріятелями вино пить? Меня за то солнышко свѣтлое въ Сибирь можетъ сослать!“ Ну, думаю, мѣсяцъ-то тоже, должно быть, праздникъ-то шибко зачуялъ. Когда это съ нимъ бывало, чтобы онъ разговоръ съ простымъ мужикомъ завелъ!

Мужики разсмѣялись.

— Неужели же онъ съ тобой въявь толковалъ?

— Право слово!.. А что ежели со мной лѣшій встрѣнется? съ чего-то мнѣ вдругъ подумалось тогда. Да нѣтъ, какіе теперь лѣшіе, думаю, чай, давно ужъ они спятъ! Только, братцы, слышу, позади меня ровно идетъ кто... Оглянулся. Точно, идетъ высокій дѣтина, въ новомъ дубленомъ полушубкѣ и кожаныхъ рукавицахъ, а на головѣ барашковая шапка надѣта. При мѣсяцѣ-то мнѣ все до ниточки видно! Нагналъ онъ меня. „Миръ дорогой, добрый человѣкъ?“ говоритъ дѣтина.—„Здорово и ты, коли не шутишь“, говорю я, а самъ, эвто, гляжу ему въ лицо.—„Ба! швецъ Макаръ?“ А парень въ дубленкѣ: „Никакъ арменскій! Ты, Ѳедоръ Григорьевъ?“ — „Я самый! Откуда тебя, Макарушка, Богъ несетъ?“—„Да въ Аминово пробираюсь“, говоритъ: „управляющій женѣ салопъ хочетъ на лисьемъ мѣху дѣлать“. Идемъ мы такъ-то съ швецомъ Макаромъ и разговариваемъ; онъ шутки шутитъ, — веселый діаволь! — и смѣется, да такъ нѣшто чудно смѣется. Я нѣтъ-нѣтъ да и взгляну на своѣ товарища, съ боку этакъ... Что за притча, думаю: онъ и швецъ

Макаръ, и словно бы не онъ! А Макарка-то, подлецъ, ужъ насчетъ дѣвокъ со мной завелъ матерію. „Деревенскія“, говоритъ, „мнѣ больно надоѣли, просто смерть какъ опротивѣли. Теперича хочу“, говоритъ, „къ становихѣ къ одной къ молоденькой подбиться; мужъ-то у ней къ губернатору на распеканцію поѣхалъ, ну, она, значить, теперича въ горестяхъ. А то есть у меня еще на примѣтѣ купеческая дочка, такъ эта“, грохочетъ, „словно малина какая перезрѣлая, какъ лишь только взглянетъ на меня, такъ вся и разваливается, такъ и раскисаетъ...“ Слушаю я это и мекаю въ умѣ: чудеса, думаю: швецъ Макаръ вечоръ въ Кострому пошелъ, а вѣдь до города-то пятьдесятъ верстъ отъ насъ. Неужто онъ успѣлъ оборотить? Думаю такъ-то да гляжу съ боку на Макарку... Э-э! Да никакъ у него дубленка-то на лѣвую сторону застегнута! Точно на лѣвую... Ахъ, дуй те горой! Да у него, мошенника, и праваго уха нѣтъ *). Морозъ такъ и заходилъ у меня по закожью! Вотъ, молъ, онъ лѣшій-то какой бываетъ! Здоровенный этакій мужичина! Думаю: прямой лѣшій!.. Однакожъ собрался я съ духомъ да и говорю ему: „послушай-ка, почтенный, ступай ты съ Господомъ своей дорогою, а я пойду по своей: гусь свинѣ не товарищъ!..“ А онъ, чортовъ сынъ, только смѣется! „Ничего“, говоритъ, „Галченко, вмѣстѣ-то намъ съ тобой по-

---

*) Въ нашемъ простомъ народѣ существуетъ повѣрье, что лѣшаго можно всегда узнать по отсутствію у него праваго уха и по манерѣ застегивать одежду съ лѣвой стороны на правую.

ваднѣе будетъ дѣла обдѣлывать. Я тебѣ“, говоритъ, „такъ видно тому дѣлу и быть... я тебѣ эту самую барыню предоставлю, какую ты въ прошломъ году облюбовалъ“. А ко мнѣ, признаться, прошлымъ-то лѣтомъ взѣзжала на дворъ барыня какая-то проѣзжая, красавица изъ себя писанная!.. Ну я, примѣромъ, гляючи на нее грѣшнымъ дѣломъ, подумалъ: „эх-хъ, молъ!.. Живутъ же люди на свѣтѣ, имѣютъ при себѣ супругъ... Не то что наши замарашки!..“

Мужики очень смѣялись, слушая, какъ Галченко въ грѣшной думѣ своей признается, а Галченко говорилъ:

— Тутъ, добрые люди, мнѣ ужъ не до смѣху стало. За молитвы я тутъ принялся. Самъ читаю, а у самого зубъ на зубъ не попадетъ. Прочиталъ всѣ, какія мальчонкомъ узналъ. Не дѣйствуетъ—и шабашъ! Идетъ со мной швецъ Макарка и все про барынь мнѣ да про купчихъ напѣваетъ. „Ты“, говоритъ, „не гляди, что у нихъ такой важный да суровый видъ, это все приликъ одинъ, а на самомъ-то дѣлѣ въ нихъ такая же слабость засыпана, какъ и въ нашихъ деревенскихъ бабахъ. Не плохому“, смущалъ меня Макарка, „тебя обучаю,—хорошему. Вотъ какъ ты“, говоритъ, „по моей рекомендаціи къ какой-нибудь барынькѣ примажешься,—живи не тужи! Всѣ она тогда капиталы свои, землю и усадьбу подъ тебя подпишетъ...“—„Тьфу, ты діаволь! Да у меня своя баба“, думаю,—правда, хвора, а все же она Богомъ самимъ мнѣ за грѣхи

мои присужона...“ Не помню ужъ, ребята, что въ то время еще я думалъ. Только Макарка мнѣ вдругъ и говоритъ: „Давай-ка, другъ, съ тобой въ чехарду сыграемъ, — благо ночь свѣтлая!.. Опять же холодъ этакой, — живо согрѣмся...“ А это ему хотѣлось на меня верхомъ-то всцарапаться да по чистому полю поѣздить!..

— Каковъ, каковъ! — удивлялись мужики.

— Что дѣлать, думаю, бѣда мнѣ теперича пришла, заѣздить онъ меня съ маху, потому я мужичонка безсильный. На мое счастье вспомнилъ я, что вѣдь отъ лѣшаго-то есть заклятье. Остановился я и думаю: дай-ка я этимъ заклятьемъ шарахну; а онъ догадался, что ли, тащить меня, опомниться-то мнѣ не даетъ! „Нечего останавливаться-то“, съ злостью уже закричалъ на меня ярыжная душа, „пойдемъ, сыграемъ въ чехарду!“ А я какъ во всю мочь га-аркну: „овечья морда! овечья морда!“ И прямо, то-есть, голубчики мои, въ рожу ему такъ я и харкнулъ! Гляжу: ужъ швецъ Макарка — вовсе не швецъ Макарка. Выросъ онъ вдругъ съ колокольную большую, да какъ свистнетъ, да какъ хлопаетъ мерзлыми рукавицами, — оглушилъ совсѣмъ, чортовъ сынъ! Отъ его посвиста снѣжная пыль поднялась, ледяныя висюльки съ звономъ съ деревъ посыпались, а самыя деревья съ жалобнымъ скрипѣньемъ такимъ маковками землѣ поклонились... „А, догадался!“ шумить. „Ну, да ничего: будешь ты меня помнить!“ А я все ему: „овечья морда, морда!“ Тогда онъ видитъ, что дѣло его не выгорѣло, еще пуще

въ рукавицы захопалъ, да прыжками отъ меня сажень этакъ по двадцати сталъ уходить... Я вамъ представлю сейчасъ, какъ онъ и прыгалъ-то; глядите, мужики... Вѣдь я все это самъ видѣлъ.

Галченкокъ выскочилъ изъ-за стола и началъ предъ всѣми показывать въ лицахъ, какъ прыгалъ лѣшій. Мы такъ тутъ всѣ со смѣху и покатились. Очень чудно выходило!

— Только онъ не въ примѣръ выше прыгалъ, я по-ево не прыгну, — пояснилъ Галченкокъ. — Онъ эвто прыгаетъ да въ рукавицы хлопаешь, должно, испужать меня еще крѣпче хотѣлъ; а я, видѣвши, что заклятье его до живого мяса хватаетъ, все это ему въ рыло-то и плюю: овечья, молъ, да овечья!.. Не по скусу, должно, голубчику, пришло, не вытерпѣлъ: какъ ударится отъ меня бѣжать, какъ припустится, только снѣгъ изъ-подъ копытъ у него къ небу взвился!.. Утѣкъ! Вотъ, братцы, простое заклятье, а я имъ только отъ смерти отошелъ, ей-Богу!..

— Ну, что жъ, — нетерпѣливо перебили мужики Галченковъ рассказъ, — какъ кончилось, благополучно ли ты до села добрелъ?..

— Н-нѣтъ, братцы, не добрелъ! Успѣлъ онъ-таки обойтти меня, чортовъ сынъ! — съ досадой проговорилъ Галченкокъ и плюнулъ. — Сплоховалъ я малость: надо бы мнѣ тотчасъ, не мѣшкаявши, лѣвой ногой подъ хвостъ его пхнуть, и ничего, все бы благополучно окончилось, а я позапамятовалъ!..

Пошелъ я въ тѣ поры, какъ нечистая сила свалила съ меня, и думаю: авось какъ-нибудь доползу. И вотъ сперва помню: мѣсяцъ пропалъ у меня изъ глазъ. Все свѣтилъ, все свѣтилъ до этого, а то вдругъ пропалъ, не стало его видно! Потомъ вѣтеръ страшенный поднялся и засвистѣлъ и завывалъ! Крутить, крутить такъ-то около тебя морознымъ вихремъ, — вдругъ р-разъ по рожѣ, такъ всѣ глаза и заслѣпнуть!.. Такая метель по всему полю пошла, ровнехонько ничего не видать! Колокольня у меня сначала-то на виду была, а тутъ совсѣмъ изъ глазъ пропала! Что дѣлать? ходилъ-ходилъ, плуталъ-плуталъ—не найду дороги! А вѣтеръ ужъ ревъ какой-то неслыханный поднялъ, словно медвѣдь съ голоду... Вдругъ слышу: колокольчикъ гдѣ-то звенить. Слава тебѣ, Господи! Прислушиваюсь... Метель ровно бы стихла... Точно колокольчикъ бьетъ и явственно бьетъ. Сердце мреть у меня... Молюсь: Господи, вызволи! а колокольчикъ ужъ совсѣмъ близко. Гляжу, тройка скачетъ и прямо на меня. Посторонился... „Тпррру! Стой!“ кричитъ ямщикъ, и осадилъ лошадей. „Прохожій!“ взмолился мнѣ ямщикъ, „сдѣлай божескую милость, погляди на хомутъ у коренника: не рассупонился ли онъ у меня, лѣшій этакой?“ Я сдуру-то и про метель позабылъ,—радъ радехонекъ, что хоть живого человѣка въ мертвомъ полѣ встрѣтилъ. Гляжу, ничего: супонь крѣпко подтянута. Ну, я и говорю ямщику: „поѣзжай, молъ, добрый человѣкъ,—сбруя на лошадакахъ въ порядкѣ“. А коренникъ-то какъ захрапить, какъ зальется слезами... „Өедя“, гово-

ритъ, „или ты меня не узналъ?..“ Смотрю — и въ глазахъ у меня помутилось!.. Въ корню-то находился нашъ старый окружной, — давно ужъ онъ померши былъ; но, при своей жисти, бариномъ считался хорошимъ. Я сичасъ шапку долой передъ нимъ и тутъ же въ карманъ, по старой привычкѣ, полѣзъ, потому любилъ онъ, покойникъ, чтобы мужикъ при встрѣчѣ съ нимъ гостинецъ ему какой ни на есть жертвовалъ, хошь бы, къ примѣру, махорки горсть али сѣна клочокъ... Невзыскательный былъ, такъ мы, бывало, всякую дрянъ валили къ нему въ тарантасъ... А онъ это замахалъ дугой, зазвенѣлъ колокольчикомъ и жалостно такъ говорить мнѣ: „Не безпокойся, Оедя, не лазъ въ карманъ, — я теперича ни съ кого не беру...“

— Слушаю я эту рѣчь и съ диву даюсь; а ямщикъ, проклятый, съ козелъ-то надо мной такъ-то ли грохочетъ, такъ-то ли издѣвается, — просто во все поле ржетъ. „Что“, говоритъ, „узналъ коренного? А? Теперича на пристяжныхъ погляди. Ихъ тоже, можетъ-быть, не узнаешь ли?“ Взглянулъ... Силы небесныя! съ правой стороны запряженъ баринъ нашъ старый — тоже покойникъ, да фартальный изъ нашего города... Обомлѣлъ я. А они мнѣ говорятъ: „Не бойся ты насъ, мужичокъ, мы теперь люди стали смирные, добрые... Выѣздили насъ, самъ видишь какъ! Кости да кожа отъ прежняго тѣла остались!“ Тихо этакъ говорятъ, со слезами — и по глазамъ видно, что житье имъ и у чорта не очень-то вольное... Однакоже, поглядѣвши на нихъ пристальнѣе, увидалъ, что они ужъ и зубки на меня оскаливать

принялись... Тогда я въ безпамятствѣ драго отъ нихъ! Долго ли я отъ нихъ бѣжалъ, коротко ли, — ужъ не помню. Только гляжу: церковь Божія предо мною стоитъ — не деревенская, а городская, богатая церковь. Много свѣчей въ ней горитъ, — пѣвчіе, слышу, въ ней такъ-то ли гулко поютъ. Подхожу къ паперти, а на встрѣчу мнѣ та барыня, какая ко мнѣ во дворъ позапрошлый годъ въѣзжала и красотой своей на грѣшную думу меня навела. И говоритъ мнѣ та барыня: „Ахъ, Одея, какъ я рада, что ты со мной встрѣлся“... Вотъ вамъ правое слово, ребята, не лгу: такъ-таки и отличилась. „Проводи меня до могилки моего супруга, — вмѣстѣ съ тобой мы его любезному праху поклонимся“. Я ей даю отвѣтъ: съ нашимъ, молъ, великимъ удовольствіемъ, ваше высокоблагородіе! Она взяла меня за руку и повела за собою...

— Тутъ, братцы, крѣпко она мою мужицкую мозолистую ручищу своей бѣлой мякенькой ручкой жала и горькими слезами плакалась: „Ахъ“, плачетъ, „лишилась я моего милаго супруга, при младости моихъ лѣтъ!“ И я, видючи ея такія слезы, тоже навзрыдъ плакалъ... Чувствую, что стыдно мнѣ, мужику, по-бабьему плакать, а самъ такъ и разливаюсь рѣкой — потому очень ее мнѣ жалко было...

— Вдругъ, братцы, слышу я голосъ Василья Иваныча, лѣкаря. Заслышавши голосъ, проснулся и вижу: стоитъ надо мною Василій Ивановъ и въ бокъ меня сапогами толкаетъ. „Что ты“, говоритъ,

„Григорьичъ, али ополоумѣлъ? Какъ же тебѣ не стыдно? Пришелъ на праздникъ, а самъ съ чужими бабами заигрывать принялся!.. Развѣ своей у тебя нѣтъ?“ Смотрю, а въ избѣ у Василя Иваныча бабъ видимо-невидимо—и всѣ онѣ надо мной смѣются... Будто, то-есть, я въ пьяномъ полоумствѣ бѣгалъ за ними и руками ловилъ ихъ... Постыдили онѣ меня—и ничего! Опять всѣ сѣли за столъ, а на столѣ у Василя (извѣстно, мужикъ богатый!) вино, пироги, капуста съ масломъ, судачинка это сушеная—просто ѣшь не хочу! Веселимся мы такъ-то у праздника, пируемъ и разлюбезно промежъ себя бесѣды ведемъ... Вдругъ слышимъ: исправникъ съ сельскимъ старостой пріѣхали. „Вотъ нелегкая принесла!“ переговариваемся мы въ избѣ, а тѣ ужъ и въ дверь. „Вы“, говорятъ, „что же это дѣлаете? Отъ податей отбиваться, а пиры да праздники гора горою справлять!“ — „Помилуйте, ваше благородіе, да нѣшь мы часто эти пиры-то справляемъ? Разъ въ годъ только у насъ престоль-то бываетъ“, говорятъ мужики. — „За послѣднюю треть подавай подати, подавай!“ требуетъ исправникъ. „Никакъ нѣту, еще не при деньгахъ“, говорятъ всѣ. — „А на пьянство есть деньги? Старшина! Нечего съ ними, съ пьяницами, попусту рѣчи тратить, опиши-ка ты у нихъ имущество!“ — „По-моему“, говоритъ „старшина, сперва-наперво надо изъ нихъ блохъ повыпужать, ваше благородіе, а послѣ ужъ за имущество... Вотъ я пошлю сейчасъ за волостными судьями“. — „Мы здѣсь“, говорятъ судьи и лѣзутъ въ избу. — „Ну, теперь розогъ!“ кричитъ исправникъ. Гляжу — и

розги говорятъ: „Мы здѣсь, ваше благородіе,“—и тоже въ избу ползутъ, жидкія такія, длинныя... Всѣхъ мужиковъ перебрали, дошла очередь до меня.

— Я не здѣшній, — говорю: — я изъ Арменокъ! „А по насъ“, говорятъ, „хоть бы ты изъ аду былъ, такъ намъ все равно... Намъ“, толкуютъ, „все равно, кого ни полосовать“... Ну, я вижу, что тутъ ничего не подѣлаешь, легъ подъ розги безъ всякаго спору. И ужъ тутъ драли меня, тутъ драли—въ жисть мою такой порки не только надъ собой, надъ другими не видывалъ! И реву я, братцы, подъ розгами, горько, словно волкъ вою!.. Вдругъ голосъ: „Галченкокъ, о чемъ ты, дуракъ, реवेशь?“ Проснулся: стоитъ передо мною поповъ работникъ, самъ я лежу въ соломѣ у своего овина, а тутъ Арменки, и на дворѣ свѣтло!

— Принялся я тутъ, братцы мои, на нашу церковь креститься! Долго молился... Да вотъ съ тѣхъ поръ и не пью... Ну ее совсѣмъ!—такъ закончилъ Галченкокъ свой рассказъ и вылилъ изъ полштофа послѣднюю водку.—Такъ вотъ иногда съ пріятелями побалуешься по малости, а чтобы, то-есть, вдовсталь,—шалишь...

— Да это какая же питва?—протяжно и уныло толкуютъ мужики.—Это что за питье! Въ прохладѣ полштофа выпить!.. Это, братъ, не бѣда!.. А вотъ этакъ-то ежели...

— Да этакъ-то ежели, такъ Боже избави!—подхватили на сосѣднихъ столахъ.

— Ну, Галченко, помаялся же, братъ, ты! Здорово пробралъ тебя лѣшачокъ!.. Хорошо, что Богъ избавилъ, а то бы тутъ...

— Извѣстно! извѣстно!.. Тутъ бы ты совсѣмъ загинуть долженъ... Да-вай-те-ка, ребята, на складчину... Всей компаньей!.. Да право, ей-Богу! По дворамъ еще рано итти, а тутъ еще, можетъ, кто-нибудь другую рацею расскажетъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, ребята! Чудесное дѣло задумали!—единодушно согласились мужики, вытаскивая изъ-за пазухъ кожаные кошели и звеня мѣдными деньгами.

Долго еще мужики сидѣли въ трактирѣ, около желѣзной печки. Никому не хотѣлось отъ такой благодати домой итти.

А между тѣмъ на дворѣ метель мететь, такъ и крутить, и вѣтеръ злобно и неотходно воетъ въ маленькія оконца хатъ. Въ этихъ оконцахъ кое-гдѣ еще чуть-чуть брезжетъ лучина, ожидающая, когда придетъ ночевать владыка и хозяинъ дома.

— Слышь, вонъ какъ лѣшіе-то разгалдѣлись! — переговариваются въ трактирномъ теплѣ хозяева и владыки сельскихъ избенокъ. — Попадись къ нимъ теперь въ лапы живая душа, ну и простись съ бѣлымъ свѣтомъ!

Боятся у насъ на Руси нечистой силы до смерти! И какъ не бояться, когда рѣки у насъ бездонныя, поля неоглядныя, а лѣса суровыми дремучими борами на многія тысячи верстъ идутъ... По такому

раздолью не гулять нечистой силѣ, такъ гдѣ жъ ей и гулять?.. Да ее съ этого полевого и лѣсного раздолья никакими кольями не выгонишь и изъ недо-вѣдомыхъ рѣчныхъ омутовъ никакими удами не выловишь...

Чудная ночь.

Близъ края деревни, на притыкъ, стоитъ изба вдовы Аксиныи.

Новенькая, срубленная изъ молодого сосноваго лѣса, пріютилась она между двумя бѣлыми и развѣтвистыми березами и такъ-то хорошо свѣтится, такъ-то любовно глядитъ тремя своими оконцами на широкое всполье, что кто мимо нея ни пройдетъ, кто ни проѣдетъ—непремѣнно полюбуется, а иной еще пріостановится и скажетъ:

— Вишь, гдѣ приткнулась!.. Да давно ли это? Какая за лѣто избенышка выросла!

— Славная хороминка!—переговаривались обозники, доставляющіе съ Волги хлѣбъ въ наши лѣсныя мѣста. — Такъ надо полагать, братцы, что тутъ какая-нибудь добрая душа себѣ гнѣздо завела. Потому привѣтно да радочно и глядитъ избе-ночка!

Какъ бы въ отвѣтъ на это предположеніе у одного изъ оконцевъ показывались съ бѣлокуроыми головками

и розовыми личиками мальчикъ и дѣвочка. Обнялись дѣти и, застѣнчиво улыбаясь, съ любопытствомъ смотрятъ на длинный обозъ и выступающихъ за нимъ цѣлой гурьбою мужиковъ.

— Такъ и есть, — воскликнулъ одинъ: — вонъ ужъ и птенцы повывелись!.. Пстой-ка, паря, я добѣгу, узнаю, что тамъ...

Отъ артели отсталъ нагольный тулупъ, твердый, какъ дубовая кора, насквозь провощенный; свернулъ онъ съ дороги и зашагалъ прямо черезъ сугробы къ новой избѣ. Завидѣли его птенцы, и не знаютъ, что имъ дѣлать: юркнуть ли на полати или немного повременить. Но тулупъ вмѣстѣ съ шапкою, сдѣланною изъ волчьяго хвоста, закивалъ дружелюбно и засвѣтился большой, широкой русой бородою.

— Ну-ка, приподними стеклышко, хозяинъ!

— Чего тебѣ надо, дядюшка?

— Добраго здоровья, хозяинъ! — кланяется тулупъ. — Не одолжишь ли чего напиться?

При этихъ словахъ дѣвочка куда-то исчезаетъ, а мальчикъ остается у окошка, заслоненнаго бородою.

— Давно ли въ новый-то домъ перешли? — спрашиваетъ тулупъ.

— Да не такъ чтобы давно: съ Покрова только...

— Та-акъ. А гдѣ жъ у васъ большакъ-то?

— У насъ батюшки нѣтъ...

— А мать?

— Матушка въ лѣсокъ ушла, валежничку поспать.

Тутъ снова появляется дѣвочка, держа въ рукѣ желѣзный ковшикъ.

— Вотъ, дядюшка, принесла я... На, испей!

Черезъ открытое оконце просовывается въ избу громадная ручища и принимаетъ ковшъ.

— Квасокъ! — улыбнулась борода. — Ахъ, ты, птичка!.. Уважила дѣвка... Вотъ за что спасибо, такъ спасибо!

Въ ладъ съ широкою бородою заулыбалась и шапка изъ волчьяго хвоста. Тонкій, какъ весеннее щебетаніе пташекъ, ребячій смѣхъ разлился по новой избѣ.

— А? Такъ вы смѣяться надо мною! — грозно заговорилъ тулупъ и полѣзъ за пазуху.

— Да на тебѣ, дядюшка, больно ужъ шапка чудна... и борода у тебя смѣшная!..

Не вытерпѣлъ тулупъ, засмѣялся самъ и сказалъ:

— Ну, ладно!.. Когда поѣду назадъ, гостинецъ вамъ изъ города завезу, а пока вотъ вамъ отъ меня награда — двѣ копѣйки серебра. Богатѣйте съ моей легкой руки! Прощайте! Помните дядю Петра!

На подоконникъ упала монета, а тулупъ отправился догонять обозъ.

Съ тѣхъ поръ нерѣдко случалось, что какой-нибудь дядя Антипъ или Пудъ, завидя проѣздомъ въ окнѣ малыхъ дѣтокъ, свертывалъ съ дороги къ новой „хороминкѣ“, просилъ напиться и клалъ на подоконникъ свои мѣдяки.

Несмотря на свое одиночество и сиротство, не было изъ всей деревни веселѣе избы вдовиной.

Какъ, благослови Богъ, вошла Аксиныя въ свой домикъ, такъ въ первый же день къ ней нагрянули дѣвки и говорятъ:

— Отдай избу намъ въ кортому, вдова: мы къ тебѣ, Аксиныя, на бесѣдки станемъ ходить.

И вотъ, какъ только по деревнѣ зажгутъ лучину, изъ вдовьиной избы ужъ и несется на волю пѣсня:

Красна дѣвица, слуга,
Заложи добра коня!..

— Экое у меня веселье! — говорила вдова, и ея лицо, начинавшее отъ заботъ безвременно стариться, опять молодѣло, и по щекамъ разливался легкій румянецъ. — Играйте, дѣвушки! Пока молоды, — веселитесь, милыя!..

Ужъ вы ельнички, вы березнички,
Молодые горькіе — все осиннички!

пѣли дѣвки, сидя за своими прялками, и расходились съ бесѣдки развѣ только послѣ третьихъ пѣтуховъ.

Почти ужъ половина святокъ минула. Отошли въ деревнѣ Хмелевкѣ святочные „игрища“, которыя шумно справляются въ первые три дня. Дѣвки успѣли и въ сосѣднихъ деревняхъ „отгоститься“, вернулись къ домамъ и опять съ работами собрались на бесѣдку къ вдовѣ Аксиныѣ.

На Хмелевку только-что спустилась ночь. Въ глубокой синевѣ неба заблестали крупныя звѣзды... Въ улицѣ тишина и безлюдье; одни неровно вспыхивающіе и точно бы какіе старческіе глаза мигаютъ огоньки въ замерзлыхъ оконцахъ черныхъ избъ, давая знать голоднымъ волкамъ, что деревенскіе люди еще не спятъ. Кругомъ, въ полумракѣ, стелются бѣлыя поля; встаютъ посреди ихъ разбросанные голые кусты, уродливыми черными пятнами лежатъ окрестныя селенія, и со всѣхъ сторонъ темнѣетъ и хмурится дремлющій лѣсъ... Вотъ, гдѣ-то далеко-далеко, надъ темнымъ лѣсомъ что-то засеребрилось, начинаетъ быстро расти и шириться, окрашиваясь въ золотисто-розоватый цвѣтъ; верхушки сосенъ и елей отчетливо выдѣлились и обрисовались. Еще немного—и свѣжій, полный мѣсяцъ выкатился изъ-за лѣса и тихо, незамѣтно поплылъ по небесной лазури.

Между двумя высокими березами, разукрашенными бахромою инея и облитыми сіяніемъ мѣсяца, ярко бьетъ свѣтъ изъ вдовиной избушки. Въ окнахъ черезъ чистыя стекла промелькнетъ порою густая коса, покажется молодое женское лицо, и отразится на стѣнѣ чья-нибудь тѣнь. А съ новыхъ полатей свѣсились двѣ бѣлыхъ головенки и слушаютъ, о чемъ говорятъ въ избѣ; покраснѣли щеки ребятокъ, и блестятъ, какъ звѣздочки, ихъ свѣтлые глазенки.

Въ свѣтцѣ широкимъ пламенемъ горитъ лучина. По лавкамъ съ гребнями сидятъ дѣвки и прядутъ; весело пляшутъ въ ихъ рукахъ веретена, кружась

и обвиваясь нитками. Сама хозяйка дома, Аксинья, пристроилась съ своею прялкою на скамейкѣ, около выбѣленной печи, и время отъ времени поправляеть въ свѣтцѣ лучину и зажигаетъ новую. Къ ней присусѣдилась съ шитьемъ полная молодая баба. Парней на бесѣдѣ нѣтъ. Пѣсенъ бесѣдницы не заводятъ: давно не видѣлись, такъ надо обо всемъ поговорить и перемолвиться между собою тайнымъ словомъ. А за недѣлю святокъ не мало всего было: водили игрища, бѣгали заворачиваться, цѣловались съ парнями и... многого даже не припомнишь!.. Успѣли все, о чемъ слѣдуетъ, рассказать, ничего, кажется, ужъ не осталось и—замолчали...

— Сколько грѣховъ мы, дѣвоньки, на душу приняли! — проговорила одна изъ дѣвицъ и наклонилась почти къ самому гребню своей молодой головою.

Низко склонились головы и другихъ бесѣдницъ. Подъ вліяніемъ мысли о сдѣланныхъ грѣхахъ всѣ притихли и нѣсколько минутъ пряли молча... Въ избѣ лишь потрескивала весело горѣвшая лучина, да съ улицы заглядывала въ окно мѣсячная ночь.

— А что, — подружки, — нарушила молчаніе черноволосая дѣвушка: — неужли и нонче мы о святкахъ не сходимъ въ овины поворожить?

— Что ты, что ты еще удумала! — накинулась на дѣвушку половина бесѣды. — Безъ того не знаешь, куда грѣхи дѣвать, а ты еще въ овинѣ... Смотри, Матрена, онъ тебя ужъ когда-ни-то да облапять! Попадешься ты ему въ когти...

— Ахъ, грѣхи наши, грѣхи! — завздыхала молодая баба, растопыривъ передъ собою работу, надъ которой прилежно трудилась.

Мысль о грѣхахъ снова восторжествовала на бесѣдѣ.

— Вотъ попъ спрашиваетъ, чтобы всѣ грѣхи ему говорили, — продолжала молодница. — А какъ всѣ говорить? развѣ ихъ вспомнишь?

Одна изъ дѣвокъ, русоволосая Марѳа, подхватила:

— А онъ, молодая, ежели не вспомнишь, кулакомъ въ бокъ!.. Тутъ не то что вспомнить, такъ еще засмѣешься!..

— А вотъ, дѣвоньки, — поучала молодница, — самый большущій грѣхъ, ежели баба изъ-за мужа гуляетъ съ парнемъ, али мужикъ изъ-за жены.

Всѣ согласились.

— Ну, а ежели дѣвка съ парнемъ гуляютъ, — оба холостые, — такъ это, баютъ, не грѣхъ, — сказала востроносенькая, съ тонкими чертами лица, дѣвушка, по имени Аѳанасья.

— Тогда не грѣхъ, когда парень женится на этой дѣвкѣ...

— Все равно, ежели они и не женятся, — подала свой голосъ Матрена: — они по своей волѣ гуляютъ, другъ дружкѣ не мѣшаютъ.

— Еще вотъ грѣхъ, — отыскала все та же молодая баба: — придешь ежели въ церковь да оглянешься въ первый разъ, — такъ Богъ считаетъ, что ты ужъ у дверей. А въ другой разъ оглянешься — на паперти; а въ третій — за оградой, все равно, значить, что не молилася... А ежели когда посмотришь въ

церкви на парня, который хорошенькій, да подумаешь, что онъ хорошъ, а еще когда и спросишь, чей такой,—такъ тоже грѣхъ.

— Эка, дѣвоньки, сколько грѣховъ-то вы насчитали! — промолвила Аксинья.

Помолчали.

— Дьяконъ, баютъ, — начала рябоватая Татьяна, — три раза въ году, когда выходитъ съ евангеліемъ на головѣ, видитъ, кто святой, кто грѣшный.

— Да онъ каждое воскресенье выходитъ!

— Выходитъ да не съ евангеліемъ на головѣ. Три разъ только на головѣ... Знаешь, какъ попъ выходитъ съ крестомъ на головѣ: тогда онъ cadaго видитъ, поводитъ головою по всѣмъ. Видитъ тогда онъ, что самый грѣшный стоитъ съ половиной туловища, а ежели кто поменьше имѣетъ грѣховъ, такъ тотъ безъ головы стоитъ, а ежели кто святой, онъ стоитъ прямо весь.

— А не слышно, дѣвоньки, попъ-отъ не сказывалъ ли, кого онъ изъ насъ безъ туловища али безъ головы видѣлъ? — любопытствовала молодая, дѣлая какую-то прорѣшку на своемъ шитьѣ.

— Да развѣ попъ кому скажетъ? Такой онъ чловѣкъ!

— Хоть бы безъ головы-то мнѣ Богъ привелъ! — пожелала молодица... Не поврежденной гдѣ ужъ бабѣ?... Мнѣ такой не быть!..

— Баютъ, — рассказывала дальше Татьяна, — въ Егорьевскомъ приходѣ святыхъ только одна женщина — баба, что въ Ледины взята и выдана въ большую семью. Надъ ней какъ всѣ надругались,

она терпѣла и жила съ мужемъ хорошо. Теперь, бають, она святая.

Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, какъ-то случайно попавшая на бесѣду „большихъ“, пріостановилась прѣсть и сказала:

— А я слышала, что Прасковья-то великомученица прежде была... грѣшная. Была богатая, все продала и раздала по бѣднымъ, а сама пошла въ крещеную вѣру. Богъ ее простилъ.

— Зла людямъ не дѣлай,—вставила слово Матрена, — Богу не за что тогда съ тебя взыскивать... Экая ночь-то, подружки! — заглянувъ въ окошко, прибавила она, и черные глаза ея вспыхнули.— Неужь мы, хоть погода-то, не выдемъ, не погуляемъ при мѣсяцѣ?... Да что это изъ парней никто нейдетъ!

— А тебѣ хочется погулять? — слышалось съ полатей.

— Страсть какъ хочется, Василко! — отвѣтила Матрена.

— Ну, такъ я слѣзу...

— Куда это ты, сынокъ, собираешься?—вскинувъ къ полатамъ голову, спросила Аксинья.

— Къ Матрешѣ. Больно мнѣ охота теперь погулять. Вишь, какъ на улицѣ мѣсяцъ свѣтитъ!

— Вотъ тебѣ, Матрена, женихъ! — засмѣялись на бесѣдѣ.— Нечего и въ овинъ ходить: судьба сама къ тебѣ съ полатей валить. Ай, Василко!

Смѣялись дѣвки надъ Матреною, а сами никакъ не могли удержаться, чтобы не заглянуть въ окошко: мѣсяцъ все ярче и ярче свѣтилъ, бѣлыя поля такъ и отсвѣчивали милліонами разноцвѣтныхъ искръ, а

небо, успѣвшее сдѣлаться голубымъ, съ безчисленными хоровами прекрасныхъ звѣздъ, приковывало къ себѣ людскія очи и сулило покоившейся во снѣ землѣ вѣчныя радости и блаженство.

— А правда ли, что дядюшка Трофимъ колдунъ?—вырывается чей-то голосъ на бесѣдѣ.—У него, бають, есть приворотный корешокъ. Ежели этимъ корешкомъ кольнуть парня, какого хошь,—хоть королевскаго сына, — такъ онъ отъ тебя ни за что не отойдетъ: твой будетъ!

— Попросить бы, дѣвоньки, у Трофима этого приворотнаго корешка,—заявляетъ желаніе молодая баба, продолжая усердно шить:—далъ бы онъ хошь на время своего корешка...

— Ни за что не дастъ!—отвѣчаетъ подростокъ.—Дядюшка Трофимъ баеть: мнѣ самому завсегда нуженъ этотъ корешокъ...

Что-то стукнуло въ сѣняхъ, слышались шаги, и дверь отворилась.

— Аль гости?

Въ избу вошла дѣвица лѣтъ семнадцати, здоровая и красивая, съ румяными щеками.

— Миръ честной бесѣдѣ!—сказала новоприбывшая, не скидая съ себя шубы.

— А, это ты, Агаѣя,—послышалось на бесѣдѣ.—Разболакайся да присаживайся къ намъ!

— Вѣдь я на малое время,—отвѣчала краснощекая дѣвица, останавливаясь посреди избы.—У батюшки гость сидитъ... Ну, думаю, сбѣгаю къ дѣвкамъ, погляжу, какъ онѣ тамъ святѣшничаютъ!...

— На томъ тебѣ спасибо, сударыня! Не забыла, значить, своихъ подружекъ, — сказала Марѳа. — Однако, ты что, лѣсная, не садишься?

— Нѣшь и то присѣсть! — опускаясь на лавку, проговорила Агаѳья. — Больно ужъ, дѣвки, на дворѣ баско: — такая-то ли свѣтлынь, равно какъ днемъ.

Матрена двинула черными бровями, кинула украдкою взглядъ на подругу, повела головой на окно и усмѣхнулась. Агаѳья поняла...

— Ну, о чемъ вы тутъ безъ меня разговоры вели? — спросила она, ни къ кому прямо не обращаясь. — Аль пѣсни играли?

— Какія у насъ пѣсни! — отозвалась Аксинья. — Передъ твоимъ приходомъ начали было про корешокъ приворотный рассказывать, а то сидѣли цѣлый вечеръ да только грѣхи перебирали... Вонъ, молодайка спастись задумала!..

— Неужто? Соломонида-то?!

Дружный смѣхъ поднялся на бесѣдѣ...

— Чему вы, дуры? — немного какъ будто обидѣлась молодая баба. — Развѣ худо, ежели человѣкъ замыслить спастись?

— Ну, такъ и есть, — подхватила боецъ-Марѳа. — Ты давно въ скиты собиралась...

— А ты какъ обо мнѣ полагаешь? Нѣшь не уйду, ежели захочу?

— Чай, сперва докончишь хоть работку-то? — не унималась насмѣшница. — А то въ конецъ обездолишь мужа... Вишь, узоры-то раскинула!

Баско — хорошо.

Новый взрывъ смѣха. Соломонида хотѣла, было, что-то сказать, но посмотрѣла на веселыя лица бесѣдницъ и сама также весело разсмѣялась...

Послышались съ воли звуки гармоники.

— Чу!—встрепенулась бесѣда.—Къ намъ вѣрно идутъ?

Гармоника наигрывала какую-то неистово-плясовую пѣсню. Бойкіе звуки лились въ ночномъ воздухѣ, неудержимо стремились куда-то впередъ и, снова возвращаясь, звонко разсыпались по всему полю, дерзко будили голубую ночь, заполоненную мѣсячнымъ сіяніемъ, задорно смѣялись и точно дразнили кого...

Притихло дыханіе на бесѣдѣ...

— Должно, прошли мимо, — заговорили, когда звуки гармоники стали уже слабѣть, убѣгая вдаль и кого-то словно бы зовя и о чемъ-то тоскуя.— Кто бы это такіе были? Двое шли...

— Одинъ - то, гляди, пришлый изъ Митревки, — сказала Агаѣя, а другой — Антона Поликарпова сынъ, Петръ. Я запримѣтила ихъ, какъ даве сюда бѣжала.

— Куда бы это имъ итти?—раздумчиво проговорила Матрена.

— Куда? Митревской-то, поди, въ свою деревню Петруньку ведетъ... Ахъ, дѣвоньки, я забыла вамъ про что сказать!

— Про что?.. Сказывай!

— У бати теперь сидитъ Антонъ Поликарповъ. Батюшка самъ привелъ его въ гости... Приходитъ батюшка выпивши и баетъ: „Что ты не ревелъ?“

А я говорю: „Да не о чемъ пока: горя большого и печали нѣтъ...“ А батюшка мнѣ и баеть: „Не отдамъ тебя въ чужой приходъ; сплеховаль, что отдалъ и Груняху...“ Это про старшую-то мою сестру баеть. Антонъ Поликарповъ смѣется, а ничего не говоритъ...

— Ну, быть тебѣ, значить, въ семьѣ Антона Поликарпова.

— Богъ вѣдаетъ... Дѣвоньки, да пойдете, погуляете малость!

— Дѣло, подружки!—обрадовалась Матрена.—Я пойду... Меня давно на улицу манить!

— Въ овины, что ли, завораживаться?—полюбопытствовала молодица. — Смотрите, ухватить онъ васъ!..

— Ну, дѣвоньки, мнѣ отъ васъ не отставать стать,—сказала Марѳа, закидывая на полицу свой копылокъ:—гулять, такъ гулять намъ вмѣстѣ!..

— Ежели вы недалеко, такъ я тоже пойду!—заколовъ шитье иглою, вызвалась и Соломонида.

— Въ добрый часъ! — пожелала Аксинья. — Погуляйте, а мы тутъ безъ васъ попрядемъ да пѣсенокъ попоемъ! Може, и про судьбу загадаемъ.

Попрежнему тишина и покой, невозмутимый покой, царять на деревнѣ...

Весь порядокъ, обращенный къ мѣсяцу, облить мягкимъ свѣтомъ: окутанныя соломой избы, дворы съ тесовыми навѣсами, выдавшимися надъ плотно затворенными воротами, высокія на столбахъ крыль-

ца, сверкающій пышный снѣгъ на кровляхъ, даже узоры на замерзшихъ стеклахъ, — все, до мельчайшихъ подробностей, такъ ясно и отчетливо видно при мѣсяцѣ. Другой порядокъ, на противоположной сторонѣ, точно спрятался, и дворы слились въ теми: широкая тѣнь откинулась отъ его строеній, захватила чуть не полъ-улицы и протянулась вдоль всей деревни, перерѣзываемая лишь свѣтлыми полосами въ прогонахъ.

На крыльцѣ одной избы, стоящей на освѣщенной сторонѣ, заскрипѣла протяжно дверь, и вслѣдъ затѣмъ раздались мужскіе голоса.

— Не ходи!.. Не утруждай себя, — говорилъ мужикъ въ полушубкѣ и шапкѣ.

— Ничего, я провожу, — отвѣчалъ другой, показываясь на крыльцѣ въ рубашкѣ и съ открытой головой.

— Э, не дѣло, свать! Ты остудишься!

— Не перечь, Антонъ Поликарповъ... Хочу тебя проводить — и провожу...

— Слушай, Потапъ Сидорычъ: вѣдь ты теперь распотѣвши и въ одной рубахѣ...

— Вѣрно. А ты мнѣ свать, али нѣтъ?

— А ты разѣ ужъ забылъ, что мы по рукамъ ударили?

— Такъ что же ты зря мелешь?.. Поворачивай оглобли да опять въ избу: вина у насъ, чай, еще осталось!

— Что ты?! — ужаснулся свать. — Нѣшь можно?..

Снова заскрипѣла дверь, и голоса разомъ замолкли.

Въ это время отъ вдовиной избы отдѣлились четыре женскія фигуры, пріостановились на минуту, вперивъ глаза на свѣтившій прямо въ ихъ лица мѣсяцъ, оглядѣлись вокругъ и, одна за другой, стали перебѣгать наискосокъ черезъ дорогу. Достигнувъ темной стороны, онѣ пошли уже не спѣша и крадучись, чтобы не быть кѣмъ замѣченными, по тропинкѣ, проложенной мимо самыхъ избъ; черезъ двѣ-три минуты фигуры совсѣмъ потонули въ густой тѣни. Едва только онѣ скрылись, какъ изъ-за березъ, заботливо охранявшихъ сиротское гнѣздо, выползли два парня, безшумно поднялись, — у одного въ рукахъ была гармоника, — тихо о чемъ-то переговорили между собою и потомъ оба пошли на деревню, но за угломъ перваго же двора исчезли...

Осторожно и не торопясь подвигались впередъ смѣлая бесѣдницы. Вотъ ужъ и домъ Агаѣи. Еще два прогона — и конецъ Хмелевки, поле чистое и дорога прямо въ село...

— Постойка - те, дѣвоньки!.. Ровно бы мужики гдѣ говорятъ!..

Пріостановились.

Дѣйствительно говорятъ, и говорятъ на ближнемъ крыльцѣ.

Ты никакъ въ одной рубахѣ вышелъ? — спрашиваетъ мужской голосъ.

— Нельзя, надо проводить, — отвѣчаетъ другой: — ты — гость, а я — хозяинъ... Гостя завсегда надо уважить...

— Я и безъ того много доволенъ, Потапъ Сидорычъ... Ты остудишься! Вернись въ избу!..

— Ничего... на дворѣ тепло: вишь, какая свѣтлынь разливается!.. А ты — чудакъ, право-слово, чудакъ-человѣкъ! толкуешь все: остудишься!.. Слушаю это я, и больно мнѣ на тебя смѣшно, Поликарпычъ! Право слово! Вотъ такъ-таки и хочется мнѣ разсмѣяться!..

Не сдержались при послѣднихъ словахъ въ тѣни, насупротивъ; фыркнули, расхохотались на всю улицу и кинулись бѣжать, позабывъ о всякой осторожности.

— Это ты, Антонъ Поликарповъ?..

— Что ты, свать?! Слышишь, чай, гдѣ грохочутъ!

Свѣтлая полоса, на которую набѣжали дѣвки съ молодойкою, окончательно ихъ выдала: оба свата — слава Богу! — не утратили еще способности распознавать предметы, и потому, какъ только увидѣли, такъ сразу же безъ особеннаго труда и сообразили, что смѣхъ принадлежалъ не кому иному, какъ именно четверемъ женскимъ фигурамъ, такъ неожиданно выдѣлившимся посреди улицы

— Видѣлъ, свать, кто?..

— Видѣлъ!.. Гляди, свать, не съ ними ли и моя кобыла? Подемъ за дѣвками? Да право! Посмотримъ, куда онѣ, хвосты-то задравши, скачутъ такъ прытко!..

— Съ ума ты, что ли, сошелъ? Да ты весь остудишься!

— Подемъ, свать... Погуляемъ! Больно ужъ ночь хороша...

— Да ты хоть шубу накинъ... Нѣшъ такъ можно?

— Ладно. Шубу я, пожалуй, прихвачу.

Немного спустя, оба свата въ шапкахъ, вале-ныхъ сапогахъ и полушубкахъ,—на одномъ полушубокъ въ накидку,—сходили, обнявшись, съ высокаго крыльца, подолгу останавливаясь почему-то на ступенькахъ. Они громко смѣялись, очевидно совершенно довольные другъ другомъ...

— Ахъ, свать! — говорилъ одинъ: — погуляемъ...

— Погуляемъ,—соглашался другой.—Ты ужъ на меня положишься... Я тебя соблюду!..

— Соблуди!.. Ты это можешь?.. Дѣйствуй!..

— Какъ есть... Могу!

— Ладно!.. Запѣвай, коли такъ, „зазнобушку“! Свать безпрекословно повиновался.

„За-а-азно-о-о-обушка больша-ая...“

началъ Антонъ Поликарповъ, размахивая правой рукою, а лѣвою продолжая обнимать свата и энергически потрясая головой.

„Ой! не про насъ ли съ тобой, за-а-азно-о-обушка“,

подхватилъ Потапъ Сидорычъ такимъ сильнымъ голосомъ, что разбудилъ гдѣ-то спавшую дворняжку, которая вскочила, вытянула шею и завывала на мѣсяцъ.

„Злы-е лю-люди го-го-говор-я-я-ять“,

продолжали оба пѣвца...

— Стой, свать! Полушубокъ свалился...

— Да надѣнь ты его въ рукава... Ахъ, какой ты, Сидорычъ!.. Вѣдь ты остудишься!

— Не бойсь. Въ накидку свободнѣй мнѣ пѣть... Ну!..

„Ой! тебя, бабочка, все ругаютъ,
Ме-ня, меня, молодца, браня-я-ять!..“

— Сватъ, а гдѣ жъ дѣвки? Онѣ бы намъ подсобили... Потеряли мы дѣвокъ!

— Найдемъ. Далѣ села не пойдутъ... Придерживай, придерживай полушубокъ, сватъ. Говорю тебѣ: остудишься!

А дѣвки между тѣмъ были ужъ за деревнею и шли по дорогѣ полемъ, раскинувшись передъ ними неоглядной бѣлой скатертью. Онѣ хотѣли было пройти только до конца деревни—убѣдиться, что за ними никто изъ парней не подсматриваетъ, и затѣмъ повернуть тихонько къ овинамъ; но чудная ночь, съ ея волшебными красотами и чарами, помимо воли, уносила ихъ все дальше, манила куда-то и звала неслышно, но тѣмъ не менѣе настойчиво и страстно... Особенно дѣйствовала эта ночь на Матрену: вся она поддалась ея непреодолимой силѣ и чуть не бѣжала, не обращая вниманія на своихъ подругъ...

— Будеть, дѣвоньки, — заговорила первая Марѳа.—Куда вдальку-то забиваться.

— Гляди, еще встрѣнется кто, — предостерегала Соломонида: —напугаетъ!

— Матрешь!—позвала Агаѳья.—Вернемся?

Не сразу, однако, отозвалась дѣвушка.

— Да что ты, въправду дуришь? — заговорили снова подруги.—Въ полѣ и безъ того однѣмъ жутко, а тутъ еще ты...

— А мнѣ любо, дѣвоньки! — отозвалась Матрена и вздохнула такъ довольно.—Чего бояться?..

Этакая ночь... Да я бы не ушла съ улицы: воля, гуляй на просторъ дѣвичья душа!

— Матрена! — сказала молодайка. — Вотъ ты у насъ смѣла. Ежели бы повстрѣчался намъ сичасъ на лошади парень, — знамо какой хорошенькій! — повстрѣчался бы и позвалъ съ собою: не за дурнымъ чѣмъ, а такъ... Испугалась бы ты?

— Я?.. — и Матреша засмѣялась. — Я вскочила бы въ саночки къ пареньку, молодайка, выхватила у паренька изъ рукъ вожжи, поприжалась къ нему поближе — только бы вы тогда меня и видѣли!

— Ахъ, ты отчаянная! — удивилась Соломонида. — А мнѣ бы тутъ и конецъ всей жисти: обмерла бы я въ саняхъ отъ страсти.

— Про тебя что ужъ говорить, — подпустила Марѳа: — ты у насъ баба робкая. Не даромъ въ скиты-то хошь итти... Ну, дѣвки, повернемъ ко дворамъ?

Повернули назадъ и пошли молча, глядя на свѣтлый мѣсяцъ, ярко сверкавшія звѣзды и бѣлое поле. Безмолвное, таинственное, оно, казалось, спало въ объятіяхъ голубой ночи, а надъ нимъ невидимо летали чудные сны; отъ этихъ сновъ почти ежеминутно кругомъ точно что вспыхивало и загоралось, точно чья грудь сладко поднималась — нѣжная и ослѣпительная, вся блистающая грудь...

— Видите, дѣвоньки, какъ снѣги трепещутъ! — указывала Матрена. — Это они съ мѣсяцемъ переговариваются.

— Ахъ, матушки! — испугалась молодая баба. — Ровно живое что шевелится!

— У тебя зашевелится, — упрекнула Марѳа: — сидѣть бы лучше тебѣ за мужниной работой, чѣмъ съ дѣвками-то хороводиться!.. По что увязалась за нами, коли ты всего боишься?

— Молодайка не боится, — заступилась Агаѳья: — она это насъ только испытываетъ. А вотъ погляди ужо, ежели она съ нами въ овинъ заворачиваться не пойдетъ.

— Молчите, дѣвки! — въ полголоса проговорила Матрена: — жильѣ близко, услышатъ... Надо будетъ взять направо, околицей да на гумно къ дядѣ Трофиму: тамъ большая тропа къ овину.

Сваты долго отыскивали пропавшихъ изъ глазъ дѣвокъ, но, сколько времени они ни бродили, никакъ не могли выбратся за черту деревни: очевидно, ночь успѣла и на нихъ напустить свои чары. Къ счастью, Антонъ Поликарповъ замѣтилъ въ одной избѣ свѣтъ и пригласилъ свата итти на огонекъ: навѣрно, тамъ добрые люди имъ скажутъ, какъ отыскать дорогу прямо къ селу. Каково же было изумленіе обоихъ сватовъ, когда они, послѣ довольно продолжительныхъ обшариваній четырьмя руками, нащупали, наконецъ, дверную скобу, дернули за нее и очутились лицомъ къ лицу съ цѣловальникомъ: они попали прямо въ кабакъ! Хотя сваты и не взяли съ собою денегъ, но какъ оба они были люди почтенные и цѣловальнику давно извѣстные, то ни малѣйшаго затрудненія не встрѣтили въ полученіи небольшихъ размѣровъ посу-

дины. Они ни за что бы не спросили себѣ вина, если бы къ тому не побудило ихъ простое чувство „совѣстливости“: обезпокоили, можетъ, человѣка, ввалились къ нему въ неурочное время, и вдругъ уйти такъ, ничего даже не выпивъ? Стыдно, не хорошо... Усидѣвши по маломъ времени одинъ всего полуштофъ, сваты дружески распростились съ цѣловальникомъ, предварительно запасшись отъ него всѣми и самыми точными указаніями относительно дороги въ село, потрясли разъ двадцать руку хозяина заведенія и благополучно выбрались на крылечко. Антонъ Поликарпычъ, какъ человѣкъ предусмотрительный и вѣрный данному слову—соблюсти пріятеля, выступалъ впереди и показывалъ свату дорогу: первымъ скатился съ крутой лѣстницы и очутился чуть не посреди улицы, приглашая за собою слѣдовать и Потапа Сидорыча, который въ нерѣшительности продолжалъ стоять на верху крылечка.

— Только осторожнѣй, свать,—взывалъ Антонъ Поликарпычъ.— Одна ступенька подгнила... Не оступись, помилуй Богъ!..

Но тутъ съ ними произошло новое очарованіе. Прежде всего Антону Поликарпову показалось, что нареченный его свать задумалъ дать отъ него тягу и направиться въ гости къ мѣсяцу; онъ видѣлъ, какъ тотъ взмахнулъ крыльями и полетѣлъ, но особымъ манеромъ, не по-людски: взвился свать ногами прямо къ небу! Не успѣлъ Антонъ Поликарпычъ глазомъ моргнуть, какъ видитъ, что пріятель уже возвратился изъ гостей, растянулся на

снѣгу и лежить преспокойно, какъ у себя дома на полатахъ или кутникѣ. Потапу же Сидорычу въ свою очередь представилось, что его нареченный свать стоитъ на корточкахъ и колдуетъ на шапкѣ. Оба свата сперва разсмѣялись, потомъ принялись дѣлать взаимныя попытки къ сокращенію пространства, раздѣлявшаго ихъ другъ отъ друга, и, наконецъ, радостно, отъ полноты сердца, заговорили:

— Свать! все ли у тебя благополучно?

— Слава Богу. Я доволенъ...

Въ голосѣ пріятелей слышалось полное довольство своимъ положеніемъ.

— Я тебя соблюду, — говорилъ съ чувствомъ одинъ. — Только ты не остудись!..

— Не забуду твоего пріятства, свать, — отвѣчалъ растроганно другой. — Соблуди... Ты тверже меня земли держишься.

— Ужъ я сказалъ разъ: соблюду, — и ты не пропадешь... Держи только крѣпче на плечахъ полушубокъ... А теперь — въ село!

Черезъ нѣсколько минутъ сваты попали въ прогонъ и, — ужъ Богъ знаетъ какъ, — выползли на чье-то гумно, съ котораго могли явственно видѣть не вдалекѣ тѣхъ, кого такъ усердно и бесполезно искали; но не подлежить никакому сомнѣнію, что очарованіе все еще съ ними продолжалось.

Прилегли нареченные сваты у прясла, сохраняя глубокую тишину, и, надо полагать, созерцали звѣздное небо и величаво плывшую красавицу-луну, совершенно позабывъ про цѣль своего путешествія...

А на сосѣдномъ гумнѣ, противъ овина, скучились гадальщицы и осторожно между собою переговаривались; ни одна изъ нихъ не рѣшалась пойти въ овинъ первою. Всѣми овладѣлъ страхъ и волненіе... Еще бы! Шутка сказать: итти одной въ темный и пустой овинъ, подойти къ пролазу и произнести слова заклятья!.. Начали даже ужъ поговаривать, не вернуться ли лучше на бесѣду, чѣмъ рѣшиться на такое „волшебство“: помилуй Богъ, что еще повстрѣчается—не вылѣзешь тогда живой изъ овина!

— Я пойду! — выговорила твердо Матрена. — Я васъ сманила, я первой сама и пойду.

Подруги только переглянулись—и хотъ бы одно слово кто вымолвить!..

Лицо Матрены казалось нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, но въ глазахъ ея, осѣненныхъ густыми черными рѣсницами, свѣтилась какая-то смѣлая рѣшимость и ничѣмъ не сокрушимая воля. Разстегнула она шубу, перекрестилась и ровной поступью направилась къ овину, только снѣгъ захрустѣлъ подъ ея обутыми въ черные валенки ногами. Скоро она подошла къ овину, нагнулась у входа—и черное отверстіе скрыло ее изъ глазъ подругъ.

— Ой, какой страхъ! — слышались сдержанныя восклицанія.

Проходитъ минута... другая. . третья...

— Умрешь, дѣвоньки, съ этихъ страстей! — пролепетала Соломонида.

— Да замолчишь ли ты, постылая! — огрызнулась Марѳа, измѣняясь сама въ лицѣ.

Далеко гдѣ-то крикнулъ пѣтухъ, за нимъ другой, и скоро вся деревня огласилась ихъ громкимъ пѣніемъ.

— Первые пѣтухи!

Четверть часа, проведенная безъ Матрены, показались ожидавшимъ за цѣлый годъ.

— Идетъ! — вырвалось радостное слово изъ кучки.

Отъ овина навстрѣчу мѣсяца не торопясь возвращалась Матрена; шуба ея распахнулась, щеки пылали, каріе глаза блестѣли.

— Что? благополучно?

— Хорошо! — выговорила дѣвушка, и глаза ея, полные блаженства, остановились на лицѣ Агаѣи.

— Чѣмъ онъ тебя? мохнатой?... — освѣдомилась молодая баба, моментально оживъ при видѣ совершенно невредимой и довольной Матрены.

— Должно, мохнатой...

— Выдешь за богатаго, — сказала Марѣа.

Второй пошла въ овинъ Агаѣя. Она вернулась скорѣе своей подруги и тоже вся довольная, такая радостная...

— Что?..

— Мохнатенькой погладилъ... ровно бы овчинкой тепленькой... Такъ легонько да ласково провелъ!

— Вотъ счастье дѣвкамъ! — позавидовала Соломонида. — Обѣимъ въ богатствѣ жить... Дѣвоньки! добѣгу-ка и я, заворожу про судьбу свою!..

— Чего тебѣ завораживать? Ты мужняя жена...

— А, може, что и мнѣ выдетъ?..

— Ступай, коли у тебя охота есть, — уступила Марѣа. — Я послѣдней ужъ заворожусь.

Молодайка наскоро разстегнула свою шубу и повалила къ овину.

— Матрена! — сказала Марѳа. — Да ты что тамъ долго пробыла?

— Разѣ? — вскинула Матрена на подругу глаза. — А мнѣ за одну минуточку показалось... Не вышла бы оттуда... Такъ хорошо да сладко было, дѣвоньки!

— Смотри, не прельстилъ ли ужъ онъ тебя? Слышала, чай, змѣи-то летаютъ по ночамъ...

Марѳа не успѣла договорить: изъ овина вылетѣла Соломонида и тучею несется на дѣвокъ. На бабѣ лица нѣтъ.

— Что? Аль тебя голой?!

Ни слова въ отвѣтъ Соломонида; стоитъ передъ дѣвками бѣлѣе снѣга и не шелохнется.

— Молодайка... очнись!..

Ни звука!

— Дѣвоньки, она зачарована! — прошептала Марѳа...

Крики ужаса огласили гумно...

А бесѣда у вдовы шла своимъ чередомъ: пряли, „играли“ пѣсни, ходили „со вьюномъ“, хотя парней никого и не было; рассказывали „бывальшинки“... Но сіяющая голубая ночь, ни на минуту не перестававшая глядѣть въ окна, нашептывала въ уши бесѣдницъ что-то волшебное, поднимала новыя чувства и будила воспоминанія о давно забытомъ, рассказы о невѣроятныхъ событіяхъ и о заволаживаньяхъ.

— Гдѣ-то теперь наши дѣвки? — вспоминали на

бесѣдѣ. — Неужели онѣ въправду заворазиваться станутъ?!

— А чего не заворазиваться? На то святки.

— Да страшно... Ну, и грѣхъ тоже, баютъ...

— Мало ли что баютъ... Нѣшь безъ грѣха проживешь?

— Знамо, не проживешь... Только я вотъ про что: на перекрестокъ пойти—ничего, все тебѣ видко и сама ты не одна,—на людяхъ; а въ овинѣ надо по одной... Ну, какъ тебя кто тамъ ухватить аль испугаетъ?!.

— Слышала я, дѣвушки, про одну купецкую дочь,—заговорила Аксинья:—на городу она жила,—тамъ, на Волгѣ. Задумала это дѣвица вотъ такъ же про судьбу свою узнать. Велѣла накрыть столъ, принести разныхъ кушаньевъ и поставить два прибора. Сама заперла дверь и сѣла за столъ... „Суженый-ряженный, приходи ко мнѣ ужинать!“ сказала — и ждетъ. Вотъ, ровнехонько въ полночь, дѣвоньки, приходитъ „суженый“—мужчина, изъ благородныхъ, значить, офицеръ, изъ себя патреть писанный. Сѣли они съ купецкой дочерью за столъ,—ужинать какъ бы принялись... Ничего, все у нихъ по-хорошему идетъ. Дѣвка была не изъ робкихъ,—разговариваетъ съ *нимъ*, шутки разныя веселыя шутить. И запри-мѣтъ она у него кольцо на рукѣ. „Покажи“,—говорить,—„колечко!“ Тотъ снялъ и подалъ ей, а она возьми да и зачурай: „чуръ меня“, говоритъ... Женихъ пропалъ, кольцо осталось въ рукахъ у купецкой дочери...

— Поди,—настоящее серебряное?

— Золотое, дѣвки!.. Вотъ, послѣ святокъ-то, къ дѣвицѣ этой самой и присватайся женихъ — благороднаго званія, изъ офицеровъ, — хорошій женихъ. Какъ взглянула на жениха купецкая дочь — съ перваго же разу опознала: словно двѣ капли воды похожъ на *того-то*!.. Вышла замужъ купецкая дочь, и зажили они съ мужемъ хорошо. Объ году ребенка принесла — мальчика, красивенькій такой паренечекъ! Мужъ себя не помнитъ — радъ ужъ больно!.. И вотъ, дѣвоньки, понадобится ему о ту пору, какъ жена еще отъ родовъ больная лежала, зачѣмъ-то въ одинъ сундукъ сходить; взялъ онъ у жены ключи и пошелъ въ кладовую. Отперъ, вынулъ, что ему нужно, и нечаянно коробочку махонькую увидѣлъ. Раскрылъ, а тамъ — его золотое кольцо лежитъ! Въ ту же минутую къ женѣ. „Скажи“, баесть, — „откуда у тебя мое кольцо?“ — Вѣстимо, замялась баба, — не хотѣлось ей сказывать, а потомъ и призналась. „Такъ ты“, — говоритъ ей мужъ, — „волшебствомъ меня къ себѣ приманила!“ Досталъ саблю и тутъ же голову ей прочь.

— Ай, матушки!..

— Сплоховала купецкая дочь, — сказала Татьяна: — ей бы не держать у себя колечко.

— Рассказывали еще, — правду али нѣтъ — не знаю, — начала было Аѳанасья...

Въ эту минуту дверь быстро отворилась, и въ ней показались знакомыя лица...

— А! Пропащія... Воротились? Что, заволаживались?.. Ай, да что у те съ лицомъ-то сдѣлалось, молодайка?

— Подождите, все услышите, — отвѣчала Марѳа, стаскивая съ себя шубу.

— Что, что, дѣвки? — приступили къ нимъ. — Аль не очень съ вами благополучно?

— Ой, дѣвоньки!.. — переведя духъ, черезъ силу выговорила молодая баба, тяжело опускаясь на скамейку. — По сейчасъ еще не очнусь, въ себя не приду... Такъ напужалъ, такъ напужалъ...

— Аксинья, — перебила Марѳа, — мелкота-то твоя спать?

— Хватила!.. Поди, проснутся ужъ скоро, ѣсть запросятъ.

— Ну, такъ рассказывай молодайка.

— Вошла это я въ овинъ, — начала Соломонида. — Темно... Тихо такъ, ничего будто не слышать... Оглядѣлась и легонько этакъ, дѣвоньки, надъ подлазомъ поприсѣла. Приснастилась по хорошему, какъ слѣдуетъ, заклиняться принялась: „хани меня“, говорю, „мани меня“... Не успѣла сказать: „мохнатой ручищей“, — какъ чѣмъ-то хватить сзади, треснетъ изо всей мочи... по спинѣ... инды въ уголъ отъ ямы меня откинуло!

— Ай, ай, ай! Вотъ ужаси-то!..

— Не опомнилась, какъ изъ овина вылетѣла и опять близъ дѣвокъ очутилась. Весь задъ отшибло!.. По сейчасъ больно...

— Нечистая-то сила что дѣлаетъ!?

Изъ всѣхъ слушательницъ не выражали никакого страха только Матрена съ Агаѣею; онѣ прилежно пряли, и по лицамъ обѣихъ играли счастливыя улыбки...

— Не помнишь, молодайка, чѣмъ тебяхватило: мохнатымъ али голымъ? — полюбопытствовала Аксинья.

— Когда тутъ было разбирать! Баю вамъ: не опомнилась...

— Ну, молодайка, ожидай на году перемѣны. Это къ тому... Большая перемѣна случится!..

— Слушайте, дѣвки, — вступила съ рѣчью Марѳа: — молодайка у насъ проста, рассказала про свое несчастье. Смотрите, чтобы изъ нашей бесѣды объ этомъ ни слова на волю не вышло. А то проходу не будетъ бабѣ: засмѣютъ!

Всѣ дали обѣщаніе никогда словомъ не промолвиться про бабье „несчастье“.

— А дѣвкамъ что вышло?

— Матренѣ съ Агаѳеѣй хорошо, — отвѣчала Марѳа: — обѣимъ мохнатки, а я ужъ не заворачивалась, — больно молодайка перепугала!

Долго еще говорили... Пропѣли третьи пѣтухи, и бесѣдницы засуетились.

— По домамъ пора, собирайтесь!.. Прощай, Аксинья!

Гурьбою высыпали на волю дѣвицы. На дворѣ стояла все та же чудная голубая ночь, но еще болѣе свѣтлая и прекрасная, нѣмая ночь...

— Дѣвки! глянька-те: что это въ улицѣ-то?

А по улицѣ, шагахъ въ ста, несло нѣчто странное, темное и безформенное; это *нѣчто*, по мѣрѣ приближенія, колыхалось, подскакивало и металось изъ стороны въ сторону...

— Батюшки! — вырвались голоса изъ дѣвичей толпы:—на Антонѣ Поликарповѣ *нечистый* верхомъ скачетъ...

Всѣ замерли на мѣстѣ.

— Слава Богу! — задыхаясь выговорилъ Антонъ Поликарповъ, остановившись съ „нечистымъ“ на своихъ плечахъ у Потаповой избы. — Все благополучно... Соблюлъ... Донесъ свата!

Въ жизни молодой бабы дѣйствительно произошла перемѣна: передъ Пасхою умеръ у нея мужъ, и сама она пропала. Одни говорили, что Соломонида къ святымъ мѣстамъ молиться ушла, а другіе, — что вмѣстѣ съ парнями весною на плотяхъ уплыла. „Напугали“ же ее, какъ послѣ разъяснилось, сынъ Антона Поликарпова съ Митревскимъ парнемъ.

— Матрену-то съ Аганькой мы полами шубъ погладили, — рассказывали озорники. — А Соломониду лопатой хватили. Не заворачивайся впередъ: бабѣ не слѣдъ это дѣлать!

Агаѣя вышла за Петра, а Матрена... къ ней, говорятъ, сватается „митревскій парень“.

К О Н Е Ц Ъ.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Спасена.	3
На берегу моря	9
Перевозчикъ Ванюшка.....	31
На Новый годъ	53
Сгинула дѣвка	137
Обошелъ	159
Чудная ночь	185—214

Bayerische
Staatsbibliothek
München

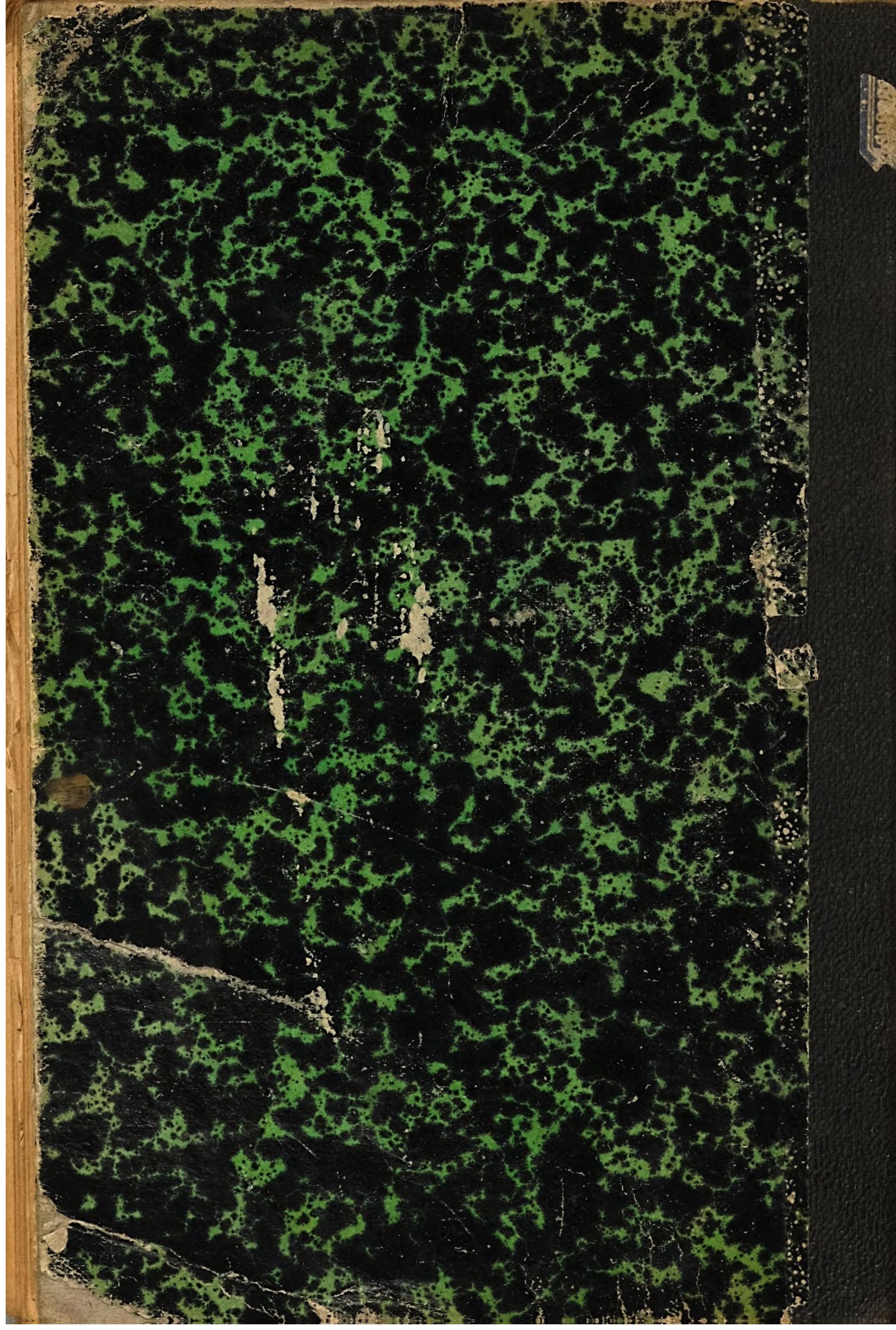

50, -
Poser 6.5.87

Nefedov, Filipp Diomidovič

Svjatočnye razskazy [Inh.:] Spasena.- Na beregu morja.- Perevozčik Vanjuška.- Na Novyj god.- Sginula děvka.- Obosel.- Čudnaja noč

Moskva 1895

P.o.russ. 153 z

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680458-1